

Научная статья

УДК 159.9.072

EDN EMEXTC

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1569-1582

К.И. Воробьева[✉], Д.А. Заславский^{ID}

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: К.И. Воробьева, klarisav2011@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И СТРАТЕГИЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ СЕТЕВОГО Я-ОБРАЗА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена эмпирическому анализу взаимосвязи самооценки со стратегиями самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа пользователей социальных сетей. В определении и исследовании самооценки учитывались различия не только в уровне самооценки как таковой, но и ее различных типов, определяющихся разным сочетанием двух измерений самооценки: саморасположенности (самоценности) и компетентности. Для измерения самооценки были использованы методики – шкала самооценки Розенберга (RSES), шкала Тафароди и Свон (SLCS). Для выявления стратегий самопрезентации в социальных сетях и конструирования сетевого Я-образа использована Шкала презентации онлайн-Я (POSS), разработанная К. Фуллвудом, Б.М. Джеймс и Ч.-Х. Чен-Уилсон. Проведенный анализ показал отсутствие значимых статистических связей между уровнем самооценки, как глобальной, так и по отдельным компонентам, и показателями интенсивности использования социальных сетей. Более определенными оказались результаты сравнения уровня самооценки у пользователей с различающейся сетевой ролью, то есть, преимущественным типом активности в онлайн-коммуникациях. Выявлены взаимосвязи между уровнем и типом самооценки, с одной стороны, и стратегиями самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа, с другой. Доказано, что пользователи с заниженной самооценкой существенно искажают свой Я-образ при коммуникации в социальных сетях, склонны к идеализации своего Я-образа и проявляют стремление подстраивать свой образ под ожидания конкретной сетевой аудитории. Пользователи с высокой самооценкой демонстрируют более консервативные модели поведения в онлайн-коммуникации, не склонны к само-промоутированию и идеализации Я-образа, а также к дивергенции Я-образов в различных сетях и сообществах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Самооценка, самопрезентация в онлайн коммуникации, конструирование сетевого образа-Я.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 03 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

К.И. Vorobyeva[✉], D.A. Zaslavsky^{ID}

Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation

Corresponding author: K.I. Vorobyeva, klarisav2011@mail.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN SELF-ESTEEM AND SELF-PRESENTATION STRATEGIES AND THE CONSTRUCTION OF A NETWORK SELF-IMAGE BY USERS OF SOCIAL NETWORKS

ABSTRACT. The article is devoted to an empirical analysis of the relationship between self-esteem and strategies for self-presentation and the construction of a network Self-image of users of social networks. In the definition and study of self-esteem, differences were taken into account not only in the level of self-esteem as such, but

© Воробьева К.И., Заславский Д.А., 2023

also in its various types, determined by a different combination of two dimensions of self-esteem: self-disposition (self-worth) and competence. To measure self-esteem, methods were used – the Rosenberg Self-esteem Scale (RSES), the Tafarirodi and Swan scale (SLCS). The Online Self Presentation Scale (POSS) developed by K. Fullwood, B.M. James and C.H. Chen-Wilson was used to identify strategies for self-presentation in social networks and to construct a network Self-image. The conducted analysis showed the absence of significant statistical links between the level of self-esteem, both global and by individual components, and indicators of the intensity of use of social networks. The results of comparing the level of self-esteem among users with a different network role, that is, a predominant level of activity in online communications, turned out to be more definite. The interrelationships between the level and type of self-esteem, on the one hand, and strategies of self-presentation and the construction of a network self-image, on the other hand, are revealed. It has been proven that users with low self-esteem significantly distort their Self-image when communicating on social networks, tend to idealize their Self-image and show a desire to adjust their image to the expectations of a specific network audience. People with high self-esteem demonstrate more conservative models of online communication, are not inclined to self-promotion and idealization of the Self-image, as well as to the divergence of Self-images in various networks and communities.

KEYWORDS. Self-assessment, self-presentation in online communication, constructing a network image-Self.

ARTICLE INFO. Received November 03, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Введение

Актуальность проблемы. Анализ имеющихся теоретических и эмпирических исследований по заявленной проблеме показал, что в настоящее время понимание роли самооценки в самопрезентационном поведении пользователей социальных сетей и других социальных медиа, ее связи с конструируемым сетевым Я-образом носит крайне фрагментарный и во-многом противоречивый характер. В значительной степени это связано со сложностью исследуемых конструктов и различными концептуализациями самооценки и Я-образа, отсутствием надежных методик для изучения цифрового, виртуального и сетевого Я-образа, техническими и организационными трудностями изучения сетевого поведения и самовосприятия пользователей социальных сетей. С учетом важности проблемы для современной психологической науки и практики, а также дефицита, и противоречивости имеющихся научных данных, нами было проведено эмпирическое онлайн-исследование среди русскоязычных пользователей социальных сетей.

Теоретическое основание исследования. В большинстве современных работ в понятии самооценки выделяются два измерения. Первое измерение — это компетентность, само-компетентность или, иногда, самоэффективность (self-efficacy). В широком смысле, речь идет о способности человека добиваться своих значимых целей, уверенность в своей возможности сделать то, что считается важным. Следует подчеркнуть, что речь идет не о способности как таковой, а о способности в соотношении с определенными целями и интересами. В своей крайней форме, самооценка сводится к компетентности как оценке своих достижений в сравнении с желаниями и претензиями, — именно таким является определение, восходящее к работам У. Джемса [1, р. 156].

Второе измерение — это достоинство (worthiness), ценность, самоуважение (self-regard) или само-расположенность (self-liking). Соответствующая интерпретация была предложена в подходе М. Розенберга [2, р. 217], и развернута в теориях самооценки Р.Ф. Баумайстера [3, р. 346], Дж. Бейли [4, р. 384], С. Дэвисона [5, р. 132], Лахович-Табачек [6, р. 28] и др. Оно характеризует степень, в которой

человек видит в себе ценность, воспринимает себя как стоящего человека, доброго или злого. Как правило, в этом компоненте отражено социальное содержание самооценки, хотя не в смысле оценивания, даваемого другими, а в смысле социальной ценности, которую человек видит в самом себе.

В различии между компетентностью и достоинством отражается более общее и абстрактное различие между инструментальными и внутренними аспектами ценности: если аспект «достоинства» относится к тому, что ценно и значимо само по себе, то аспект компетентности относится к тем качествам объекта (в данном случае — «Я»), которые используются для достижения чего-то другого. Однако это различие также отражает различие между когнитивными и аффективными психологическими процессами, на что указывают И. Уэллс и Дж. Марвелл [7, р. 121]. В свою очередь, К.Дж. Мрук указал, что в определении и исследовании самооценки необходимо учитывать не только состояние и степень каждого отдельного компонента или измерения (компетентность и достоинство), но и характер отношений между ними [8, р. 344].

Названные теоретические положения являются методологическим основанием настоящего эмпирического исследования.

Общая *цель* эмпирического исследования заключалась в изучении роли самооценки в стратегии позиционирования и конструирования сетевого Я-образа пользователями социальных сетей.

Основные *задачи*, решаемые в ходе эмпирического исследования, заключались в следующем:

1. Описать вариативность самооценки пользователей социальных сетей в рамках общей концепции К. Мрука, т.е. с учетом различий не только в уровне самооценки как таковой, но и ее различных типов, определяющихся разным сочетанием двух измерений самооценки: саморасположенности (самоценности) и компетентности.

2. Выявить взаимосвязи между уровнем и типом самооценки, с одной стороны, и стратегиями самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа, с другой.

Объект исследования: стратегии самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа пользователями социальных сетей.

Предмет исследования: роль самооценки в стратегии самопрезентации и конструировании сетевого Я-образа пользователями социальных сетей.

Гипотеза: стратегии позиционирования и конструирования сетевого Я-образа пользователями социальных сетей зависят как от уровня, так и от типа самооценки.

Организация и методы исследования

Сбор первичных данных был проведен в декабре 2022 года в ходе онлайн-исследования с использованием онлайн-панели независимого поставщика (компании «Анкетолог»). При общем размере онлайн панели более 200 тыс. чел. (в том числе отвечающим целевым критериям выборки — более 145 тыс. чел.), представляющих различные регионы, социально-демографические группы и страты, такой подход гарантирует высокую репрезентативность и гетерогенность выборки, что повышает надежность и качество полученных результатов.

Выборка. При формировании критериев отбора пользователей онлайн-панели были использованы два главных параметра настройки выборки: возраст и использование социальных сетей. В целевую выборку попали пользователи от 18 лет и старше, зарегистрированные хотя бы в одной социальной сети. Из общего размера потенциальной целевой аудитории (более 145 тыс. чел.) механизмами сервиса была сформирована выборка, отвечающая заданным параметрам. Таким образом, размер итоговой выборки составил 507 чел.: 69,6 % — женщины, 30,4 % — муж-

чины. В силу особенностей структуры онлайн-панели, выборка является несбалансированной по гендерному составу, что, однако, не влияет на надежность результатов анализа, учитывая его цели и размеры подвыборок. По возрасту структура выборки выглядит следующим образом: от 18 до 24 лет — 7,9 %; от 25 до 34 лет — 29,2 %; от 35 до 44 лет — 35,7 %; от 45 до 54 лет — 18,1 %; от 55 до 64 лет — 8,1 %; 65 лет и старше — 1,0 %.

При проведении исследования были использованы *методики*:

1. Для измерения уровня и типа самооценки: Русскоязычная Шкала самооценки М. Розенберга RSES [9, р. 304]; Двухмерная Шкала самооценки SLCS Р. Тафароди и У. Суонн [10, р. 327] — основной инструмент выявления оценки, специально разработанный для раздельного измерения ее двух компонентов: саморасположенности (достоинства) и компетентности.

2. Для выявления стратегий самопрезентации в социальных сетях и конструирования сетевого Я-образа: Анкета измерения социальной активности онлайн (автор Д.А. Заславский); Адаптированная Шкала презентации онлайн-Я (POSS), разработанная К. Фуллвудом, Б.М. Джеймс и Ч.-Х. Чен-Уилсон [11, р. 717]; Анкета оценки конструирования сетевого Я-образа (автор Д.А. Заславский).

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

1. *Общая характеристика самооценки русскоязычных пользователей социальных сетей.*

Для измерения самооценки были использованы две методики — шкала самооценки Розенберга (RSES), а также шкала Тафароди и Свон (SLCS). Анализ пригодности, проведенный для субшкал обоих методик, показал следующие значения Альфа Кронбаха: RSES, саморасположенность — 0,76; RSES, компетентность — 0,73; SLCS, саморасположенность — 0,78; SLCS, компетентность — 0,68. Обе шкалы показали приемлемый уровень надежности, при этом значимых преимуществ русскоязычной версии SLCS по сравнению с RSES с точки зрения внутренней согласованности не выявлено. Корреляционный анализ показал общую высокую степень соответствия между двумя шкалами¹, но также подтвердил определенные трудности, связанные с измерением компетентностного компонента (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции r между субшкалами RSES и SLCS

	RSES — саморасположенность	RSES — компетентность	SLCS — саморасположенность	SLCS — компетентность
RSES — саморасположенность	1,0	0,695	0,744	0,538
RSES — компетентность		1,0	0,682	0,452
SLCS — саморасположенность			1,0	0,585
SLCS — компетентность				1,0

Примечание: все корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Несмотря на то, что измерение компетентностного аспекта самооценки является относительно менее надежным и требует большей осторожности в интерпретации, общий уровень качества обеих использованных шкал можно считать

¹ Проверка на нормальность с использованием теста Колмогорова-Смирнова показала, что все субшкалы имеют нормальное распределение.

достаточным для проведения содержательного анализа самооценки пользователей социальных сетей.

В табл. 2 приведена базовая дескриптивная статистика, позволяющая охарактеризовать общий уровень самооценки среди пользователей социальных сетей, используя в качестве показателя общую сумму баллов по каждой шкале; при этом для оценки глобальной (общей) самооценки мы используем общую сумму баллов по всей шкале RSES.

Таблица 2

Общая характеристика самооценки пользователей социальных сетей

Переменная	среднее	ст. откл.	медиана
Глобальная самооценка, RSES	30,3	5,8	31
RSES, саморасположенность	13,9	3,4	14
RSES, компетентность	16,4	2,9	17
SLCS, саморасположенность	28,6	5,9	29
SLCS, компетентность	23,9	4,7	24

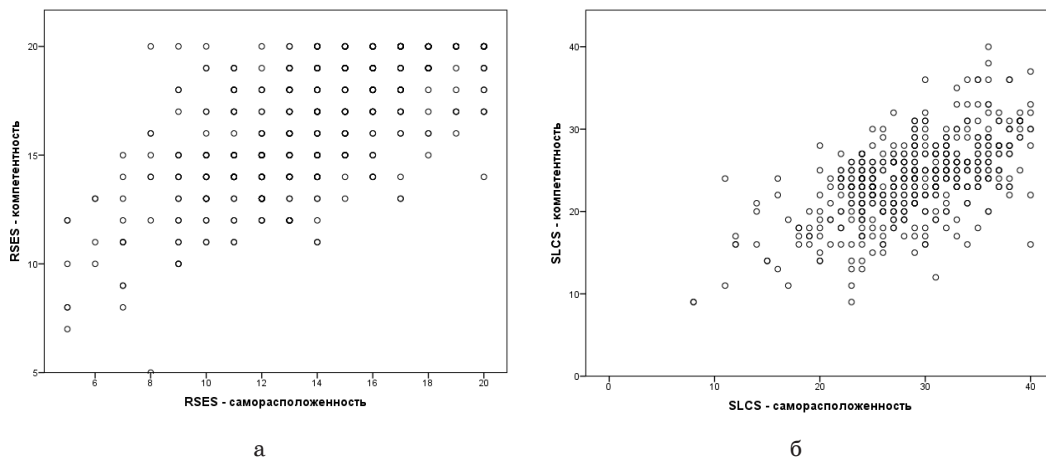
Средняя самооценка пользователей по обоим шкалам находится чуть выше средней точки шкалы, что означает преобладание повышенной самооценки. При этом компонент саморасположенности, отражающий общее отношение человека к себе, характеризуется значительно более выраженной вариативностью.

В соответствии с наиболее популярными теоретическими представлениями, в самооценке выделяются два связанных, но относительно независимых компонента. В наибольшей степени этот подход выражен в концепции К. Мрука [8], который предполагает, что саморасположенность и компетентность — не просто два измерения самооценки, но основа для выделения качественно различающихся типов самооценки. В логике этой теории, внутри каждого из четырех типов можно определить границу, отделяющую умеренный уровень выраженности от экстремального, имеющего, во всех случаях кроме сбалансированного высокого, клинические формы проявления. Эта граница определяется по аналогии с методиками, используемыми для проведения границы между клиническими и неклиническими формами проявления определенной симптоматики психических состояний (например, тревожности), используемой в классификации и диагностике психических заболеваний (DSM) и равна приблизительно 7 пунктам по 10-балльной шкале (при этом модель К. Мрука по мере эволюции перешла от границы 5 пунктов к границе 7 пунктов).

Мы попытались оценить, насколько ценным может быть применение модели четырех типов к описанию самооценки русскоязычных пользователей социальных сетей. На рис. представлены диаграммы рассеяния для субкомпонентов обеих использованных шкал, позволяющих визуально оценить возможность предложенной типологии.

Характер рассеяния показывает, что несмотря на явную линейную связь между двумя компонентами, соответствующую результатам корреляционного анализа и традиционному делению на высокую и низкую самооценку, предположение о более сложном характере этого конструкта не выглядит необоснованным. Если учесть, что центральные точки имеют координаты (12,5; 12,5) для шкалы RSES и (24; 24) для шкалы SLCS, то несложно видеть, что значимые группы наблюдений встречаются во всех 4 квадрантах, а некоторые из них имеют очевидные признаки клинических проявлений. При этом шкала SLSC демонстрирует более явное распределение в рамках четырехчастной модели К. Мрука, тогда как шкала

а
б
Диаграммы рассеяния по двум измерениям самооценки: а) шкала RSES;
б) шкала SLCS

SLCS, по-видимому, не позволяет достаточно надежно идентифицировать людей с несбалансированной самооценкой II типа. Сравнение двух шкал также показывает, что они не являются полностью взаимозаменяемыми, а потому их целесообразно использовать в дополнение друг к другу.

Прямая оценка типа самооценки на основе вычисления квадранта по обоим измерениям шкалы SLCS показала, что значительная часть отвечающих (20,3 %) не может быть обоснованно отнесена ни к одному квадранту, поскольку как минимум одно значение находится на той или иной оси (т.е., отвечающие выбирали промежуточные значения). Остальные участники распределены по типам самооценки неравномерно: Низкая самооценка — 12,2 %; Несбалансированная самооценка I типа (высокая саморасположенность, низкая компетентность) — 26,0 %; Несбалансированная самооценка II типа (низкая саморасположенность, высокая компетентность) — 0,02 %; Высокая самооценка — 39,6 %.

Также была проведена оценка степени несбалансированности в структуре самооценки. Руководствуясь логикой, предложенной К.Мруком, мы использовали в качестве показателя несбалансированности разницу между значениями по двум субшкалам. Если она превышает 11 пунктов (эквивалент значения 7 пунктов в модели К.Мрука для 10-балльной шкалы), то разрыв в восприятии собственной компетентности и оценки своих достоинств носит ярко выраженный характер и может свидетельствовать о выходе самовосприятия за пределы нормы. Результаты нашего анализа показали, что абсолютное большинство участников исследования характеризуется умеренным значением выраженности того или иного типа самооценки, не выходящим за указанные пределы. Экстремальные значения выявлены у 44 чел. (8,7 %), большинство из которых относятся к несбалансированной самооценке I типа и классифицируется в модели К.Мрука как нарциссическая самооценка. Выявлено, что женщины, в целом, демонстрируют более высокий уровень как глобальной самооценки, так и ее отдельных компонентов, хотя статистически значимой эта связь является только в отношении аспекта компетентности шкалы RSES ($F = 8,466$, $p = 0,004$). Значимых связей самооценки с другими социально-демографическими показателями (возраст, уровень образования, место проживания) выявлено не было.

Однако уровень дохода оказался устойчиво и линейно связанным как с общей самооценкой, так и с ее отдельными компонентами: более высокий уровень

дохода сопровождается более высокой самооценкой. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена являются положительными, варьируются в диапазоне от 0,09 (RSES, компетентность) до 0,203 (SLCS, компетентность) и являются значимыми на уровне 0,05 для аспекта компетентности RSES и на уровне 0,01 для всех остальных переменных. Можно предположить, что высокий уровень доходов является элементом социальной обратной связи, подтверждающей статус, успешность и достоинство человека.

2. Характеристика социальной активности онлайн.

Для измерения социальной активности онлайн использовалась методика «Инструмент измерения социальной активности онлайн», которая позволила оценить интенсивность и общий характер использования социальных сетей в обследованной группе пользователей. Результаты показывают, что пользователи существенно различаются по интенсивности сетевой активности и плотности социальной сети. Только 6,7 % респондентов имеют единственный аккаунт в социальных медиа, для остальных это число больше, что задает основу для потенциальной множественности сетевых Я-образов. Наиболее частыми вариантами ответа на вопрос о среднем числе аккаунтов являются 2–3 (34,9 %) и 4–5 (34,3 %). Еще 14 % пользователей ведут 6–7 аккаунтов, 3,2 % — 8–9 аккаунтов, а 4,5 % — 10 и более. Около половины пользователей проводит в социальных сетях до 2 часов в день, вторая половина — более 2 ч.

Средний размер и форма сети социальных контактов в онлайн-коммуникациях также варьируется в значительных пределах, как в отношении входящих контактов (числа подписчиков), так и в отношении исходящих контактов (числа контактов, на которых подписан пользователь).

Для определения типа сети социальных контактов на основе двух вышеуказанных параметров (число входящих и исходящих контактов) был проведен кластерный анализ. С помощью процедуры двухэтапного кластерного анализа в программе IBM SPSS были идентифицированы три кластера с хорошим качеством связности и разделения:

Кластер 1 (Гиперсоциализированные пользователи) — характеризуются небольшим превышением числа входящих контактов над исходящими, равными, соответственно, 6,3 и 6,0 баллов по 7-бальной шкале. Учитывая, что 6 баллов в данном случае соответствует числу контактов в диапазоне от 150 до 500, т.е., превышают так называемое число Данбара, определяющее среднее число социальных контактов, которые может эффективно поддерживать человеческий мозг [12, р. 185]. Размер кластера составляет 26,6 % всех пользователей.

Кластер 2 (Высокоактивные пользователи) — характеризуются значительным превышением числа входящих контактов (4,6 балла) над числом исходящих (3,7 балла). Размер их социальной сети находится в пределах числа Данбара. Это самый крупный кластер, к которому относится 37,9 % всех пользователей.

Кластер 3 (Малоактивные сетевые потребители) — отличаются небольшим размером сети контактов и превышением числа исходящих контактов (1,9 балла) над входящими (1,7 балла). Размер кластера составляет 22,9 %. Остальные пользователи находятся вне выявленных кластеров.

Проведенный анализ показал отсутствие значимых статистических связей между уровнем самооценки, как глобальной, так и по отдельным компонентам, и показателями интенсивности использования социальных сетей. В частности, время, проводимое в социальных сетях, никак не связано с уровнем общей самооценки ($\rho = -0,024$, $p = 0,6$).

Отрицательные результаты также были получены при попытке выявить связь между самооценкой и характером социальной активности, типичной для пользо-

вателей. За исключением слабой положительной связи ($r = 0,089$, $p = 0,045$) между уровнем общей самооценки и частотой выкладывания своих фото. Слабая положительная связь размещения фото- и видеоматериалов была также подтверждена и в отношении обеих субшкал шкалы SLSC, а также саморасположенности по шкале RSES. Это согласуется с нарциссическим типом поведения,

Более определенными оказались результаты сравнения уровня самооценки у пользователей с различающейся сетевой ролью, т.е., преимущественным типом активности в онлайн-коммуникациях. Пользователи самоидентифицировали себя с одной из трех ролей: информационного потребителя (использование социальных сетей преимущественно для просмотра контента других людей), создателя контента (преимущественное использование социальной сети для создания и распространения контента) либо «гармоничного пользователя» (сбалансированное использование социальных сетей для обеих основных целей). Результаты дисперсионного анализа показали, что три группы существенно различаются по обеим субшкалам SLCS: по шкале компетентности ($F = 8,163$, ст. св. = 2, $p < 0,01$) и саморасположенности ($F = 5,645$, $p < 0,01$), а также по шкале саморасположенности RSES ($F = 4,072$, $p = 0,018$). Сравнение групп показало, что такие результаты достигаются за счет более высокой самооценки среди группы «гармоничных пользователей».

Вместе с тем следует отметить, что три типа ролей представлены в выборке крайне неравномерно. Абсолютное большинство (70,8 %) относится к категории информационных потребителей, еще 24,3 % — к категории гармоничных пользователей. Данные относительно «создателей контента» поэтому не могут считаться достаточно надежными. Тем не менее более высокий уровень самооценки среди гармоничных пользователей носит устойчивый характер. Также следует отметить, что существуют показательные различия в распределении типичных ролей между людьми с разным типом самооценки. Среди людей с низкой самооценкой доля информационных потребителей составляет 83,9 %, а доля гармоничных пользователей — только 14,5 %; среди людей с несбалансированной самооценкой I типа это соотношение составляет, соответственно, 75,2 % и 20,2 %, а среди людей с высокой самооценкой — 66,0 % и 30,5 %.

Можно предположить, что люди с высокой и сбалансированной самооценкой меньше подвержены факторам, способствующим асимметричной форме социального поведения в онлайн-коммуникациях. Они не испытывают неуверенности, которая может заставлять людей с низкой самооценкой ограничивать собственную сетевую активность, но также не склонны и к нарциссическим формам поведения, которые также отмечаются среди людей с пониженной или несбалансированной самооценкой.

Таким образом прямых и устойчивых связей между уровнем самооценки и интенсивностью пользования социальными сетями, величиной и типом сети социальных контактов выявлено не было. Вместе с тем была выявлена зависимость между сетевой ролью (предпочтениями относительно потребления и создания контента) и уровнем самооценки: наиболее высоким она оказывается среди тех, кто сбалансированно пользуется социальными сетями для симметричного взаимодействия с другими пользователями.

3. Особенности самопрезентационного поведения респондентов.

Для выявления особенностей самопрезентационного поведения использовались два инструмента.

Первый инструмент — это адаптированная русскоязычная версия шкалы презентации онлайн-Я (POSS), разработанной и предложенной К. Фулвудом и др. Шкала POSS включает серию вопросов, относящихся к четырем категориям:

«Идеальное Я» — характеризует степень идеализации Я-образа при самопрезентации в ходе сетевого общения; «Множественные Я» — отражает степень дивергенции Я-образов при общении в различных социальных сетях или сообществах; «Устойчивое Я» — показывает, насколько человек сохраняет свое Я при общении онлайн и оффлайн; «Предпочтительность самопрезентации онлайн» — позволяет оценить, насколько значимым для человека является поведение и Я-образ в социальных сетях в сравнении с общением в реальном мире.

Результаты анализа пригодности показали, что внутренняя согласованность субшкал сильно различается и составляет: «Идеальное Я» (9 пунктов): Альфа Кронбаха = 0,91; «Множественные Я» (5 пунктов): Альфа Кронбаха = 0,84; «Устойчивое Я» (4 пункта): Альфа Кронбаха = 0,31; «Предпочтительность самопрезентации онлайн» (3 пункта): Альфа Кронбаха = 0,51.

Высокие значения по субшкалам (идеализированного Я и множественного Я) показывают готовность и стремление человека к экспериментированию в онлайн-среде и могут служить индикатором степени расхождения между Я-концепцией и Я-образом. Результаты проведенного анализа показали, что среди русскоязычных пользователей преобладает консервативная модель конструирования сетевого Я-образа.

Среднее значение для шкалы идеализированного Я составило 2,3 балла по шкале от 1 до 5 (ст. откл. = 0,98), по шкале множественности Я — 2,1 (ст. откл. = 0,97). Медианное значение составило в первом случае 2,2 балла, во втором — 1,8; наиболее распространенным (модальным) значением является значение 1,0. Последнее означает, что в значительном числе случаев (10,1 % для идеализированного Я и 21,1 % для множественных Я) участники исследования последовательно выбирали крайние консервативные значения для всех пунктов соответствующих шкал, а во многих других случаях демонстрировали выраженные консервативные тенденции.

Выявлены различия в характере самопрезентации в сетевом общении, обусловленные половозрастными характеристиками. Применение критерия U Манна-Уитни показало, что существуют значимые различия между мужчинами и женщинами в отношении как идеализированного Я ($p < 0,01$), так и множественности Я ($p = 0,04$). Женщины демонстрируют устойчиво более выраженные консервативные тенденции, а мужчины — не только большую готовность к экспериментальному поведению онлайн, но и большую вариативность моделей поведения. Средние значения по шкале идеализированного Я составили: для женщин — 2,26 балла (ст. откл. = 0,96), для мужчин — 2,51 (ст. откл. = 1,02). Для шкалы множественности Я эти цифры составили, соответственно, 1,99 балла (ст. откл. = 0,93) и 2,21 балла (ст. откл. = 1,04). Возраст также является фактором, влияющим на характер поведения онлайн. Более зрелые пользователи характеризуются меньшим значением как по шкале идеализированного Я ($p = -0,125$, $p < 0,01$), так и по шкале множественного Я ($p = -0,172$, $p < 0,01$).

Можно предположить, что более молодые пользователи чувствуют себя более уверенно в использовании сетевых технологий и онлайн-коммуникациях, а также являются более открытыми для экспериментальных форм поведения. Различие между мужчинами и женщинами представляет большой интерес, поскольку ранее было показано, что для женщин, по крайней мере, в рассматриваемой выборке, характерна более высокая самооценка. Это заставляет предположить, что склонность к идеализации Я и дивергенции различных Я-образов может быть связана не столько с готовностью к экспериментальным формам поведения, сколько с уровнем самооценки.

Действительно, как показал корреляционный анализ, самооценка устойчиво связана с двумя исследованными компонентами самопрезентации онлайн. Коэф-

фициент корреляции Спирмена для связи между общей самооценкой по шкале Розенберга и Идеализированным Я составил $-0,337$ ($p < 0,001$), а с Множественными Я составил $-0,244$ ($p < 0,001$). Иными словами, люди с более высокой самооценкой, в целом, демонстрируют более консервативные модели поведения в онлайн-коммуникации, не склонны к само-промоутированию и идеализации Я-образа, а также к дивергенции Я-образов в различных сетях и сообществах. С точки зрения компонентной структуры самооценки, большее значение имеет саморасположенность, особенно в отношении идеализированного Я. Несмотря на ограниченную ценность типологии К.Мрука, пользователи, отнесенные к разным типам самооценки, характеризуются различающимся значением двух составляющих самопрезентации онлайн.

Выявлено, что люди с низкой самооценкой в гораздо большей степени склонны идеализировать свой Я-образ, тем самым демонстрируя поведение, направленное на само-промоутирование. Такие люди стремятся казаться в глазах окружающих более привлекательными, повышая свой социальный статус и расширяя возможности развития своего социального капитала. Это соответствует логике социально-компенсаторной гипотезы, которая рассматривает идеализацию Я-образа как результат пониженной самооценки. Люди с повышенной самооценке не нуждаются в таких компенсаторных механизмах, а потому менее склонны использовать сетевой Я-образ для само-промоутирования. Аналогичная логика применима и к дивергенции Я-образов в различных сетях и сообществах. Более высокая самооценка, по-видимому, снижает мотивацию к конструированию различных цифровых личностей, тогда как низкая самооценка повышает значимость оценки восприятия со стороны сетевого сообщества, заставляя корректировать Я-образ в зависимости от аудитории.

Чтобы лучше оценить возможное взаимодействие различных факторов, которые могут лежать в основе самопрезентационного поведения, в разведочных целях были построены регрессионные модели на основе функций автоматизированного линейного моделирования в программе SPSS. В качестве зависимых переменных выступили показатели Идеализированного Я и Множественных Я. В качестве потенциальных предикторов были использованы, помимо общей самооценки, также демографические переменные (пол, возраст), субъективный уровень материально-го благополучия, показатели интенсивности сетевой активности.

В отношении Идеализированного Я наиболее важными оказались два предиктора: общая сетевая активность (сумма интенсивности всех видов активности в социальных сетях), с относительной важностью $0,435$ ($p < 0,001$)², β -коэффициент = $0,062$ ($p < 0,001$); общая самооценка, с относительной важностью $0,318$ ($p < 0,001$), β -коэффициент = $-0,043$ ($p < 0,001$).

Для компонента Множественных Я наиболее важными предикторами стали: общая сетевая активность: важность = $0,549$ ($p < 0,001$), $\beta = 0,063$ ($p < 0,001$); общая самооценка: важность = $0,126$ ($p < 0,001$), $\beta = -0,026$ ($p < 0,001$).

Наиболее важным предиктором в обоих случаях выступила общая сетевая активность. Чем более активно человек ведет себя в социальных сетях, тем выше вероятность того, что при этом он будет склонен идеализировать себя и экспериментировать с множественными сетевыми Я-образами. Обратим внимание, что при этом само по себе количество сетевых аккаунтов или размер сети контактов существенного значения не имеет. Поскольку ранее было показано, что сетевая активность практически не связана напрямую с самооценкой, можно заключить,

² Важность предиктора не означает его точность, этот показатель отражает относительную значимость предиктора из всех предикторов, использованных в модели. Сумма важности всех предикторов равна 1.

что это два относительно независимых фактора, определяющих стратегию самопрезентации. Уровень самооценки также устойчиво и значимо влияет на склонность к идеализации и дивергенции Я-образов, причем это влияние является отрицательным.

Рассматривая результаты анализа, проведенного с использованием методики POSS, можно сделать вывод, что уровень самооценки более важен для самопрезентации, чем ее тип и сбалансированность. Мы связываем это с тем, что во взрослой аудитории шкала POSS в большей степени измеряет не столько готовность к экспериментам, сколько устойчивость Я-концепции и важность сохранения внутренней целостности и идентичности. Идеализация и дивергенция сетевых Я-образов является следствием пониженной самооценки и может рассматриваться как защитно-компенсаторный механизм, направленный на управление впечатлениями.

Второй ключевой инструмент, использованный для изучения связи самооценки и стратегии самопрезентации предназначен для определения стратегии конструирования сетевого Я-образа. При его использовании пользователям предлагается представить, что они регистрируются в новой социальной сети и имеют возможность указать определенную информацию о себе. Всего перечень содержит 29 пунктов, для каждого из которых пользователь может указать, хотел бы он указать достоверную информацию о себе, недостоверную информацию, либо предпочел бы не указывать никакую информацию. В данном случае мы исходим из того, что максимальная свобода выбора элементов сетевого Я-образа позволяет установить предпочтительную стратегию самопрезентации, и такая стратегия будет определяться уровнем и типом самооценки. Данный инструмент позволяет установить два главных элемента такой стратегии:

- полноту сетевого Я-образа, т.е., количество информации о себе, который пользователь хотел бы указать при онлайн-коммуникации;
- достоверность сетевого Я-образа, т.е., соотношение достоверной и недостоверной информации о себе, включенной в Я-образ.

Анализ полученных данных показал, что наиболее важным для пользователей является предоставление достоверной гендерной информации. Это может быть связано с исключительной важностью гендерной идентичности в Я-концепции личности, которая не является «предметом торга» при онлайн-презентации, несмотря на широкие возможности манипуляции гендерным статусом в социальных сетях. Также высокое значение имеет личное имя, которое является важной частью идентичности. В отличие от имени, предоставление настоящей фамилии вызывает меньше положительных реакций. Это может означать большее желание сохранить анонимность в сети. Однако при этом пользователи, в целом, не возражают против размещения своей настоящей фотографии. К числу наиболее табуированной относится информация о доходах, а также информация, связанная с физическими характеристиками и статусом здоровья.

Для проверки ключевых гипотез, касающихся связи самооценки и сетевого Я-образа, для каждого пользователя были рассчитаны показатели полноты и достоверности. Описательная статистика для вычисленных переменных показана в табл. 3.

В целом, пользователи социальных сетей склонны к стратегиям с высокой степенью полноты и достоверности сетевого Я-образа. При этом 15,2 % пользователей декларируют готовность к абсолютной полноте Я-образа, т.е., готовы указывать всю запрашиваемую информацию о себе (хотя и не обязательно достоверную). Еще большая доля, а именно 59,4 %, декларируют готовность к абсолютной достоверности Я-образа, т.е., готовы указывать только подлинную информацию о себе. Стратегии расхождения, при которой пользователь предпочитает размещать больше недостоверной информации, придерживаются 9,4 %. При этом полно-

Таблица 3

Описательная статистика для основных характеристик сетевого Я-образа

Переменная	Описание	Среднее	Ст. откл.
Полнота Я-образа	Общее количество пунктов, которые пользователь готов указать в информации о себе (как достоверной, так и недостоверной)	19,2	7,4
Достоверность Я-образа	Отношение разницы между числом достоверных и недостоверных пунктов к их сумме (к полноте Я-образа)	0,74	0,48
Компетентность Я-образа	Общее число выбранных пунктов (достоверных или недостоверных), относящихся к личной компетентности	4,3	2,4
Значимость компетентности	Отношение Компетентности к Полноте Я-образа	0,21	0,09
Достоверность компетентности	Отношение разницы между достоверными и недостоверными пунктами компетентности к общему числу выбранных пунктов компонента	0,71	0,59

та и достоверность информации никак статистически не связаны друг с другом ($\rho = -0,079$, $p = 0,078$), а значит, являются двумя независимыми элементами стратегии конструирования Я-образа.

Корреляционный анализ показал, что самооценка связана с достоверностью, но не полнотой сетевого Я-образа (табл. 4).

Таблица 4

Таблица коэффициентов корреляции Спирмена между самооценкой и элементами стратегии конструирования Я-образа

Шкала	Полнота Я-образа	Достоверность Я-образа
RSES, общая самооценка	-0,005	0,183**
RSES, саморасположенность	0,031	0,147**
RSES, компетентность	-0,042	0,188**
SLCS, саморасположенность	0,045	0,168**
SLCS, компетентность	0,138**	0,007

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Полученные данные показали, что более высокая самооценка уменьшает мотивацию к искажению информации о себе, представляемой в социальных сетях. Эта зависимость является устойчивой при использовании большинства шкал самооценки.

В отношении полноты положительная роль самооценки не подтверждается. Нет оснований полагать, что высокая самооценка повышает готовность раскрывать больше информации о себе. Это может означать, что высокая самооценка способствует тому, что человек менее заинтересован в стратегическом манипулировании информацией в целях управления впечатлением со стороны релевантных аудиторий. Однако люди с пониженной и несбалансированной самооценкой также не демонстрируют большей селективности самопрезентации, которая выражалась бы в отборе элементов Я-образа. Это может быть связано с тем, что управление впечатлениями больше зависит от достоверности, а не полноты Я-образа.

Поскольку различия в стратегии конструирования Я-образа связаны, прежде всего, с его достоверностью, представляет интерес выявление различий между людьми, выбирающими стратегию расхождения (уровень достоверности меньше

0) и стратегию достоверного Я-образа (больше 0). Анализ полученных результатов показывает, что люди с разными стратегиями самопрезентации существенно различаются по уровню самооценки. Пользователи с заниженной самооценкой по всем компонентам (за исключением компетентности по шкале SLCS) наиболее существенно искажают свой Я-образ при коммуникации в социальных сетях, склонны к идеализации своего Я-образа (что является лишь одной из возможных разновидностей стратегии Я-расхождения) и стремлением подстраивать свой образ под ожидания конкретной сетевой аудитории.

Выводы

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты соответствуют базовому предположению о том, что люди с пониженной самооценкой более склонны к идеализации сетевого Я-образа и его адаптации к различным аудиториям. Это отражает более выраженную мотивацию к управлению восприятием себя со стороны окружения и может рассматриваться как форма стратегического поведения.

Пользователи социальных сетей с высокой самооценкой склонны к сохранению внутренней целостности и идентичности. Более высокая самооценка уменьшает мотивацию к искажению информации о себе, представляемой в социальных сетях. Высокая самооценка способствует тому, что человек менее заинтересован в стратегическом манипулировании информацией в целях управления впечатлением со стороны релевантных аудиторий.

Выявленная зависимость между сетевой ролью (предпочтениями относительно потребления и создания контента) и уровнем самооценки позволяет утверждать, что люди с высоким уровнем самооценки сбалансированно пользуются социальными сетями для симметричного взаимодействия с другими пользователями.

Проведенное исследование позволяет уточнить понимание роли самооценки в самопрезентационном поведении пользователей социальных сетей и других социальных медиа, ее связь с конструируемым сетевым Я-образом. Полученные результаты могут быть использованы в работе по оптимизации взаимодействия в онлайн пространстве.

References

1. James W. The Self. In Baumeister R.F. (ed.). *The Self in Social Psychology*. New York, Psychology Press, 1999, pp. 69–77.
2. Rosenberg M. *Society and the Adolescent Self-Image*. Princeton University Press, 1965. 326 p.
3. Baumeister R.F. Self-concept, Self-esteem, and Identity. In Derlega V.J., Winstead B.A., Jones W.H. (eds). *Personality: Contemporary Theory and Research* / ed. – Chicago : Nelson-Hall Publishers, 1999. – P. 339–375.
4. Bailey J.A. Self-image, Self-concept and Self-identity Revisited. *Journal of the National Medical Association*, 2003, vol. 95, no. 5, pp. 383–386.
5. Davison C. *Presentation of Digital Self in Everyday Life: Towards a Theory of Digital Identity*. Cand. Diss. Thesis. RMIT University, 2012. 267 p.
6. Lachowicz-Tabaczek K., Sniecinska J. Self-concept and self-esteem: How the Content of the Self-concept Reveals Sources and Functions of Self-esteem. *Polish Psychological Bulletin*, 2011, vol. 42, pp. 24–35.
7. Wells E.L., Marwell G. *Self-Esteem: Its Conceptualization and Measurement*. Beverly Hills, Sage, 1976. 290 p.
8. Mruk C.J. *Self-Esteem and Positive Psychology: Research, Theory, and Practice*. 4th ed. New York, Springer, 2013. 312 p.
9. Rosenberg M. *Society and the Adolescent Self-Image*. Princeton, Princeton University Press, 1965. 326 p.

10. Tafarodi R.W., Swann W.B. Two-dimensional Self-esteem: Theory and Measurement. *Personality and Individual Differences*, 2001, vol. 31, no. 5, pp. 653–673.
11. Fullwood C., James B., Chen-Wilson J. Self-concept Clarity and Online Self-presentation in Adolescents. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2016, vol. 19, no. 12, pp. 716–720.
12. Dunber R. The Social Brain Hypothesis. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 1998, vol. 6, no. 5, pp. 178–190.

Информация об авторах

Воробьева Клариса Ивановна — доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Российская Федерация, klarisav2011@mail.ru, SPIN-код: 8057-0368, AuthorID РИНЦ: 147770.

Заславский Дмитрий Александрович — аспирант, кафедра психологии, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Российская Федерация, zaslavsky_d_a@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8962-3967>.

Authors

Klarisa I. Vorobyeva — D.Sc. in Psychology, Professor, Department of Psychology, Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation, klarisav2011@mail.ru, SPIN-Code: 8057-0368, AuthorID RSCI: 147770.

Dmitry A. Zaslavsky — PhD Student, Department of Psychology, Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation, zaslavsky_d_a@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8962-3967>.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Воробьева К.И. Взаимосвязь самооценки и стратегий самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа пользователей социальных сетей / К.И. Воробьева, Д.А. Заславский. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1569-1582. — EDN EMEXTC // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1569–1582.

For Citation

Vorobyeva K.I., Zaslavsky D.A. The Relationship Between Self-Esteem and Self-Presentation Strategies and the Construction of a Network Self-Image by Users of Social Networks. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1569–1582. (In Russian). EDN: EMEXTC. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1569-1582.

Научная статья

УДК 159.9.07:614.2:331.1

EDN DESPQK

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1583-1594

Е.Г. Воронцова[✉], С.К. Малахаева^{ID}

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Е.Г. Воронцова, VorontsovaEG@bgu.ru

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ СОТРУДНИКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию копинг-стратегий фармацевтических сотрудников в период пандемии COVID-19. Базой исследования выступает ООО «Фармгарант», находящийся в г. Ангарске, респонденты — коллектив в составе 30 чел., в возрасте от 20 до 60 лет, имеющие высшее и среднее фармацевтическое образование, занимающие должность провизора и фармацевта. В структуре выборки более половины респондентов (60 %) являются провизорами. Исследование проводилось во время второй волны пандемии COVID-19 с февраля по апрель 2021 г. 43,3 % от всей численности респондентов испытывают средний уровень стресса. Это значит, что большинство сотрудников организации справляются с поступающими во время трудового процесса стрессовыми нагрузками, обладают довольно сильным умением использовать копинг-стратегии в процессе борьбы с наступающими жизненными трудностями. Треть респондентов (33,33 %) имеет низкий уровень стресса — это значит, что они полноценно справляются с трудными жизненными и профессиональными ситуациями, а также полностью адаптированы к поступающим психологическим и эмоциональным нагрузкам в течение рабочего дня. Оставшиеся респонденты (23,33 %) обладают высоким уровнем стресса и испытывают постоянный и сильный психологический дискомфорт. Уровень стресса прямо коррелирует с такими копинг-стратегиями как поиск социальной поддержки (0,863 при $p = 0,01$), избегание (0,751 при $p = 0,01$), конфронтация (0,615 при $p = 0,05$), дистанцирование (0,507 при $p = 0,05$), самоконтроль (0,649 при $p = 0,01$), принятие ответственности (0,605 при $p = 0,01$) и планирование решения (0,524 при $p = 0,05$). Обратная корреляция наблюдается между уровнем стресса и копинг-стратегиями разрешение проблем (–0,568 при $p = 0,05$) и положительная переоценка (–0,506 при $p = 0,05$).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Копинг-стратегии, фармацевтические сотрудники, COVID-19, стресс, уровень стресса.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 26 сентября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

Е.Г. Vorontsova[✉], S.K. Malakhaeva^{ID}

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Corresponding author: E.G. Vorontsova, VorontsovaEG@bgu.ru

COPING STRATEGIES OF PHARMACEUTICAL EMPLOYEES DURING THE COVID-19 PANDEMIC

ABSTRACT. The article is devoted to the study of coping strategies of pharmaceutical employees during the COVID-19 pandemic. The basis of the study is Farmgarant LLC, located in Angarsk, the respondents are a team of 30 people, aged 20 to 60 years, with higher and secondary pharmaceutical education, holding the position of pharmacist and pharmacist. In the sample structure, more than half of the respondents (60 %) are pharmacists. The study was conducted during the second wave of the COVID-19 pandemic from February to April 2021. 43.3 % of the total number of respondents

© Воронцова Е.Г., Малахаева С.К., 2023

experience an average level of stress. This means that most of the organization's employees cope with the stressful loads that come during the labor process, have a fairly strong ability to use coping strategies in the process of dealing with the coming difficulties of life. A third of respondents (33.33 %) have a low level of stress, which means that they fully cope with difficult life and professional situations, as well as fully adapted to incoming psychological and emotional stress during the working day. The remaining respondents (23.33 %) have a high level of stress and experience constant and severe psychological discomfort. The stress level directly correlates with such coping strategies as seeking social support (0.863 at $p = 0.01$), avoidance (0.751 at $p = 0.01$), confrontation (0.615 at $p = 0.05$), distancing (0.507 at $p = 0.05$), self-control (0.649 at $p = 0.01$), taking responsibility (0.605 at $p = 0.01$) and solution planning (0.524 at $p = 0.05$). An inverse correlation is observed between the stress level and coping strategies problem resolution (-0.568 at $p = 0.05$) and positive reassessment (-0.506 at $p = 0.05$).

KEYWORDS. Coping strategies, pharmaceutical employees, COVID-19, stress, stress level.

ARTICLE INFO. Received September 26, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Введение

Трудовая деятельность сотрудников фармацевтических организаций тесно связана с непосредственными социальными контактами, эмоциональным сопереживанием тяжело болеющим людям (или их родственникам, знакомым). Особенности профессиональной деятельности сотрудников фармацевтических организаций заключаются в выполнении сотрудниками аптек множества многообразных действий, требующих не только навыка обработки большого объема информации, но и с длительными физическими нагрузками. В период пандемии COVID-19 эти условия были отягощены многократно и требовали от аптечных сотрудников собранности, дисциплинированности, высокого уровня ответственности и стрессоустойчивости, что безусловно зависело от копинг-стратегий, характерных для этой категории медицинских работников.

Под копинг-поведением Э.З. Усманова понимает общие подходы индивида к преодолению трудных жизненных ситуаций [1]. Копинг — это методы и способы борьбы с тревожной ситуацией (усилия человека, его взаимодействие с ситуацией, а также используемые им способы). Стоит отметить, что на борьбу индивида с тревожной ситуацией выделяются практически все внутренние психологические способы, которые только может использовать индивид.

Т.Л. Крюкова определяет «...копинг — стратегия действий индивида, направленная на устранение угрозы вероятными способами или же меры по защите и адаптации к тем ситуациям, на которые индивид не способен повлиять собственными силами») [2]. Это определение обладает рядом важных уточнений: включает элемент поиска всех вероятных способов борьбы с тревожной ситуацией, использует классификацию усилий, которые направляет индивид на решение проблемы; допускает тех видов проблемной ситуации, на которые индивид не способен повлиять ни психологически, ни физически, ни морально. В таком случае копинг подразумевает использование тех методов и способов, которые помогут вытерпеть трудную ситуацию.

И.Н. Коноплева и М.В. Чупракова характеризуют трудную ситуацию следующими параметрами:

- отсутствие возможности индивида самостоятельно повлиять на происходящие события;
- постоянно изменяющиеся условия окружающей среды наряду с текущей ситуацией;
- продолжительность жизненной ситуации;

– интенсивность или сила стресса, влияющая на индивида в процессе проживания им ситуации [3].

Следовательно, в большинстве стрессовых ситуаций копинг выполняет две основные функции: регулирования поведения и управление эмоциональным состоянием индивида. Таким образом, копинг-стратегии — это стратегии борьбы индивида с тяжелыми жизненными ситуациями, имеющие когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, обуславливающие выбор того или иного способа решения возникающей трудности: избегание, преодоление, уменьшение негативного влияния трудной жизненной ситуации, ожидание и т.д.

Ключевая отличительная черта сотрудника фармацевтической деятельности заключается в совмещении работником навыков специалиста в области здравоохранения и медицинских препаратов, а также как торгового работника. Согласно Федеральному закону Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» фармацевтический работник — это специалист, который имеет фармацевтическое образование; непосредственно выполняет должностные обязанности, предусматривающие отпуск, хранение, перевозку, торговлю медицинскими лекарственными препаратами (рецептурными или не рецептурными)¹.

Также, в рамках выполнения профессиональных обязанностей фармацевта, включаются механизмы, присущие для торговых направлений оказания услуг и продаже товаров для клиентов. В этой связи сотрудники аптек (и их руководители) должны учитывать специфику деятельности, заключающуюся в:

- социальной направленности деятельности фармацевтической организации;
- регламентировании нормативной и законодательной базой Российской Федерации;
- влиянии государственных структур на деятельности фармацевтической организации;
- решении заранее обозначенной проблемы покупателя, связанной с его здоровьем и самочувствием;
- подборе медицинского препарата требует профессионального индивидуального подхода;
- обладании всеми фармацевтами навыками и компетенциями фармацевтической области медицины [4].

В последние несколько лет можно отметить нехватку квалифицированных кадров. Причины ухудшения положения сотрудников-фармацевтов в Российской Федерации таковы:

- нехватка квалифицированных кадров;
  - высокая напряженность труда сотрудников аптек;
  - снижение уровня престижности профессии провизора и фармацевта как специалиста в области здравоохранения;
  - высокая мобильность кадров (отсутствует приверженность к одному рабочему месту);
  - производственные факторы, связанные с химическими действиями лекарственных препаратов, требуемыми температурами воздуха для их хранения и т.д.
- В целом система требует более высокого уровня деюрократизации и экономии времени в периоды мобилизации, внедрения стратегий самоорганизации и новых критериев контроля [5].

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21 нояб. 2011 № 323-ФЗ : (ред. от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

Т.С. Войтехович, проведя опрос среди фармацевтов, определила ряд факторов, повышающих уровень недовольства сотрудников аптек [6], они представлены в табл. 1.

Таблица 1

Факторы, повышающие недовольство среди фармацевтов, % среди опрошенных

Фактор	%
Недостаточная организация рабочего места	30
Недостаточная организация зоны отдыха	49
Продолжительность рабочей смены более нормативного значения по трудовому законодательству	32
Отсутствие работы с сотрудниками относительно охраны труда	65
Неравномерность нагрузок, связанных с временем суток, погоды, времени года и прочими факторами	89

Таким образом, обременение вышеуказанными факторами повышает неудовлетворенность собственной профессиональной деятельностью среди сотрудников фармацевтических организаций, а также непосредственно влияет на склонность к повышенной чувствительности при стрессовых ситуациях. Также, Е.С. Ворожцова и М.Н. Гурьянова, осуществившие анализ трудового фармацевтического процесса, отметили, что в течение рабочего дня персоналу, работающему в аптеке или фармацевтической организации, приходится выполнять множество операций, связанных не только с большим информационным потоком, но и с физическими нагрузками [7].

Существенные изменения в выполнении трудовой деятельности сотрудников аптек также внесли и меры по профилактике и предотвращению вируса COVID-19. Пандемия весомо повлияла на все системы здравоохранения Российской Федерации. Аптечные организации осуществляли непрерывную работу в период пандемии, оказывая весь перечень услуг по продаже препаратов непосредственно больным коронавирусом, пациентам, страдающим хроническими болезнями, пациентам, находящимся в стационаре в аптеках при больницах и т.д. Роль фармацевтов в период коронавируса заключалась в профилактике, обнаружению и лечению инфекции, так как порой (согласно С.В. Петровой) именно сотрудники аптек являлись единственным возможным источником информации для населения в связи с высокими нагрузками на медицинские учреждения и строгие меры по предотвращению распространения инфекции в Российской Федерации [4, с. 64].

Рассмотрим негативные последствия для работников фармацевтической сферы во время периода пандемии:

- высокие шансы заболевания сотрудников фармацевтических учреждений, а также совокупное ухудшение самочувствия сотрудников. Это связано с возникающими трудностями относительно обеспечения сотрудников аптек необходимыми защитными средствами, оборудованием самих аптечных учреждений, поиск и размещение необходимой информации относительно профилактики коронавирусной инфекции среди населения. Т.В. Пак, проведя исследование факторов, неблагоприятно сказывающихся на работниках аптек по всей стране, привел следующие данные, связанные с теми преградами и трудностями, затрудняющими выполнение собственных профессиональных обязанностей фармацевтическими сотрудниками страны [8];

- усиление психоэмоциональной напряженности;
- рост дополнительных трудовых обязанностей, связанных с соблюдением обязательных санитарно-гигиенических норм;

– ограничительные меры также меняют поведение клиентов, что становится особым фактором, повышающим нагрузку [9];

– весомое увеличение трудовой нагрузки [10].

На данном этапе стоит отметить негативные последствия, связанные с деятельностью сотрудников аптек (эмоциональное состояние, часто встречающийся синдром хронической усталости у сотрудников, неудовлетворенность собственным рабочим местом и т.д.). Экспоненциально повышается уровень нагрузки на аптечных сотрудников и объем той информации, с которой работают аптечные сотрудники в течение рабочего дня.

Таким образом, специфика профессиональной деятельности сотрудников аптек заключается в совмещении деятельности торгового работника и специалиста в области здравоохранения. Совокупность требований к работникам аптечных учреждений обуславливает достаточно сильное эмоциональное напряжение сотрудников, постоянный контакт с другими людьми (в том числе и тяжелые социальные контакты с больными людьми, их родственниками или знакомыми, переживающими за сложившуюся жизненную ситуацию), а также постоянное бремя ответственности за корректность изготовления лекарственных препаратов, грамотный выбор необходимого препарата для клиента аптечного учреждения, делают исследования уровня испытываемого стресса и выбора копинг-стратегий по борьбе со стрессогенными ситуациями очень важными и актуальными. Эта информация также может быть применена в рамках федеральных проектов с целью обеспечения устойчивости и повышения степени безопасного функционирования отрасли здравоохранения [11].

Организация исследования

Цель исследования — изучить копинг-стратегии фармацевтических работников в период пандемии COVID-19.

Объект исследования — копинг-стратегии.

Предмет исследования — копинг-стратегии фармацевтических работников в период пандемии COVID-19.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между уровнем стресса сотрудников аптеки и предпочитаемой ими копинг-стратегией.

Частные гипотезы:

– существует прямая взаимосвязь между уровнем стресса и предпочитаемыми копинг-стратегиями поиска социальной поддержки, избегания, конфронтации, дистанцирования;

– существует прямая взаимосвязь между уровнем стресса и предпочитаемыми копинг-стратегиями принятия ответственности, планирования решения проблем, самоконтроля;

– существует обратная взаимосвязь между уровнем стресса и копинг-стратегиями разрешения проблем и положительной переоценки.

В ходе исследования использовались следующие *методики*:

– методика «Индикатор копинг-стратегий, CSI» Д. Амирхана;

– способы совладающего поведения, WCQ Р. Лазаруса;

– шкала психологического стресса PSM-25;

– коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Базой исследования выступает ООО «Фармгарант», находящийся в г. Ангарске, *респонденты* — коллектив в составе 30 чел., в возрасте от 20 до 60 лет, имеющие высшее и среднее фармацевтическое образование, занимающие должность провизора и фармацевта. В структуре выборки более половины респондентов (60 %) являются провизорами, высококлассными специалистами в области фармацевтики, имеют высшее образование и вправе занимать руководящую долж-

ность. Исследование проводилось во время второй волны пандемии COVID-19 с февраля по апрель 2021 г.

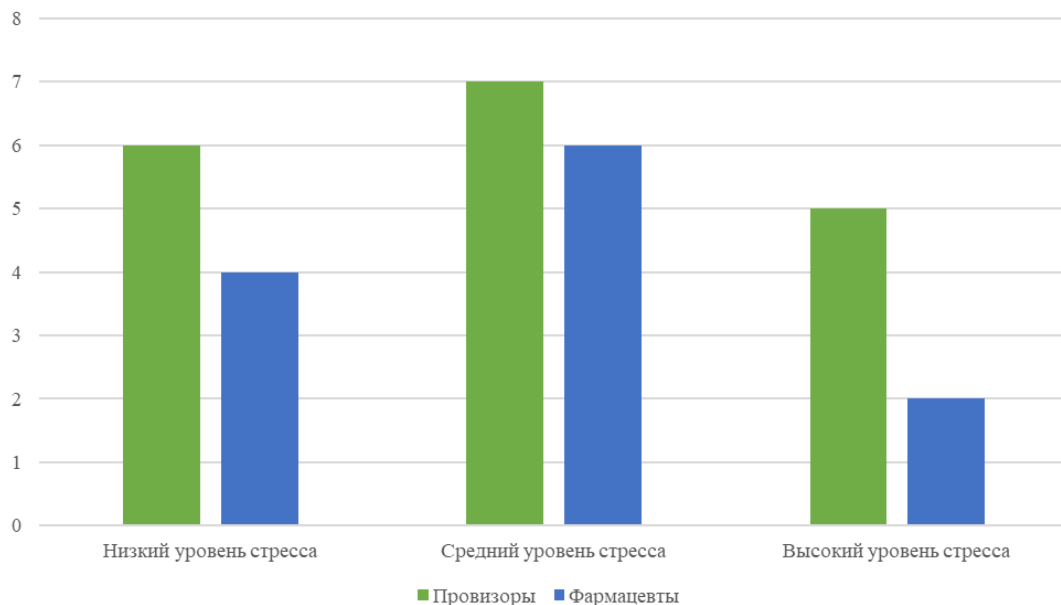
Результаты исследования

Разделение на группы в рамках исследования выявления особенностей копинг-стратегий сотрудников происходит по принципу применения шкалы психологического стресса PSM-25 и разделение сотрудников ООО «Фармгарант» на группы по испытываемому ими стрессу. Полученные результаты необходимы для улучшения текущей ситуации сотрудников ООО «Фармгарант» после последствий пандемии коронавируса: снижение уровня стрессовых нагрузок и эмоционального напряжения, вероятно, должны способствовать выбору корректных и логически обоснованных копинг-стратегий.

По итогам шкалы психологического стресса, PSM-25, вся указанная ранее численность контрольной группы была поделена на три категории:

- сотрудники с низким уровнем психологической напряженности;
- сотрудники со средним уровнем психологической напряженности;
- сотрудники с высоким уровнем психологической напряженности.

На рис. 1 обозначены результаты проведенного опроса среди контрольной группы организации ООО «Фармгарант». Так как исследование подразумевает выявление особенностей копинг-стратегий сотрудников ООО «Фармгарант», то полученные результаты рассматриваются по двум группам работников: 12 и 18 чел. соответственно.

Рис. 1. Результаты коллектива ООО «Фармгарант» по шкале психологического стресса, PSM-25

Анализ общей картины совокупных результатов сотрудников ООО «Фармгарант» показывает, что 43,3% от всей численности респондентов испытывают средний уровень стресса. Это значит, что большинство сотрудников организации справляются с поступающими во время трудового процесса стрессовыми нагруз-

ками, обладают довольно сильным умением использовать копинг-стратегии в процессе борьбы с наступающими жизненными трудностями. Треть респондентов (33,33 %) имеет низкий уровень стресса — это значит, что они полноценно справляются с трудными жизненными и профессиональными ситуациями, а также полностью адаптированы к поступающим психологическим и эмоциональным нагрузкам в течение рабочего дня. Оставшиеся респонденты (23,33 %) обладают высоким уровнем стресса и испытывают постоянный и сильный психологический дискомфорт. Здесь можно предположить низкий уровень первичных психологических навыков по самоконтролю, оценке ситуации. Вероятно, сотрудники, у которых повышен стрессовый психологический фон, применяют стратегии избегания, так как накапливают нерешенные сложные ситуации, со временем усугубляя собственное состояние. Таким сотрудникам необходимо дополнительное внимание вследствие вероятного наступления нервного срыва или иных последствий высокой психологической нагрузки. Возможно профессиональное выгорание как следствие тяжелого морально (и физически) пандемийного периода, постоянный контроль за качеством исполнения работы, контроль знаний и актуализация лекарственных препаратов, опережающая обучение фармацевтов.

Следующей методикой, проводимой в рамках исследования особенностей копинг-стратегий сотрудников ООО «Фармгарант», является «Индикатор копинг-стратегий, CSI» Д. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты. Результаты теста показывают уровень (низкий, средний и высокий) той или иной копинг-стратегии.

Таблица 2

Данные по методике «Индикатор копинг-стратегий, CSI» Д. Амирхана, в %

Наименование копинг-стратегии		Низкий уровень стресса				Средний уровень стресса				Высокий уровень стресса			
		Н	С	В	П	Н	С	В	П	Н	С	В	П
Провизоры	Стратегия разрешения проблем	0	11	16	6	6	22	11	0	16	6	6	0
	Стратегия поиска социальной поддержки	16	6	11	0	16	11	6	6	11	16	0	0
	Стратегия избегания	16	16	0	0	22	11	6	0	0	11	6	11
Фармацевты	Стратегия разрешения проблем	0	0	16	16	8	8	25	8	8	8	0	0
	Стратегия поиска социальной поддержки	16	8	8	0	16	16	8	8	0	8	8	0
	Стратегия избегания	8	16	8	0	25	8	8	8	0	0	8	8

Примечание: Н — низкий уровень копинг-стратегии; С — средний уровень копинг-стратегии; В — высокий уровень копинг-стратегии; П — постоянное использование копинг-стратегии.

Рассматривая совокупность результатов всех респондентов, стоит отметить первичное отсутствие закономерностей в проявлении тех или иных стратегий по борьбе со сложными жизненными ситуациями. Провизоры и фармацевты имеют следующие тенденции в выборе копинг-стратегий.

Стратегия разрешения проблем. У большинства провизоров средний уровень (39 %): ровно треть сотрудников довольно часто прибегает к стратегии разрешения проблем, однако постоянно ее используют лишь 6 % респондентов. Редко эта стратегия встречается у 22 % провизоров ООО «Фармгарант». У фармацевтов динамика применения стратегии разрешения проблем иная:

большинство фармацевтов часто используют приемы разрешения текущих трудных жизненных ситуаций (42 %), четверть из них использует эту стратегию на постоянной основе. Одинаковый удельный вес замечен в нечастом и среднем уровне использования стратегии фармацевтами (по 17 % соответственно). Стоит отметить, что стратегия разрешения проблем чаще используется в рамках должности фармацевта, чем у провизоров — это подтверждает, как факт превалирования групп «В» и «П» у фармацевтов, так и больший удельный вес группы «Н» у провизоров.

Стратегия поиска социальной поддержки схожа: фармацевты чаще обращаются к этой стратегии, чем провизоры. Если 44 % провизоров нечасто используют стратегию поиска социальной поддержки, то фармацевты — в 33 % случаев. Средний уровень замечен в одинаковой мере у обеих должностей. Высокий уровень использования ярче выражен у фармацевтов (25 %), чем у провизоров (17 %). Предположительно, такое положение выбора копинг-стратегий у сотрудников напрямую связано с руководящими должностями провизоров, что способствует выработке самостоятельного принятия важных решений, касающихся не только собственных профессиональных аспектов, но и профессиональных обязанностей других людей (подчиненных).

Стратегия избегания также чаще выражена у фармацевтов: 17 % используют стратегию постоянно (11 % провизоров), 25 % имеют высокий уровень использования (и 11 % провизоров).

Далее для более детального изучения особенностей копинг-стратегий мы также провели методику копинг-тест Р. Лазаруса (Способы совладающего поведения, WCQ), данные которой представлены в табл. 3.

Таблица 3
Данные методики «Способы совладающего поведения, WCQ» Р. Лазаруса, в %

Наименование копинг-стратегии		Низкий уровень стресса			Средний уровень стресса			Высокий уровень стресса		
		Р	У	В	Р	У	В	Р	У	В
Провизоры	Конфронтация	6	22	6	11	11	16	6	6	16
	Дистанцирование	6	16	11	6	11	22	11	6	11
	Самоконтроль	6	6	4	11	16	11	6	11	11
	Поиск соц. поддержки	11	16	6	16	11	11	6	22	0
	Принятие ответственности	6	6	22	6	6	28	0	11	11
	Бегство-избегание	11	16	6	11	6	22	11	16	0
	Планирование решения	6	6	22	6	11	22	6	11	11
	Положительная переоценка	6	11	16	11	11	16	16	0	11
Фармацевты	Конфронтация	8	8	16	8	16	25	0	8	8
	Дистанцирование	16	0	16	8	16	25	8	0	8
	Самоконтроль	0	0	33	8	8	33	8	8	0
	Поиск соц. поддержки	8	25	0	8	25	16	8	8	0
	Принятие ответственности	0	8	25	8	16	25	0	8	8
	Бегство-избегание	8	8	16	8	16	25	0	16	0
	Планирование решения	0	8	25	0	8	42	0	16	0
	Положительная переоценка	0	0	33	0	16	33	8	8	0

Примечание: Р — редкое использование стратегии, У — умеренное, В — выраженное.

Каждая копинг-стратегия имеет определенный вес в совладании со стрессом у сотрудников аптек:

Стратегия конфронтации проявляется довольно часто у фармацевтов, а у провизоров реже;

Дистанцирование при стрессовой ситуации в большей степени характерно для фармацевтов, в группе провизоров занимает меньшую долю;

Копинг-стратегия самоконтроля чаще характерная для провизоров немного слабее выражена у фармацевтов;

Поиск дополнительной социальной поддержки слабо выражен у провизоров, у фармацевтов же показатели выше;

Принятие ответственности ярко выражено у провизоров, немного меньше в группе фармацевтов;

Копинг-стратегия избегания стрессовых ситуаций у провизоров заметно снижена, по сравнению с фармацевтами. Существует различие между результатами сотрудников ООО «Фармгарант» — провизоры намного меньше прибегают к использованию способов избегания стрессовой ситуации, предпочитают решать возникающие в процессе выполнения должностных обязанностей трудности;

Планирование решения как способ борьбы со стрессовой ситуацией замечен у провизоров в объеме 61 % от общей группы провизоров, у фармацевтов — 66 %. Результат показывает частый рациональный подход к решению проблем, что положительно характеризует коллектив ООО «Фармгарант». Среди фармацевтов отсутствует процент сотрудников, которые редко прибегают к планированию;

Положительная переоценка как копинг-стратегия также характерна для обеих групп, справляющихся со стрессом и адаптирующихся к условиям пандемии.

Таблица 4

Корреляция между уровнем стресса и копинг-стратегиями (CSI, WCQ)

	CSI			WCQ							
	Разрешение проблем	Поиск социальной поддержки	Избегание	Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности	Бегство	Планирование решения	Положительная переоценка
Уровень стресса, PSM-25	–0,568*	0,863**	0,751**	0,615*	0,507*	0,649**	0,401*	0,605**	0,502*	0,524*	–0,506*

Примечания: ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Корреляционный анализ данных исследования показывает достаточно интересные взаимосвязи между уровнем стресса и копинг-стратегиями, выявленными с помощью методик CSI и WSQ. Уровень стресса прямо коррелирует с такими копинг-стратегиями как поиск социальной поддержки (0,863 при $p = 0,01$), избегание (0,751 при $p = 0,01$), конфронтация (0,615 при $p = 0,05$), дистанцирование (0,507 при $p = 0,05$), самоконтроль (0,649 при $p = 0,01$), принятие ответственности (0,605 при $p = 0,01$) и планирование решения (0,524 при $p = 0,05$). Это означает, что при возрастании уровня стресса усложнении задач, данные копинги

используются чаще. Это также может свидетельствовать об актуальной стрессовой ситуации и неразрешенной проблеме, которая так или иначе воздействует на личность в данный момент.

Выводы

Те копинги, которые связаны с неадаптивными стратегиями поведения, как избегание, дистанцирование и конфронтация сами по себе могут являться причиной повышения стресса в усложненной различными дополнительными факторами, такими как пандемия COVID-19, ситуации. Избегание и дистанцирование направлены на то, чтобы отдалиться от ответственности за решение проблемы и создают условия для затягивания и ухудшения ее состояния. Также важно то, что избегая ответственности человек не забывает о самой тревожащей ситуации. Она так или иначе присутствует в сознании человека, изматывая психику и подрывая уверенность в разрешимости задачи и в своих силах. Конфронтация как копинг позволяет краткосрочно разрядить негативные эмоции выплеснув их на других людей, в долгосрочной перспективе же эта стратегия закономерно повышает стрессовое напряжение и создает условия для углубления социальных противоречий и невозможности разрешить кризис без существенных потерь.

Копинги, которые связаны со стремлением взять на себя ответственность и с самоконтролем и планированием решения прямо связаны с уровнем стресса, именно потому что они требуют действительно высокого напряжения волевых и умственных усилий, так как ситуация, подобная той, с которой столкнулась наша страна и в целом человечество: пандемия, локдаун, паника — была беспрецедентной. Все копинги, связанные с субъектным поведением в проблемных ситуациях объяснимо связаны с высоким уровнем стресса, теми стадиями деятельности, в которых человек либо планирует деятельность, либо непосредственно решает стоящую перед ним задачу.

Обратная корреляция между уровнем стресса и копинг-стратегиями, которая наблюдается в шкалах разрешение проблем ($-0,568$ при $p = 0,05$) и положительная переоценка ($-0,506$ при $p = 0,05$) позволяет сказать, что эти конкретные механизмы совладания снижают стрессовое напряжение, позволяют легче переносить тяжелые ситуации, находя в них позитивное начало или жизненный опыт.

Таким образом, можно констатировать, что повышенные требования к фармацевтическим сотрудникам во время пандемии COVID-19 стали фактором психологической мобилизации и выработки адаптивных копингов, что позволило несмотря на высокий уровень стрессового напряжения справиться со сложной неординарной ситуацией. Наши гипотезы нашли свое подтверждение. В качестве дальнейшего направления изысканий можно обозначить сравнительное исследование изменения уровня стресса после окончания пандемии и возвращения к штатному режиму функционирования в фармацевтических учреждениях.

Список использованной литературы

1. Аскарова Г. Основные подходы к изучению копинг — стратегий в трудных жизненных ситуациях / Г. Аскарова, Э.З. Усманова // Scientific progress. — 2021. — Т. 1, вып. 5. — С. 308–316.
2. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т.Л. Крюкова. — EDN TTORCX // Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы : сб. статей / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. — Москва, 2008. — С. 55–66.
3. Чупракова М.В. Агрессивное поведение подростка как копинг-стратегия в стрессовой ситуации / М.В. Чупракова, И.Н. Коноплева. — EDN RWRIAP // Психология и право. — 2013. — № 4. — С. 55–65.

4. Петрова С.В. Фармацевтические специалисты — специфика и стандарты работы / С.В. Петрова, С.В. Кононова, Н.Н. Дадус [и др.]. — EDN PXRJIH // Ремедиум. — 2013. — № 3. — С. 59–65.
5. Сотникова С.И. Категоризация трудового абсентеизма в контексте современной концепции оценки рабочего времени / С.И. Сотникова. — DOI 10.17150/2500-2759.2019.29(1).146-154. — EDN PRDZBO // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 146–154.
6. Войтехович Т.С. Стресс в профессиональной деятельности сотрудников фармацевтических компаний / Т.С. Войтехович. — EDN XKSELB // Психологическая студия : сб. статей. — Витебск, 2020. — Вып. 13. — С. 47–49.
7. Ворожцова Е.С. Последствия межличностных конфликтов в фармацевтической деятельности / Е.С. Ворожцова, М.Н. Гурьянова, В.Н. Тарасевич, Н.В. Новикова. — EDN VYEUSC // Дальневосточный медицинский журнал. — 2019. — № 1. — С. 56–60.
8. Пак Т.В. Особенности работы персонала аптечных организаций в условиях пандемии COVID-19 / Т.В. Пак. — DOI 10.26787/nydha-2686-6838-2021-23-5-35-41. — EDN CGLLZN // Медико-фармацевтический журнал Пульс. — 2021. — Т. 2, № 5. — С. 35–41.
9. Налунина С.А. Влияние ограничительных мер в условиях пандемии на поведение потребителей / С.А. Налунина. — EDN ZQLCLQ // Global & Regional Research. — 2021. — Т. 3, № 2. — С. 174–182.
10. Боровикова Е.А. Изучение конфликтного поля аптеки в условиях пандемии COVID-19 / Е.А. Боровикова, Т.В. Пак, В.Д. Чан. — EDN IEZMXY // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2021. — Т. 20, № S1. — С. 14.
11. Базарова Н.В. «Умная» безопасность медицинской деятельности в регионах России / Н.В. Базарова. — EDN IVUPQL // Global & Regional Research. — 2022. — Т. 4, № 2. — С. 26–31.

References

1. Askarova G., Usmanova E.Z. Basic Approaches to Studying Coping Strategies in Hard Life Situations. *Scientific Progress*, 2021, vol. 1, iss. 5, pp. 308–316. (In Russian).
2. Kryukova T.L. A Man as a Subject of Coping Behavior. In Zhuravlev A.L., Kryukova T.L., Sergienko E.A. (eds). *Coping Behavior. Current Status and Prospects*. Moscow, 2008, pp. 55–66. (In Russian). EDN: TTORCX.
3. Chuprakova M.V., Konopleva I.N. Teenager Aggressive Behavior as a Coping Strategy in Stressful Situations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2013, no. 4, pp. 55–65. (In Russian). EDN: RWRIAP.
4. Petrova S.V., Kononova S.V., Dadus N.N., Chesnokova N.N., Zhukova E.V. Pharmaceutical Specialists — Specifics Standards and Work. *Remedium = Ремедиум*, 2013, no. 3, pp. 59–65. (In Russian). EDN: PXRJIH.
5. Sotnikova S.I. Labor Absenteeism Categorization: the Modern Concept of Working Time Assessment. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 146–154. (In Russian). EDN: PRDZBO. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(1).146-154.
6. Voitekhovich T.S. Stress in the Professional Activities of Employees of Pharmaceutical Companies. *Psychological Studio*. Vitebsk, 2020, iss. 13, pp. 47–49. (In Russian). EDN: XKSELB.
7. Vorozhtsova E.S., Gur'yanova M.N., Tarasevich V.N., Novikova N.V. Consequences of Interpersonal Conflicts in Pharmacy Practice. *Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal = Far East Medical Journal*, 2019, no. 1, pp. 56–60. (In Russian). EDN: VYEUSC.
8. Pak T.V. The Specific Work for Requirements for Pharmaceutical Personnel due to COVID-19. *Mediko-farmatsevticheskii zhurnal Pul's = Medical & Pharmaceutical Journal Pulse*, 2021, vol. 23, no. 5, pp. 35–41. (In Russian). EDN: CGLLZN. DOI: 10.26787/nydha-2686-6838-2021-23-5-35-41.
9. Nalunina S.A. Impact of Restrictive Measures in a Pandemic on Consumer Behavior. *Global & Regional Research*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 174–182. (In Russian). EDN: ZQLCLQ.
10. Borovikova E.A., Pak T.V., Chan V.D. Studying the Conflict Field of the Pharmacy in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika = Cardiovascular Therapy and Prevention*, 2021, vol. 20, no. S1, pp. 14. (In Russian). EDN: IEZMXY.

11. Bazarova N.V. "Smart" Safety of Medical Activity in the Regions of Russia. *Global & Regional Research*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 26–31. (In Russian). EDN: IVUPQL.

Информация об авторах

Воронцова Евгения Геннадьевна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, VorontsovaEG@bgu.ru, SPIN-код: 2277-0692, AuthorID РИНЦ: 673377.

Малахаева Светлана Карловна — кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, smalahaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4617-5872>, SPIN-код: 4299-7940, AuthorID РИНЦ: 891546.

Authors

Evgeniya G. Vorontsova — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, VorontsovaEG@bgu.ru, SPIN-Code: 2277-0692, AuthorID RSCI: 673377.

Svetlana K. Malakhaeva — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, smalahaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4617-5872>, SPIN-Code: 4299-7940, AuthorID RSCI: 891546.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Воронцова Е.Г. Копинг-стратегии фармацевтических сотрудников в период пандемии COVID-19 / Е.Г. Воронцова, С.К. Малахаева. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1583-1594. — EDN DECPQK // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1583–1594.

For Citation

Vorontsova E.G., Malakhaeva S.K. Coping Strategies of Pharmaceutical Employees During the COVID-19 Pandemic. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1583–1594. (In Russian). EDN: DECPQK. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1583-1594.

Научная статья

УДК 159.922

EDN DGRKBH

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1595-1607

Д.И. Давер

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация, dianadaver@gmail.com

КОНСТРУКТ «ВЕРА» В ПСИХОЛОГИИ: УБЕЖДЕНИЯ, ЭМОЦИИ, ОПЫТ

АННОТАЦИЯ. Развивающаяся в последние десятилетия цифровизация приводит к доступности и избытку информации, результатом стала необходимость выработки критического мышления, развитие внутренних ориентиров. Формирование веры дает опору, вера выполняет важную протективную функцию психики. Вера необходима для развития и функционирования личности, большое значение она имеет для работы с информацией, для решения задач и морально-этического воспитания молодежи. В работе представлен обзор разных психологических точек зрения на веру и убеждения, рассмотрена связь веры с критическим мышлением, с мотивацией, представлены три позиции в восприятии веры. В статье предложен конструкт веры, описаны три составляющих этого конструкта: эмпирический компонент (интроспективные убеждения, активированные опытом), когнитивный компонент (убеждения) и эмоционально-волевой (желания, стремления, мотив). В статье подчеркнута связь между когнициями, эмоциями, волей. В ситуациях неопределенности возникает необходимость усиления веры. Мы рассматриваем механизмы изменения динамики внутри конструкта «вера» по средствам усиления или ослабления когнитивного компонента — убеждений. Затронут вопрос о трудности изменения убеждений ввиду того, что убеждения представлены системой, а не единичными элементами. Набор убеждений личности представляет собой полный набор, где каждое убеждение имеет свой вес и степень воздействия на жизнь индивида. Изменение одного убеждения приводит к дисбалансу в системе, вызывает негативные эмоции и защиты. В статье приведены примеры исследований самообмана как защитного механизма в ситуации, где индивид не может изменить систему убеждений. В статье использован описательный метод, представлена структура веры, ее компоненты и методы работы с убеждениями (AGM).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Вера, убеждения, конструкт, когнитивный компонент, ревизия убеждений, эмоции, AGM, воля.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 30 июня 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

D.I. Daver

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation,
dianadaver@gmail.com

CONSTRUCT OF FAITH IN PSYCHOLOGY: BELIEFS, EMOTIONS, EXPERIENCE

ABSTRACT. Digitalization, which has been developing in recent decades, leads to the availability and abundance of information, as a result the necessity to develop critical thinking arises. The formation of faith provides support, faith performs an important protective function of the mind. Faith is necessary for the development and functioning of the individual, it is of great importance for working with information, for solving problems and moral-ethical accomplishment of young people. The paper presents an overview of different approaches to the faith and belief, considers the connection of faith and critical thinking, motivation and presents three positions in the perception of faith. The article proposes a model of faith, describes three components of this

© Давер Д.И., 2023

construct: an empirical component (experience), a cognitive component (beliefs) and an emotional-volitional component (desires, aspirations, motive). The article emphasizes the connection between cognitions, emotions, will. In situations of uncertainty, there is a need to strengthen faith. We consider the mechanisms of changing the dynamics within the construct "faith" by means of strengthening or weakening the cognitive component - beliefs. The question of the difficulty of changing beliefs is raised due to the fact that beliefs are represented by a system, and not by individual elements. The set of beliefs of the individual is a complete whole structure, where each belief has its own degree of importance and degree of impact on the life of the individual. Changing one belief leads to an imbalance in the system, causes negative emotions and defenses. The article provides examples of studies of self-deception as a defense mechanism in a situation where an individual cannot change the belief system. The article uses a descriptive method, presents the structure of faith, its components and methods of working with beliefs (AGM).

KEYWORDS. Faith, beliefs, construct, cognitive component, belief revision, emotions, AGM, will.

ARTICLE INFO. Received June 30, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Актуальность и новизна исследования

Новизна исследования психологического конструкта вера заключается в том, что он впервые описан как трехкомпонентная структура, где изменение одного компонента приводит к изменениям в других. Впервые описано как усиление одного компонента по средствам интервенций психологического консультирования может усилить весь конструкт. Усиление или ослабление веры человека по средствам работы с убеждениями слабо представлены в психологической науке.

На рубеже XX–XXI вв. идеалисты верили в наступающую свободу человека, равенство, благодаря доступности и открытости информации, объединению людей и стиранию географических и политических границ, в равные возможности получения образования. Корпорации стали ценить open mind (открытый ум) и diversity and inclusion (понимание и принятие различий). На деле же отрицательные тенденции, последовавшие за бесконтрольным распространением информации в сети интернет вызвали серьезные изменения в нашем обществе. Переизбыток информации («информационная перегрузка») вызывает стресс, ощущение беспомощности, а отсутствие аналитического подхода в условиях переизбытка информации порождает заблуждения [1; 2].

Недавние события с Covid 19 показали нам, как информационная пересытка приводит к стрессу [3; 4] и как отсутствие критического мышления и принятие на веру бездоказательной информации способно повлиять на общество: часть людей поддерживали версию заговора, другие считали, что вакцина приведет к чипированию.

В педагогической плоскости тоже произошел серьезный сдвиг: как только популярность стала возможна за счет количества просмотров в ютубе (запрещена в РФ) и тиктоке, примерами для молодежи стали люди с психическими проблемами, такими как расстройство половой идентичности. Началась пропаганда праздного образа жизни, в результате чего появилась проблема отсутствия мотивации к достижениям, учебе. Избыток жестокости и агрессии, доступность шокирующего контента в сети приводит как к проблемам воспитания, так и к проблемам психического здоровья среди детей и подростков [5; 6]. Сейчас любой школьник, обладающий навыком письма, получит исчерпывающую информацию по любому вопросу, подкрепленную видео и картинками. Родители потеряли контроль над многими областями жизни своих детей, школа практически лишена рычагов воспитательного воздействия, поэтому поколение Z и поколение α, воспитанные в цифровой среде, отличаются от предыдущих поколений не только гибкостью ума,

осведомленностью, интересом к проблемам экологии и завышенными гедонистическими потребностями [7; 8], но и слабой концентрацией внимания, ухудшением долговременной памяти, проблемами в переработки информации через слуховой анализатор, более слабой волей, несдержанностью, отсутствием мотивации [9] и особенностями в поведении.

Отдельно нужно отметить вызов современности в области развития у молодежи морально-этических качеств, ценностей и критического мышления. Умурзаков А.М. говорит, что «вера, дух убеждения прививается в умах и сердцах молодых людей с младенчества через семью, родственников, образовательные и трудовые сообщества, социальные институты общества. Умный человек должен понимать, почему он родился, в чем смысл жизни, и в своих действиях он должен привыкнуть неукоснительно придерживаться правил и норм морали в обществе, в котором он живет» [10]. Таким образом вера имеет организующую, направляющую функцию в нравственном воспитании.

Вера, будь то философская вера с ее поиском истины [11], или религиозная вера, имеет важную протективную функцию и функцию ориентировки в реальности. В отечественной психологии вера была рассмотрена в трудах Б.С. Братуся, Р.М. Грановской, К.К. Платонова, А.М. Двойнина, Д.М. Угриновича, А.К. Козыревой, В.Р. Букина и Б.А. Еруновой, Т.П. Скрипкиной, В.Л. Петрушенко, Г.Н. Щербакова и др.

Но каждый из психологов рассматривает один аспект веры, одно ее свойство. Например, К.К. Платонов видит связь веры с эмоциональной стороной психики. Для него вера — это «чувство, создающее иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией» При этом К.К. Платонов в ранних трудах не проводит различия между верой личной и верой религиозной, в более поздних работах он видит религиозную веру как частный случай проявления веры вообще [12]. В наше время существование нерелигиозной веры не вызывает сомнений у ученых, но среди психологов есть разногласия в понимании психологических особенностей веры, того, чем она является на самом деле. [13].

А.К. Козырева рассматривает веру как психологическое явление, входящее в структуру личности. Она выделяет три составляющих веры: интеллектуальная, эмоциональная и волевая. Вера, согласно взглядам А.К. Козыревой это 1) мотив, побудительный стимул; 2) установка; 3) ориентир деятельности человека. Однако описание феномена очень противоречиво, это с одной стороны психологическое явление, входящее в структуру личности, с другой стороны элемент структуры индивидуального и общественного сознания. Не рассматриваются связи с другими компонентами и сам состав веры не описан [14].

В.Р. Букин и Б.А. Ерунов относят веру к состояниям психики, не к ее свойствам или процессам. [15] Б.А. Ерунов также рассматривает веру наряду со знанием и мнением как разновидности убеждения. Эти же авторы рассматривают веру в гносеологическом ключе, противопоставляя вере сомнение.

Ю.Ф. Борунков рассматривает веру как феномен психики, обусловленный, закономерностями познавательного процесса. Он не рассматривает саму веру как психологический конструкт, а возникновение эмоционального компонента рассматривает как результат недостатка информации, в которой субъект вынужден принять на веру факты, которые не доказаны [16].

Т.П. Скрипкина в исследовании феномена веры приходит к выводу, что последняя является свойством человека и всегда имеет направленность, то есть привязана к объекту. [17]

В.Л. Петрушенко и Г.Н. Щербакова рассматривают веру как отношение к чему-то недоказанному [18].

Наиболее полно вера рассматривается Б.С. Братусем. Он изучил не только сущность самой веры, но и взаимосвязь с другими психическими процессами. Он не только подчеркнул эмоциональную природу веры, но и раскрыл ее направляющую функцию, что ставит веру на одну ступень с мотивом. Б.С. Братусь замечает, что «вера требует внутренней работы», что она порождается усилием воли, но не рассматривает, как именно можно регулировать веру [19]. В разрезе смыслообразования и направляющей функции веры можно упомянуть и смыслообразование А.Н. Леонтьева. Именно отношение мотива к цели порождает личностный смысл. Вера по Б.С. Братусю отвечает не только за личностный смысл замкнутой на себе деятельности (то есть она шире по значению, чем мотив, ближе к смыслу), но имеет большое значение для формирования целостного образа жизни в будущем. Вера для Б.С. Братуса обращена в будущее, но не рассматривает веру как способ установления истины, как основу критического мышления.

Таким образом вера как конструкт с четким описанием компонентов ранее не рассматривалась, она была описана в гносеологическом аспекте, либо один ее компонент, чаще, эмоции и воля, были определены в составе этого феномена, отдельно рассматривались функции веры, ее близость к смыслу.

Наш современник В.И. Пищик при изучении потребностей разных поколений, установила, что молодежь обладает малой религиозностью при высокой потребности в вере [7]. Профессор Ибрагим Каримов выражает беспокойство отсутствием веры у молодого поколения: «Опасность для общества, в котором мы сейчас живем, заключается в том, что многие люди, особенно молодежь, теряют веру, а это состояние ума, основанное на доверии». [10]. Проведенное исследование WIN/Gallup International свидетельствует, что религия продолжает доминировать в жизни большинства людей. Религия проявляет удивительную стойкость именно благодаря защитной функции психики, предоставляет понятную систему координат. Несмотря на то, что религия утратила функцию обоснования событий окружающей среды и сил природы, как было на ранних стадиях развития общества, новые формы (секты, ответвления) продолжают появляться и в наше время [20], что свидетельствует о подсознательном стремлении к опоре в виде веры у современного человека. В век цифровизации и перегрузки информацией люди стремятся к вере, чтобы защититься. Кроме протективной функции веры и ее функции формирования образа будущего, есть когнитивная функция, необходимый фундамент для критического мышления и способ ориентировки в поле избыточной информации.

Не только психологи указывали на когнитивную функцию веры (Б.С. Братусь, В.Р. Букин и Б.А. Ерунов и др.). Когнитивная функция веры была замечена Я.А. Коменским, он говорил о единстве чувств, разума и веры, Ибн-Синна (Авиценна), утверждал, что, истина веры и истина знания не противоречат друг другу. А. Эйнштейн подчеркивал, что без веры в возможность охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло быть никакой науки [21]. Майкл Полани любил повторять вслед за Августином: «Если ты не веришь, ты не поймешь», он объяснял, что вера является необходимой при отборе любого знания — «овладения навыками использования инструментов, управления техникой и т.п. предполагает неявно выраженное подчинение определенным предположениям о природе вещей, которые субъект непосредственно не осознает... хотя и не существует никаких гарантий относительно корректности подобных предположений, но без них субъект не может осуществить процесс отбора знания. Неявное знание является источником всего остального знания» [22]. Груданов И. считает, что в гносеологическом ключе вера и убеждение выступают как необходимый компонент познавательного процесса. Такую веру он называет «познавательной», так как именно благодаря ей, знание

трансформируется в субъективную убежденность и становится мотивом, для дальнейших свершений, исследований, поисков. В этом смысле вера делает субъекта активным [23].

Протоиерей И. Груданов говорит о трех теориях веры: эмоциональные, рассматривающие веру преимущественно как чувство (Д. Юм, У. Джеймс и др.); интеллектуальные, в которых вера трактуется как феномен интеллекта (Дж.С. Милль, Ф. Брентано, Г.В.Ф. Гегель и др.); волевые, признающие веру атрибутом воли (Р. Декарт, И.Г. Фихте) [24].

Таким образом на протяжении истории психологии вера рассматривалась как чувство, как компонент личности, как самостоятельный феномен, в гносеологическом аспекте, как эмоциональное образование, как близкое к мотиву и смыслу. Но ни разу вера не рассматривалась как мы представляем в этой работе, структурно.

Мы предлагаем рассмотреть веру как динамический конструкт, три компонента которого: эмпирический, когнитивный и эмоционально-волевой находятся в постоянном взаимодействии. Мы убеждены, что наличие всех трех компонентов необходимо для формирования веры, а возможность усиления одного компонента при ослаблении других (ввиду жизненных обстоятельств субъекта) способно усилить, укрепить веру и повлиять на другие компоненты. В основе компонентов веры лежат убеждения, формирование, трансформация убеждений — неотъемлемый процесс усиления или ослабления веры. В предыдущей статье мы подробно рассмотрели, как трансформируется убеждение в веру [25]. В этой работе мы проанализируем теоретический материал и глубже рассмотрим динамику компонентов внутри конструкта.

Методологические основания

Эмоционально-волевой компонент веры был замечен многими учеными-психологами. К.К. Платонов считал веру чувством, А.К. Козырева видит в вере эмоцию уверенности и мотив. Эмоциональный аспект подчеркивал и Б.С. Братусь, У.А. Эргашев.

Вера возникает, отвечая нравственным душевным потребностям индивида, она привлекательна для индивида благодаря своей чувственной форме. Чувство веры является одним из стержневых качеств необходимых для духовного развития человека [24]. Вера представляет собой акт принятия чего-либо как истинного, ценного справедливого, целесообразного в условиях отсутствия или невозможности без достаточных логических и фактических обоснований, иными словами, благодаря эмоциональному компоненту. Убеждение представляет собой единство отражения субъектом объекта и отношения к объекту и к знанию о нем. Знание и отношение продуцируют эмоции, оценки. Эмоциональное состояние, в котором формируется убеждение чрезвычайно важно. Это психическое состояние Г.В. Щербакова называет верой [26]. Итак, в вере большое значение придается чувственному содержанию. Чувство веры делает субъект активным исследователем и последователем идеи. Чувство формирует стремление, определяет мотив, и в этом смысле вера обладает большой движущей силой. Антонов и Раевский подчеркивают, что вера как психическое состояние дает возможность убеждению относиться к действительности деятельностно, целенаправленно, заинтересованно. Г. Олпорт тоже отмечал эмоционально-волевой компонент веры: «Любые позитивные чувства неизбежно влекут за собой какую-то степень веры, и эта вера всегда сопровождается действиями, поскольку то, во что мы верим, мы стремимся осуществить». Вера связана с целым рядом понятий, не только со знанием и эмоциями, но и с целью, потребностью, интересом, оценкой, волей, действием [26]. Психический процесс в чувственно-эмоциональной сфере и фиксирующий в ней

или в интеллекте результаты оценочной деятельности личности по определению степени истинности информации, поступающей из реального мира.

Когнитивный компонент веры представлен убеждениями, то есть вербальными высказываниями, которые существуют в картине мира субъекта сознательно или бессознательно и формируют ее. В гносеологическом ключе рассматривали веру Ю.Ф. Борункова: «Вера есть феномен психики, обусловленный, закономерностями познавательного процесса», Д.М. Угринович, У.А. Эргашев: «вера ...является другой формой установления отношения с истиной и становится одним из путей для дальнейшего философического анализа проблем интеллектуальной деятельности» [24]. Существует много классификаций убеждений. По времени формирования (глубинные и новые), по сфере применения (о себе, о мире и др), интроспективные (сформированные на собственном опыте) и не на опыте.

Справедливо замечено некоторыми учеными, что вера не бывает без предмета. Например, «вера в человечество», «вера в свое предназначение». В таком случае речь идет о кластере убеждений относительно человечества, своего предназначения. Убеждение нельзя рассматривать поодиночке, так как есть система убеждений (belief set) [27], в англоязычной литературе часто используется HBS (Human Belief System) [28]. Система убеждений предполагает связь компонентов, иерархию и взаимовлияние. Поэтому замена одного убеждения, влечет за собой изменения всей системы.

Эмпирический компонент веры представлен убеждениями, основанными на опыте. Субъект, переживавший аналогичные события, побывавший в похожей ситуации имеет в своем сознании сильный эмпирический компонент веры. Убеждения, основанные на личном переживании опыта, Грязнов С.А. называет интроспективными убеждениями. «Чтобы убеждение или суждение можно было квалифицировать как интроспективное ... оно должно соответствовать некоторым минимальным критериям, а именно, к нашему собственному текущему или недавно прошедшему ментальному опыту и быть получено способом, специфичным для конкретного лица» [30]. Вера обращена назад, она основана на опыте, выражается в уверенности, будучи в связи со знаниями [26].

На рис. 1 изображен конструкт «Вера», состоящий из трех компонентов

Рис. 1 Компоненты в динамическом конструкте «Вера»

В ситуациях неизвестности, эмоционально напряженных ситуациях для индивида (болезнь близкого или самого субъекта, потеря работы, разрыв отношений, политическая/экономическая нестабильность) протективная и гомеостатическая

функции веры выходят на передний план. Как справедливо заметил Б.С. Братусь: «Победившая сомнения и неверие вера — это наиболее адекватная и твердая основа помощи и поддержки человека на его жизненном поприще».

Рассмотрим взаимодействие компонентов внутри конструкта на примере. Предположим, субъекту сообщили о заболевании, о котором он ранее не подозревал. Серьезность заболевания делает его сильным стрессовым фактором, и субъект, ориентированный на достижение психологического гомеостаза, прибегает к нормализации эмоционального состояния (хочет убедить себя в том, что все будет хорошо). Если это заболевание, о котором у субъекта нет информации, когнитивный компонент не представлен, и субъект пытается его наполнить убеждениями, сформировать систему убеждений: ищет информацию в интернете, читает статьи, знакомится с результатами исследований. Параллельно субъект начинает формировать эмпирический компонент. В отсутствие собственного опыта он испытывает потребность опереться на опыт других: пациент ищет людей с аналогичным заболеванием, посещает форумы и ищет тех, кто вылечился. По мере накопления знаний они формируются в систему, где когнитивный и эмпирический компоненты дополняют и поддерживают друг друга. Пациент проходит аккомодацию и начинает формировать здоровую позицию по отношению к своему заболеванию. Как и в большинстве случаев, связанных с процессом выздоровления, многое не предсказуемо и получение гарантий невозможно. Однако эмоционально-волевой компонент обычно представлен желанием вернуться к прежней жизни, стремлением добиваться «победы» над болезнью, поэтому можно сказать, что эмоционально-волевой компонент организует и связывает когнитивный и эмпирический.

В случае, когда наполнение эмпирического и когнитивного компонента таково, что, компоненты в конструкте вступают в конфликт (неизлечимая болезнь, отсутствие возможности на благоприятный исход в обозримом будущем значимой для субъекта проблемы), эмоционально-волевой компонент выступает в виде единственного активного компонента, тогда вера теряет свою созидательную силу и существует за счет эмоционально-волевого компонента, что отражено на рис. 2.

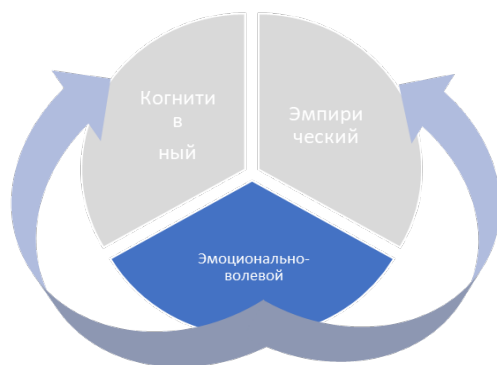

Рис. 2. Вера, где когнитивный и эмпирический компоненты ослабевают

Система убеждений не выполняет свою функцию, а игнорирование противоречий с реальностью достигается по средствам защит.

Невозможность адаптироваться к новой ситуации и перестроить систему убеждений может быть вызваны двумя причинами. Первой из которых является сильный эмоционально-волевой компонент (желание жить, стремление помочь больному ребенку, существует вопреки знанию и опыту).

Вторая причина может крыться в трудностях, которые индивид испытывает в связи с изменением системы убеждений. Занимаясь исследованиями убеждений неизлечимо больных Echarte LE et al. [28], задался вопросом, почему люди прибегают к самообману. Предположение таково: их система убеждений настолько ригидна, что они не могут перестроить ее. Создать новую систему убеждений, в которой будет место внезапной смерти, оказывается сложно, а адаптировать имеющуюся систему они не могут.

Практическая значимость

Вера — мощный инструмент мотивации и необходима для познания мира, достижения целей индивида, противостояния трудностям. Но бывает так, что действующая система убеждений не позволяет человеку достичь желаемого. Например, для достижения личной эффективности необходима уверенность в себе, вера в себя, свои силы и способности. Без этой веры, даже в случае правильного целеполагания, достижение целей затруднено. Мы предлагаем рассмотреть систему работы с эмпирическим и когнитивным компонентом (убеждениями) веры. Когнитивно-поведенческая терапия, рассматривающая убеждения как основу поведения и мышления человека, утверждает взаимосвязь убеждений и поведения [16]. Таким образом, изменив убеждения человека становится возможным изменить его поведение и картину мира.

В соответствии со взглядами Н. Козаченко [27] убеждения и знания рассматриваются в доксистическом и эпистемологическом поле без явных различий между ними. Хотя следует отметить, что убеждение возможно без знания и наоборот. Эту отрасль формальной эпистемологии в англоязычной литературе называют изменением теорий (theory change) или ревизией убеждений (belief revision). Возможный или текущий набор знаний и убеждений субъекта называют эпистемическим состоянием (epistemic state) или состоянием убеждений (belief state).

В.Н. Костюк, рассматривая критерии рациональности изменения убеждений, главную роль отводит непротиворечивости [30]. Иными словами, изменение системы убеждений происходит по средствам устранения противоречий. На данный момент в арсенале ученых есть множество теорий, описывающих изменение знаний. Большая часть этих теорий базируется на AGM подходе (по заглавным буквам фамилий авторов — К. Алчуррона, П. Герденфорса и Д. Макинсона). Этот подход считается классикой в изменении теорий, знаний, убеждений. Чаще всего используются три способа изменения: расширение (expansion), ревизия (revision), сокращение (contraction). Это своего рода метаязык, который описывает правила существования и изменения убеждений. Традиционные критерии, принятые в AGM, характерны практически для всех сентенциональных моделей, которые рассматривают эпистемическое состояние субъекта как множество убеждений (belief set) — высказываний. Кроме непротиворечивости следует отметить приоритетность новой информации и минимальность изменения исходной информации. Каждое высказывание может быть убеждением, равно как и любое убеждение может быть представлено в виде высказывания. Исходное множество убеждений замкнуто относительно логического следования. Эпистемический вход (epistemic input) — информация, которая приводит к изменению исходного состояния убеждений, также представляется как высказывание [27].

Давайте рассмотрим такое убеждение как «Я неудачник», часто встречающееся у индивидов со слабой верой в себя, и попробуем применить к нему один из трех способов AGM подхода.

Выбор способа ревизии убеждений зависит от нескольких факторов:

– возраста убеждений (глубинные убеждения, сформированные в детстве, поддаются изменениям труднее [31]

– веса убеждения в системе убеждений (человек склонен доверять интроспективным убеждениям больше) [29]

Следовательно, выявив убеждение у клиента, необходимо оценить его возраст и вес, а также степень осознаваемости, так как большинство глубинных убеждений нами не осознаются, то есть не находятся в нашем сознании в форме высказывания. Работа в поле эпистемологии возможна только с осознаваемыми убеждениями, поэтому перед работой по ревизии убеждений необходимо убедиться, что клиент признает у себя наличие такого убеждения, осознает его и формулирует в виде высказывания.

В случае с такими разрушающими убеждениями как «Я неудачник» одним из очевидно рациональных способов работы является сокращение (сужение), так как полное удаление такого убеждения невозможно: это влечет за собой изменение всей системы и по ряду причин клиент может быть к этому не готов. Сложно переубедить человека, верившего в то, что он неудачник большую часть сознательной жизни. Именно по причине невозможности его удаления мы прибегаем к сокращению. Например, в качестве одного из упражнений следует вычислить примеры, когда клиент сталкивался с невезением, и определить области, в которых он с невезением не сталкивался. Тогда измененное убеждение может выглядеть так: «Мне не везет с противоположным полом» или «Мне не везет в путешествиях». Как видно при ревизии убеждения в этом примере его значение уменьшается для жизни субъекта. При изменении убеждений важно использовать направляемое открытие, сократическую беседу, законы формальной логики, чтобы клиент сам изменил свое убеждение, и оно согласно С.А. Грязнову стало интроспективным. Изменение убеждения повлечет за собой дополнительную необходимость в ревизии противоречащих измененному (новому) убеждению. Например, одним из глубинных убеждений субъекта является убеждение «Мне не везет в жизни», после ревизии это убеждение стало выглядеть следующим образом: «Мне не везет, когда я делаю что-то против своего желания». Однако это убеждение может вступить в противоречие с убеждением о работе, потому что последние три раза клиента уволили с работы, а работа ему нравилась, и он работал с желанием. Он самостоятельно хотел устраиваться в эти организации, и теперь это не объяснить новым убеждением, соответственно последует поиск объяснения неудач в профессиональном плане. В жизни непротиворечивость и логика не всегда являются принципами построения множества убеждений. Постепенно, устраняя проявляющиеся противоречия, человек успешно изменяет свою структуру убеждений, порой даже не осознавая всех производимых операций.

Иногда когнитивный компонент веры нуждается в наполнении. Так бывает, когда человек перед лицом трудностей, неожиданных проблем нуждается в вере, но не располагает знанием, иными словами, не имеет системы убеждений относительно конкретного вопроса. В этом случае необходимо провести дидактическую работу, помочь клиенту получить необходимые знания, чтобы на основании этих знаний он сформировал конструктивные убеждения. В том случае если убеждение сформировано в условиях недостатка информации, следует наравне с информированием проводить ревизию убеждения. Как заметил С. Жданов важен психологический аргумент. Состоит он в том, что в ситуации, когда мы располагаем даже незначительными сведениями в пользу истинности пропозиции p (и у нас нет никаких сведений, указывающих на истинность ее отрицания), мы фактически не можем заставить себя поверить в то, что имеет место не- p .

Таким образом, работая с когнитивным компонентом веры, можно усилить или ослабить веру человека.

Эмпирический компонент веры тоже подвластен изменениям и целенаправленной работе. Если клиент не располагает примерами из своей жизни, необходимо найти такие примеры в жизни других людей, которые усилят веру клиента. Зачастую индивиды, находящиеся в трудном положении, пытаются интуитивно опираться на чужой опыт. Например, пациент задает вопрос врачу о случаях успешной реабилитации после аналогичной травмы, не имея эмпирического компонента, пациент наполняет когнитивный.

Улучшение эмоционального состояния по мере изменения убеждений, повышение уровня уверенности в себе и другие трансформации подробно описаны в трудах Дж. Бек и А. Бек [31]

В случае усиления или ослабления убеждений мы видим динамику внутри конструкта вера. При ревизии деструктивных убеждений о своих способностях, эмоциональный компонент веры видоизменяется, негативные эмоции меняются на позитивные, вера укрепляется. Влияние возможно внутри конструкта и в обратном порядке. Негативные эмоции закрепляют негативные убеждения о личности и делают веру слабее.

Заключение

На основе представленных дефиниций веры, можно сделать вывод, что ученые выделяют эмоции, когниции и волю. Вера важна для формирования и функционирования личности, преодоления трудностей. Особенно важной становится вера в стрессовых ситуациях, в ситуациях неопределенности. Однако веру нельзя рассматривать только в ключе эмоциональном или когнитивном. Конструкт веры представляет собой три компонента, которые находятся во взаимозависимых отношениях: эмпирический и когнитивный компоненты выражены убеждениями, которые различаются между собой степенью близости к субъекту. Убеждения, появившиеся на основе лично пережитых субъектом событий составляют эмпирический компонент, убеждения, сформированные из знаний о мире — когнитивный. Большое значение имеет эмоционально-волевой компонент. Изменение одного компонента влияет на другие, например, работа с когнитивным компонентом может усилить веру или ослабить ее. Рассуждая в рамках когнитивно-поведенческой терапии, ревизия убеждений приводит к изменению веры. Вера поддается направленному воздействию извне, подлежит сознательному формированию или усилению.

Список использованной литературы

1. Стрекалова Н.Б. Влияние информационной перегрузки на жизнедеятельность личности / Н.Б. Стрекалова. — EDN RIMDRR // Проблемы и перспективы развития образования в России. — 2011. — № 12. — С. 325–330.
2. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей / А.Д. Еляков. — EDN OOULAZ // Социологические исследования. — 2005. — № 5. — С. 114–121.
3. Lipai T.P. Covid-19 Implications: the Role of Stress and Stigmatization / T.P. Lipai, K. Mironava. — DOI 10.32687/0869-866X-2021-29-s1-818-821. — EDN IPYEUA // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2021. — Т. 29, № S1. — С. 818–821.
4. Влияние COVID-19 на психологическое состояние людей / А.Т. Шакирова, А.А. Койбагаров, М.К. Осмоналиев [и др.]. — EDN SUEPWY // Евразийский Союз Ученых. — 2020. — № 10-3 (79). — С. 50–53.
5. Усова С.Н. Неконструктивное поведение младших школьников: коррекция и профилактика / С.Н. Усова, Е.А. Жукова. — EDN OVZDDD // Народное образование. — 2012. — № 2. — С. 224–228.
6. Годик Ю.О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой аудитории новых медиа / Ю.О. Годик. — EDN OHKMWJ // Медиаскоп. — 2011. — № 2. — С. 6.

7. Пищик В.И. Менталитет поколений в текущей современности / В.И. Пищик. — Москва : Инфра-М, 2019. — 150 с.
8. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова. — DOI 10.15838/tdi.2018.2.42.6. — EDN YWRGCO // Вопросы территориального развития. — 2018. — № 2 (42). — С. 6.
9. Биджиева С.Х. Геймификация образования: проблемы использования и перспективы развития / С.Х. Биджиева, Ф.А.А. Урусова. — EDN FDZEAM // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8, № 4. — С. 14.
10. Умурзаков А.М. Философский анализ веры / А.М. Умурзаков. — EDN FYVMNM // Экономика и социум. — 2021. — № 4-2 (83). — С. 507–510.
11. Перцев А.В. Философская вера: К. Ясперс и Д. Пивоваров / А.В. Перцев, Е.В. Мельникова. — EDN YMEUDB // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2016. — № 10. — С. 39–46.
12. Платонов К.К. Психология религии. Факты и мысли / К.К. Платонов. — Москва : Политиздат, 1967. — С. 239.
13. Двойнин А.М. Проблема веры в психологии: историко-теоретический обзор / А.М. Двойнин. — EDN RSXISF // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: педагогика. психология. — 2013. — № 3 (30). — С. 113–128.
14. Козырева А.К. Вера и знание / А.К. Козырева // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. — 1971. — Т. 444, Вып. 1. — С. 133.
15. Букин В.Р. На грани веры и неверия / В.Р. Букин, Б.А. Ерунов. — Ленинград : Лениздат, 1974. — 164 с.
16. Борунков Ю.Ф. Структура религиозного сознания / Ю.Ф. Борунков. — Москва : Мысль, 1971. — 176 с.
17. Скрипкина Т.П. Психология доверия / Т.П. Скрипкина. — Москва : Academia, 2000. — 263 р.
18. Петрушенко В.Л. Вера в духовном мире личности / В.Л. Петрушенко, Г.Н. Щербакова. — Львов : Изд-во Львов. гос. ун-та, 1989. — 94 р.
19. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. — 1997. — № 5. — С. 3–19.
20. Фетисова Т.Ф. Александр Кунин. Люди и убеждения / Т.Ф. Фетисова. — EDN WAOLCP // Культурология. — 2016. — № 2 (77). — С. 134–137.
21. Денисенко С.И. Убеждения в системе современного образования / С.И. Денисенко. — EDN QXMZFH // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2018. — № 5 (813). — С. 22–32.
22. Летов О.В. М. Полани о соотношении научных и религиозных убеждений / О.В. Летов // Российский журнал образования и психологии. — 2011. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-polani-o-sootnoshenii-nauchnyh-i-religioznyh-ubezhdeniy>.
23. Груданов И. Роль убеждения и веры в познавательной деятельности / И. Груданов. — EDN XQRRLF // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. — 2016. — № 4 (8). — С. 5–13.
24. Эргашев У.А. Феномены духа человека: убеждение и вера / У.А. Эргашев. — EDN OMELZM // Экономика и социум. — 2022. — № 12-1(103). — С. 1114–1117.
25. Давер Д.И. Убеждение — базовый компонент психологического конструкта «Вера» / Д.И. Давер, В.И. Пищик. — EDN SKANCC // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10, № 6. — С. 1–12.
26. Щербакова Г.В. Психологическая основа убеждения / Г.В. Щербакова // Известия ТПУ. — 1974. — Т. 291. — С. 69–80.
27. Козаченко Н.П. Критерии рациональности изменения убеждений: непротиворечивость / Н.П. Козаченко. — EDN MXQTWN // Логические исследования. — 2010. — № 16. — С. 134–155.
28. Self-Deception in Terminal Patients: Belief System at Stake / L. Echarte, J. Bernacer, D. Larrivee [et al.]. — DOI 10.3389/fpsyg.2016.00117 // Frontiers in Psychology. — 2016. — Vol. 7. — P. 1–6.
29. Грязнов С.А. К вопросу о интроспективном формировании убеждений / С.А. Грязнов. — DOI 10.24412/2500-1000-2022-9-1-7-10. — EDN VKPRUZ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 9-1. — С. 7–10.

30. Костюк В.Н. Элементы модальной логики / В.Н. Костюк. — Киев : Наук. думка, 1978. — 180 с.

31. Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям / Дж. Бек. — Санкт-Петербург : Питер, 2019. — 416 с.

References

1. Strekalova N.B. The Influence of Information Overload on the Life of an Individual. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii = Problems and prospects of education development in Russia*, 2011, no. 12, pp. 352–330. (In Russian). EDN: RIMDRR.
2. Eliakov A.D. Information Oveload for Humans. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2005, no. 5, pp. 114–121. (In Russian). EDN: OOULAZ.
3. Lipai T.P., Mironava K. Covid-19 Implications: the Role of Stress and Stigmatization. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2021, vol. 29, no. S1, pp. 818–812. EDN: IPY-EUA. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-s1-818-821.
4. Shakirova A.T., Koibagarova A.A., Osmonaliev M.K., Akhmedov M.T., Ibraimova A.Dzh. Impact of COVID-19 on the Psychological State of People". *Evrasiiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 10-3, pp. 50–53. (In Russian). EDN: SUEPWY.
5. Usova S.N., Zhukova E.A. Unconstructive Behavior of Younger Schoolchildren: Correction and Prevention. *Narodnoe obrazovanie = National Education*, 2012, no. 2, pp. 224–228. (In Russian). EDN: OVZDDD.
6. Godik U.O. The Threats and Risks for the Safety of Children's and Teenage Audience of the New Media. *Mediascope = Mediascope*, 2011, no. 2, pp. 6. (In Russian). EDN: OHKMWJ.
7. Pishchik V.I. *The Mentality of Generations in Fluid Modernity*. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 150 p.
8. Kulakova A.B. Generation Z: Theoretical Aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Territorial development issues*, 2018, no. 2, pp. 6. (In Russian). EDN: YWRGCO. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6.
9. Bijieva S.Kh., Urusova F.A.A. Gamification of Education: Problems of Use and Development Prospects. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 14. (In Russian). EDN: FDZEAM.
10. Umurzakov A.M. Philosophical Analysis of Faith. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*, 2021, no. 4-2, pp. 507–510. (In Russian). EDN: FYVMMN.
11. Pertsev A.V. Melnikova E.V. Philosophic Belief: K. Jaspers and D. Pivovarov. *Intel'lekt. Innovatsii. Investitsii = Intelligence. Innovations. Investments*, 2016, no. 10, pp. 39–46. (In Russian). EDN: YMEUDB.
12. Platonov K.K. *Psychology of Religion. Facts and Thoughts*. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 239 p.
13. Dvoinin A.M. The Problem of Faith in Psychology: A Historical and Theoretical Review. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: pedagogika. Psikhologiya = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology*, 2013, no. 3, pp. 113–128. (In Russian). EDN: RSXISF.
14. Kozyreva A.K. Faith and Knowledge. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena = Scientific Notes of Leningrad State Pedagogical Institute named after. A. I. Herzen*, 1971, vol. 444, iss. 1, pp. 133. (In Russian).
15. Bukin V.R., Erunov B.A. *On the Verge of Faith and Disbelief*. Leningrad, Lenizdat, Publ., 1974. 164 p.
16. Borunkov YU.F. *The Structure of Religious Consciousness*. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 176 p.
17. Skripkina T.P. *Psychology of Trust*. Moscow, Academia Publ., 2000. 263 p.
18. Petrushenko V.L., Shcherbakova G.N. *Faith in the Spiritual World of the Individual*. Lviv, State University Publ., 1989. 94 p.
19. Bratus' B.S. On the Problem of Man in Psychology. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1979, no. 5, pp. 3–19. (In Russian).
20. Fetisova T.F. Alexander Kunin. People and Beliefs. *Kul'turologiya = Cultural studies*, 2016, no. 2, pp. 134–137. (In Russian). EDN: WAOLCP.

21. Denisenko S.I. Convictions in the System of Modern Education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*, 2018, no. 5, pp. 22–32. (In Russian). EDN: QXMZFH.
22. Letov O.V. M. Polanyi on Genius' Role in the Process of Scientific Discovery. *Rossiiskii zhurnal obrazovaniya i psikhologii = Russian Journal of Education and Psychology*, 2011, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-polani-o-sootnoshenii-nauchnyh-i-religioznyh-ubezhdeniy>. (In Russian).
23. Grudanov I. The Role of Persuasion and Faith in Cognitive Activity. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences*, 2016, no. 4, pp. 5–13. (In Russian). EDN: XQRRLF.
24. Ergashev U.A. Phenomena of the Human Spirit: Belief and Belief. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*, 2022, no. 12-1, pp. 1114–1117. (In Russian). EDN: OMELZM.
25. Diana D.I., Ishchik V.I. Belief is a Basic Component of the Psychological Construct "Faith". *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2022, vol. 10, no. 6, pp. 1–12. (In Russian). EDN: CKANCC.
26. Shcherbakova G.V. Psychological Basis of Persuasion. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 1974, vol. 291, pp. 69–80. (In Russian).
27. Kozachenko N.P. Criteria for the Rationality of Changing Beliefs: Consistency. *Logicheskie issledovaniya = Logical research*, 2010, no. 16, pp. 134–155. (In Russian). EDN: MXQTWH.
28. Echarte L., Bernacer J., Larrivee D., Oron J., Grijalba-Uche M. Self-Deception in Terminal Patients: Belief System at Stake. *Frontiers in Psychology*, 2016, vol. 7, pp. 1–6. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00117.
29. Gryaznov S.A. On the Question of Introspective Formation of Beliefs. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 9-1, pp. 7–10. (In Russian). EDN: VKPRUZ. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-9-1-7-10.
30. Kostyuk V.N. *Elements of Modal Logic*. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1978. 180 p.
31. Beck J. *Cognitive Behavior Therapy: Basics and Beyond*. New York, Guilford Press, 2011. 424 p. (Russ. ed.: Beck J. *Cognitive Behavior Therapy: Basics and Beyond*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2019. 416 p.).

Информация об авторе

Давер Диана Игоревна — магистр психологии, когнитивно-поведенческий терапевт, соискатель на звание степени кандидата психологических наук, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dianadaver@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2143-162X>, SPIN-код: 9268-8939.

Author

Diana I. Daver — Master of Psychology, Cognitive Behavioral Therapist, PhD Degree Applicant, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, dianadaver@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2143-162X>, SPIN-Code: 9268-8939.

Для цитирования

Давер Д.И. Конструкт «вера» в психологии: убеждения, эмоции, опыт / Д.И. Давер. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1595-1607. — EDN DGPKBH // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1595–1607.

For Citation

Daver D.I. Construct of Faith in Psychology: Beliefs, Emotions, Experience. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1595–1607. (In Russian). EDN: DGPKBH. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1595-1607.

Научная статья

УДК 343.91

EDN XTLCRD

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1608-1615

А.Л. Репецкая¹, , К.В. Смирнова²¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация² Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: А.Л. Репецкая, repetsk@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ МЕЛКИЕ ХИЩЕНИЯ (СТ. 158.1 УК РФ)

АННОТАЦИЯ. Состав мелкого хищения, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ является новым для российского уголовного законодательства, однако пятилетний период действия данной статьи позволил провести исследование состояния и динамики криминологической характеристики личности преступников, совершающих указанные преступления (2017–2022 гг.). Целью данного исследования было выявление особенностей личности лиц, совершающих мелкие хищения, которые могут быть использованы для корректировки профилактики этих преступлений. Основными методами исследования выступили статистический и сравнительный методы: исследование базировалось на статистических массивах данных Судебного департамента РФ о характеристиках личности осужденных по различным параметрам. Сравнение полученных результатов проводилось как с ранее полученными результатами исследований, так и данными по другим видам хищений. В результате исследования авторы пришли к выводу, что в характеристике лиц данной категории есть сходные и специфические черты, отличающие преступников, совершающих мелкие хищения, от характеристики личности иных лиц, совершающих ненасильственные хищения. В частности, имеет особенности изменение структуры указанных лиц по полу, поскольку значительно растут абсолютные показатели женщин при снижении их доли в структуре преступников, осужденных за мелкие хищения; возрастные границы указанных лиц смещаются в более старшую группу 30–49 лет; при этом наличие почти у половины таких преступников среднего-профессионального образования компенсируется отсутствием постоянного источника дохода, что оказывает доминирующее влияние на формирование корыстной мотивации. Отмечается ситуативный характер исследуемого преступного поведения, устойчивость корыстной мотивации, реализующейся в совершении повторных хищений. Указывается на необходимость учета выявленных особенностей при корректировке профилактики мелких хищений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминологическая характеристика личности, мелкое хищение, профилактика, личность корыстного преступника.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 30 октября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

А.Л. Repetskaya¹, , К.В. Smirnova²¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Corresponding author: A.L. Repetskaya, repetsk@mail.ru

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS WHO COMMIT MINOR THEFTS (ARTICLE 158.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

ABSTRACT. The composition of petty theft under Art. 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is new for Russian criminal legislation, however, the five-

© Репецкая А.Л., Смирнова К.В., 2023

year period of the Article made it possible to study the state and dynamics of the criminological characteristics of the personality of criminals committing these crimes (2017–2022). The purpose of the study was to identify the personality of individuals who commit petty theft that can be used to adjust the prevention of these crimes. The main methods of research were statistical and comparative methods: the study was based on statistical data sets of the Judicial Department of the Russian Federation on personality characteristics convicted according to various parameters. Comparison of the obtained results was carried out both with the previously obtained results of studies and data on other types of theft. As a result of the study, the authors came to the conclusion that in the characteristics of persons of this category there are similar and specific features that distinguish criminals who commit minor thefts from the personality characteristics of other persons who commit non-violent thefts. In particular, there is a peculiarity in changing the structure of these persons by gender, since the absolute indicators of women significantly increase with a decrease in their share in the structure of criminals convicted of petty theft; the age boundaries of these persons are shifted to the older group of 30–49 years; at the same time, the presence of almost half of such criminals of secondary vocational education is compensated by the lack of a constant source of income, which has a dominant influence on the formation of selfish motivation. The situational character of the investigated criminal behavior, the stability of selfish motivation realized in the commission of repetitions are noted. It is indicated that it is necessary to take into account the identified features when adjusting the prevention of minor theft.

KEYWORDS. Criminological characteristics of personality, petty theft, prevention, personality of a self-serving criminal.

ARTICLE INFO. Received October 30, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Долгое время мелкие хищения, совершенные различными способами, относились к административным правонарушениям, и личность лиц их совершивших, привлекала внимание ученых, занимающихся разработкой административных мер противодействия этим видам деяний [1–3].

Между тем, значительная распространенность данного вида противоправного поведения, его повторяемость и низкая эффективность мер административной ответственности за мелкие хищения, логично вызвали необходимость установления уголовной ответственности за подобные деяния, если лицо уже было ранее привлечено к административной ответственности в ст. 158 УК РФ¹.

Анализ динамики состояния данного преступления, введенного в уголовный кодекс в 2016 г., за все время его регламентации, свидетельствует о крайне неблагоприятных тенденциях увеличения уровня данного преступления с ежегодными темпами прироста в среднем около 30 %.

Количество этих преступлений в регистрации увеличивалось даже в 2020–2021 гг. «ковидных» годах, когда основная масса населения находилась на карантине. Тем не менее, мелкие хищения, о которых идет речь не только не снизились, они наоборот выросли в 2020 г. на 27,4 %, а в 2021 г. еще на 13,7 %; 2022 г. дал дополнительный прирост в 27,1 %². Такой активный рост дает основания для изучения низкой эффективности предупреждения данных преступлений.

Одним из путей, которые могут решить эту проблему, является изучение особенностей криминологической характеристики личности преступников совершающих мелкие хищения. Выявление основных черт преступников и причин

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

² См.: Статистика и аналитика // МВД России. URL: <https://мвд.рф>. (дата обращения 13.04.2022)

их противоправного поведения позволяет разрабатывать эффективные стратегии предупреждения и пресечения преступлений этой категории.

Особенностью характеристики личности указанных преступников является их собирательный образ, который в целом дает общую картину того же корыстного преступника, но с оговоркой, что хищение, которое он совершает с одной стороны является мелким, а с другой — неоднократным.

При этом следует заметить, что в целом особенности личности указанных лиц сформировались в новом для России обществе потребления, которое не было свойственно советскому периоду. Изобилие товаров, при свободном доступе к ним, самообслуживании и существующих противоречиях между потребностями и возможностями для их удовлетворения, послужили основой для формирования личности мелкого похитителя.

Не секрет, что большая часть мелких хищений совершается в магазинах, особенно крупных: супермаркетах и гипермаркетах, сочетающих в себе все условия для совершения мелких хищений: обилие товаров на огромных площадях при кажущемся отсутствии какого либо контроля.

Кроме того, в последние годы появилось такое негативное социальное явление, как шоплифтинг: когда посетители розничных торговых сетей выносят через кассовую зону неоплаченный товар и зачастую относятся к своим действиям легкомысленно, не задумываясь, что тем самым совершают преступление [4, с. 135]. Делают они это не из корыстных побуждений, а ради развлечения, по идеологическим или психологическим причинам [5].

Явление это хорошо известно западным странам и даже представляет собой элемент их потребительской культуры [6; 7], однако российское общество не имело навыков культуры потребления, что в свою очередь детерминировало рост корыстной преступности, особенно хищений, совершаемых в мелких размерах.

И еще одной особенностью лиц, совершающих мелкие хищения, является то, что хищения ими совершаются непосредственно, часто непреднамеренно, когда ситуация доминирует в механизме преступного поведения. Не редко модель такого поведения становится шаблоном, и лицо действует по этому выверенному шаблону многократно, что и отражается на квалификации его действий, при выявлении признаков мелкого хищения.

Между тем, собирательный образ мелкого расхитителя складывается из ряда характеристик, в совокупности представляющих классическую криминологическую характеристику личности преступника изучаемого вида. Анализ статистических массивов данных о личности преступников, совершающих мелкие хищения, за весь период регламентации данного преступления (2017–2022 гг.)³ позволил выявить некоторые их типичные характеристики и рассмотреть их в динамике за шестилетний период.

Наиболее доступными и достоверными в изучении традиционно являются социально-демографические характеристики личности. Так, при изучении пола лиц, осужденных за мелкие хищения, установлено, что преимущественно данные преступления совершаются мужчинами, доля которых в структуре исследуемых преступников за указанный период увеличилась с 70,7 % в первый год регистрации мелких хищений, как самостоятельного преступления (2017 г.) до 79,5 % в 2022 г.

Однако, при этом и доля женщин, осужденных по ст. 158.1 УК РФ, была фактически в 2 раза выше, по сравнению с их долей в общей структуре осужденных в начале исследуемого периода: 29,3 % против 15,3 %, со снижением к концу периода в 2022 г. до 20,5 % против 14,7 % в общей структуре осужденных за этот

³ Анализ статистических массивов проводился на основе данных судебной статистики Судебного департамента Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>. Сам анализ является авторским.

год. Между тем, абсолютные показатели осужденных за мелкие хищения женщин выросли за исследуемый период в 4,3 раза с 369 до 1 602.

Таким образом, при колоссальном абсолютном росте женщин, совершающих мелкие хищения, относительные показатели их доли (удельный вес) снизился на 9 %, но все равно это выше удельного веса осужденных в 2022 г. женщин в общей структуре осужденных на 6 %.

Стоит заметить при этом, что выявленная тенденция характерна только для исследуемого состава, по другим видам ненасильственных хищений она не наблюдается. Так, например, удельный вес женщин, осужденных за кражи (ст. 158 УК РФ), в этот же период увеличился на 1,6 % (с 11,9 до 13,5 %) при незначительном увеличении абсолютного показателя; мошенницы (ст. 159 УК РФ) остались примерно на том же уровне (22,6 в 2017 г. и 22,3 % в 2022 г.); доля женщин осужденных за присвоение и растрату снизилась на 3,8 %, этому уровню соответствуют и абсолютные показатели.

Между тем, если посмотреть динамику еще более длительного периода, то исследование личности лиц, совершивших административное правонарушение, связанное с мелким хищением более 10 лет назад, показывает на фактически абсолютное доминирование мужчин, которые составили 96,4 % [1]. В современный период каждый пятый преступник, осужденный по данному составу — женщина.

При этом, в случаях, когда мелкое хищение совершается в форме мошенничества, присвоения или растраты, доля женщин возрастает. Это обусловлено, как правило, повышенной степенью доверия, которое граждане испытывают к женщинам по сравнению с мужчиной, часто им легче войти в контакт с потерпевшими. Да и в основных составах мошенничества и присвоения и растраты доля женщин более высокая, чем в общей структуре осужденных: 22,3 % для мошенничества и 27 % — по присвоению и растрате.

Таким образом, динамика абсолютных и относительных показателей женщин, осужденных за мелкое хищение, в целом имеет неблагоприятную тенденцию.

Важной социально-демографической характеристикой личности лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 158.1 УК РФ, является их возраст. Анализ данных Судебного департамента показал, что доминирующей группой преступников, осужденных за преступление, предусмотренное ст. 158.1 УК РФ является группа в возрасте 30–49 лет, при этом ее доля в исследуемой структуре увеличивается. Так, в 2017 г. удельный вес таких лиц был 60 %, а в 2022 г. этот показатель вырос на 2,7 %.

На тенденцию увеличения доли преступников, старше 30 лет совершающих хищения, указывают и другие исследователи [4; 8; 9]. Эта тенденция является новой, поскольку в предыдущие периоды во всех корыстных преступлениях доминировали более молодые группы преступников.

Таким образом, большая часть преступлений рассматриваемого вида совершается людьми среднего возраста, что обусловлено их высокими экономическими потребностями, которые они не могли удовлетворить правомерным путем. Исследование социального положения таких преступников показывает, что 81 % из них не имели постоянного источника дохода.

Несовершеннолетние крайне редко привлекаются к уголовной ответственности за мелкие хищения, квалифицируемые по ст. 158.1 УК РФ (1,5–2 %), особенно с учетом достаточно большого числа совершаемых ими мелких административно-наказуемых хищений. Однако, именно на их долю приходится значительная доля шоплифтинга, когда мелкие хищения (особенно кражи) совершаются по специфическим мотивам, характерным для этого возраста (самоутверждение и

пр.). Мировая практика показывает, что доля несовершеннолетних в структуре таких преступников составляет 15 %⁴.

В России низкая доля несовершеннолетних среди лиц, осужденных за мелкие хищения, обусловлена, как представляется достаточно высокой эффективностью мер социального контроля, применяемых к ним после совершения административного правонарушения, что в значительной степени снижает повторность их деликвентного поведения, являющуюся одним из оснований уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ.

Исследования 10 летней давности вообще указывают на отсутствие в структуре преступников несовершеннолетних, поскольку это было связано с особенностями административной ответственности этой категории лиц [1].

Между тем абсолютные показатели несовершеннолетних осужденных за данное преступление в исследуемом периоде увеличились в 8 раз, что свидетельствует о крайне неблагоприятной тенденции для этой возрастной группы.

Важнейшей чертой личности, совершающей преступление, предусмотренное ст. 158.1 УК РФ является его образование. Так, подавляющее большинство осужденных лиц (44,3 % в 2022 г.) имели среднее профессиональное образование, при этом их доля в общей структуре за исследуемый период выросла на 4 %; еще треть преступников (33,2 %) имели среднее общее образование, доля которого снизилась с 2017 г. на 5 %. Низкий уровень образования (неполное среднее, начальное) было только у 15,7 %.

Таким образом, даже наличие достаточного уровня образования не всегда позволяет иметь работу и сдерживать от совершения хищений, в том числе и мелких. Следует отметить, что и для других видов ненасильственных хищений характерно аналогичное распределение преступников по уровню образования. Иными словами, определяющим моментом здесь является не уровень образования, а занятие человека, наличие у него работы в момент совершения преступления, а также отсутствие психологических причин, в первую очередь стрессового характера.

Изучение сведений о социальном положении лиц рассматриваемой категории указывает на то, что доминирующую их долю (81 % в 2022 г.) составляют трудоспособные лица, не имеющие постоянного рода занятий, при этом количество таких лиц увеличилось за исследуемый период на 11 %.

В целом доминирование указанной группы среди характеристик социального положения лиц, совершающих мелкие хищения, отмечается и другими исследователями, при этом ими указывается на стабильность этих показателей на протяжении всего рассматриваемого периода [4; 10].

При анализе остальных групп, выяснилось, что только каждый десятый (11,7 %) был рабочим, доля которых снизилась с 2017 г. на 6,2 %; удельный вес учащихся был стабильным и не превысил 1,7 %. Остальные категории составили доли процента в общей структуре занятости изучаемых преступников.

Указанные сведения в целом коррелируют с данными о роде занятий лиц, совершающих иные виды хищений, где фиксируется сходный уровень показателей тех, кто не имеет постоянного источника дохода (78–80 %).

Это свидетельствует о том, что включенность в социально-экономические процессы в значительной степени снижает вероятность совершения лицом преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, как и любого другого вида хищения.

Интерес представляет также и семейное положение указанной категории правонарушителей. Большая часть из них (57,2 %) не имеют семьи, при этом лица в возрасте от 18 до 30 лет, как правило, еще не вступали в брак, а лица в возрасте

⁴ The New Barometer. A Study of the Cost of Merchandise Theft and Merchandise Availability for the Global Retail Industry. 2014-2015. NJ 08086 USA. P.18.

от 30 до 45 лет — разведены. При анализе семейного положения лиц, совершающих иные виды хищений, выявлено, что они также часто в браке не состоят (52,4 %). Такая ситуация традиционна для общей характеристики личности преступника, когда наличие семьи является сдерживающим фактором при совершении им преступления.

Примечательной особенностью совершения рассматриваемых преступлений является небольшое количество лиц, совершающих данное преступление в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (9,7 %). Этот показатель также значительно ниже, чем доля иных хищений, совершаемых в состоянии опьянения (24,1 %).

Вместе с тем, полученные от совершения преступления материальные ценности виновные в более чем половине случаев тратят на приобретение алкогольной продукции, либо предметом данного преступления выступают спиртные напитки (56,7 %). На аналогичные результаты указывают и некоторые другие исследователи [9].

Еще одной характерной особенностью личности указанной категории лиц является повторность их правонарушающего поведения, которая четко прослеживается в процессе привлечения их ранее к административной и уголовной ответственности. Так, большая часть таких лиц ранее привлекалась к административной ответственности за различные правонарушения, помимо мелкого хищения, совершение которого выступает преюдицией для уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ (72,5 %).

Подавляющую часть из них, тем не менее, составляют мелкие хищения (63,0 %), срок привлечения к административному наказанию за которые уже истек, мелкое хулиганство (14,7 %), потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах (11,9 %), появление в общественных местах в состоянии опьянения (9,2 %), административные правонарушения в сфере дорожного движения (4,3 %) и другие. Отдельные лица имеют судимость за ранее совершенные преступления, как правило, хищения — кражи (14,3 %), мошенничества (13,7 %), грабежи, разбои (7,5 %).

В целом, эти показатели сопоставимы и для других категорий преступников, привлекаемых к уголовной ответственности за различные виды хищения. В частности, 60,4 % осужденных за кражи, грабежи, разбои, мошенничества, присвоения и растраты, ранее привлекались к административной ответственности (в большинстве случаев, за мелкие хищения). Рецидив среди указанных лиц составляет 47,1 %, при этом, как правило (в 83,4 %), ранее указанные лица совершали также хищения. При этом рецидив наиболее высок среди лиц, ранее совершавших кражи.

Все это демонстрирует наличие значительных деформаций личности, привычность для таких лиц правонарушающего поведения, устойчивость корыстной мотивации, что влечет повторность (часто — многократность) хищений как мелких, так и тех, стоимость предмета которых превышает 2,5 тыс. р.

Между тем, как уже отмечалось, характер преступного поведения лиц изучаемой категории наиболее часто имеет все-таки ситуативный характер, при ведущей корыстной мотивации, они, как правило, специально ситуацию совершения преступления не создают, но ищут ее, или при возникновении определенных объективных обстоятельств, используют их для совершения хищения.

Такой тип личности часто социально дезинтегрирован, его поведение, как правило, не одобряется другими членами, он редко соблюдает установленные правила поведения в обществе, что вносит значительные сложности в раннюю профилактику его противоправного поведения.

В целом же следует отметить неблагоприятные тенденции в динамике характеристики личности лиц, совершающих мелкие хищения. По некоторым параметрам

трам они совпадают с характеристиками корыстного преступника в целом, но по ряду признаков имеют количественные или качественные различия. И прежде всего лица, привлекаемые к уголовной ответственности по данной статье, демонстрируют неэффективность профилактики корыстной преступности, поскольку в любом случае их преступное поведение является устойчивым, с четко прослеживающейся направленностью, имеющей корыстный характер.

Учет приведенных характеристик позволит скорректировать систему предупредительных мер, предотвратить совершение не только мелких, но и других видов хищений, воздействовать как на уже имеющиеся деформации личности, так и работать с формированием личности, особенно в несовершеннолетнем возрасте.

Список использованной литературы

1. Прохорцев И.А. Деликтологическая характеристика лиц, совершающих мелкие хищения / И.А. Прохорцев. — EDN NULGOF // Административное право и процесс. — 2011. — № 5. — С. 50–53.
2. Старовойт С.А. Деликтологическая характеристика мелкого хищения и личности правонарушителя / С.А. Старовойт. — EDN SAHRBL // Право.by. — 2014. — № 2(28). — С. 70–76.
3. Туркин М.М. Административная ответственность за мелкое хищение чужого имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. : наук. : 12.00.14 / М.М. Туркин. — Москва, 2011. — 24 с.
4. Аблязова Е.Б. Мелкое хищение: криминологическая характеристика личности преступника / Е.Б. Аблязова, И.И. Сухова. — DOI 10.29039/2312-7937-2023-1-134-138. — EDN UMKPSD // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел России — 2023. — № 1 (65). — С. 134–138.
5. Белицкая С. Что такое шоплифтинг? / С. Белицкая // journal@tinkoff.ru. URL: <https://journal.tinkoff.ru/shoplifting/>.
6. Rachel S. The Steal: A Cultural History of Shoplifting. The Penguin Press / S. Rachel. — New York : Penguin Press, 2011. — 250 p.
7. Segrave K. Shoplifting: a Social History / K. Segrave. — Jefferson : McFarland, 2001. — 182 p.
8. Баженов М.А. К вопросу о криминологической характеристике личности корыстного преступника / М.А. Баженов, С.С. Медведев, М.Д. Фалько. — EDN PKQQDS // Эпомен. — 2021. — № 57. — С. 88–93.
9. Музафаров И.А. О причинах совершения мелкого хищения и учете характеристик личности / И.А. Музафаров. — DOI 10.24411/2073-3313-2018-10193. — EDN YAMBHV // Закон и право. — 2018. — № 10. — С. 108–111.
10. Лебедь А.Л. Социально-демографическая характеристика лиц, совершивших кражи из магазинов (на материалах Санкт-Петербурга) / А.Л. Лебедь. — DOI 10.24420/KUI.2019.55.54.003. — EDN NGHSB // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. — № 2(36). — С. 143–149.

References

1. Prokhortsev I.A. The Delectological Characteristics of Petty Theft and the Identity of the Offender. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2011, no. 5, pp. 50–53. (In Russian). EDN: NULGOF.
2. Starovoit S.A. Деликтологическая характеристика мелкого хищения и личности правонарушителя. *Pravo.by*, 2014, no. 2, pp. 70–76. (In Russian). EDN: SAHRBL.
3. Turkin M.M. *Administrative Liability for Petty Theft of Other People's Property. Cand. Diss. Thesis*, 2011. 24 p.
4. Abliyazova E.B. Sukhova I.I. Petty Theft: Criminological Characteristics of the Identity of the Criminal. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Vestnik «All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2023, no. 1, pp. 134–138. (In Russian). EDN: UMKPSD. DOI: 10.29039/2312-7937-2023-1-134-138.
5. Belitskaya S. What Is Shoplifting? *Journal@tinkoff.ru*. Available at: <https://journal.tinkoff.ru/shoplifting/>. (In Russian).

6. Rachel S. *The Steal: A Cultural History of Shoplifting*. The Penguin Press. New York, Penguin Press, 2011. 250 p.

7. Segrave K. *Shoplifting: a Social History*. Jefferson, McFarland, 2001. 182 p.

8. Bazhenov M.A., Medvedev S.S., Fal'ko M.D. On The Question of the Criminological Characteristics of the Personality of a Self-Serving Criminal. *Ehpomen*, 2021, no. 57, pp. 88–93. (In Russian). EDN: PKQQDS.

9. Muzafarov I.A. About the Reasons For Committing Petty Theft and Accounting For Personality Characteristics. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2018, no. 10, pp. 108–111. (In Russian). EDN: YAMBHV. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10193.

10. Lebed' A.L. Socio-Demographic Characteristics of Persons Committed Shoplifting (Based on Materials From St. Petersburg). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2019, no. 2, pp. 143–149. (In Russian). EDN: NGGHSB. DOI: 10.24420/KUI.2019.55.54.003.

Информация об авторах

Репецкая Анна Леонидовна — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом криминологических исследований, Институт правовых исследований, Байкальский государственный университет; профессор кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, repetsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4796-3969>, SPIN-код: 7010-8037, Scopus Athor ID: 35230848600, ResearcherID: Q-5459-2016.

Смирнова Ксения Васильевна — преподаватель, кафедра административного права и административной деятельности ОВД, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, oksun4ik-87@mail.ru, SPIN-код: 7770-4150, AuthorID РИНЦ: 832193.

Authors

Anna L. Repetskaya — Honored Lawyer of the Russian Federation, D.Sc. in Law, Professor, Head, Department of Criminological Research, Institute of Legal Research, Baikal State University; Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, repetsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4796-3969>, SPIN-Code: 7010-8037, Scopus Athor ID: 35230848600, ResearcherID: Q-5459-2016.

Ksenia V. Smirnova — Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, oksun4ik-87@mail.ru, SPIN-Code: 7770-4150, AuthorID RSCI: 832193.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Репецкая А.Л. Криминологическая характеристика лиц, совершающих мелкие хищения (ст. 158.1 УК РФ) / А.Л. Репецкая, К.В. Смирнова. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1608-1615. — EDN XTLCRD // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1608–1615.

For Citation

Repetskaya A.L., Smirnova K.V. Criminological Characteristics of Persons Who Commit Minor Thefts (Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1608–1615. (In Russian). EDN: XTLCRD. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1608-1615.

Научная статья

УДК 343.985.1

EDN XKLIRD

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1616-1625

И.В. Тишутина¹, И.П. Можаяева²¹ *Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация*² *Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*Автор, ответственный за переписку: И.П. Можаяева, mirina-crim@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуются научные подходы к понятию «криминалистическая деятельность», акцентируется внимание на целесообразности анализа криминалистической деятельности в техническом, тактическом и стратегическом аспектах, в том числе для соответствующей дифференциации задач этой деятельности; утверждается, что четкое определение интегральной задачи криминалистической деятельности лежит в основе ее эффективной алгоритмизации, программирования, информационного и технологического обеспечения. Приводится авторский взгляд на структуру и содержание криминалистической деятельности. Обращается внимание на то, что организация криминалистической деятельности является важной составляющей эффективного осуществления таковой. Дается понятие организации криминалистической деятельности, ее сущности, характеризуются уровни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминалистическая деятельность, организация, расследование преступлений, экспертно-криминалистическая деятельность, судебно-экспертная деятельность, организационные основы.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 24 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

I.V. Tishutina¹, I.P. Mozhaeva²¹ *Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation*² *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*Corresponding author: I.P. Mozhaeva, mirina-crim@yandex.ru

ORGANIZATION OF FORENSIC ACTIVITY: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

ABSTRACT. The article describes scientific approaches to the concept of «forensic activity», focuses on the expediency of analysis of forensic activity in technical, tactical and strategic aspects including the appropriate differentiation of the objectives of these activities, it is argued that a clear definition of the integral task of forensic activities is the basis of its effective algorithmization, programming, information and technological support. The author's view on the structure and content of forensic activities is provided. Attention to the fact that the organization of forensic activities is an important component of its effective implementation is drawn. The concept of organization of criminal activity, its essence is given, levels are characterized.

KEYWORDS. Forensic activity, organization, crime investigation, forensic activity, forensic activity, organizational foundations.

© Тишутина И.В., Можаяева И.П., 2023

ARTICLE INFO. Received November 24, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Со всеобщим ускорением жизни, наблюдаемым в различных ее сферах, актуализировались вопросы повышения эффективности всех видов деятельности за счет использования возможностей, предоставляемых новыми технологиями. При этом в правоохранительной сфере следует отметить довольно консервативный подход в этом отношении и крайне медленную адаптацию к современным реалиям. Несмотря на усилия по развитию электронного судопроизводства, внедрение некоторых современных технических и тактических инструментов в процесс раскрытия и расследования преступлений, ситуация далека от желаемой. Бесспорно, деятельность по раскрытию и расследованию преступлений является одним из важнейших направлений в правоохранительной сфере, а значит, от того, насколько эффективно организовано ее осуществление, в том числе в контексте внедрения новых технологий и методического обеспечения их использования, во многом зависят качественные показатели развития всей сферы.

Всесторонне аспекты внедрения и использования достижений научно-технического прогресса в деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью предметно изучаются в рамках криминалистики, а точнее — криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, охватывающего проблемы организации и правового регулирования освоения достижений науки и техники, методического обеспечения их применения в уголовном процессе [1, с. 151]. Нами поддерживается подход к понятию и содержанию криминалистического обеспечения расследования преступлений довольно основательно и убедительно обоснованный А.Ф. Волынским, понимающим его как комплексную по своему содержанию деятельность по формированию условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений [2, с. 21]. Неоспорима при этом и его инновационность, которая, между тем, должна быть управляемой и специально организуемой [3, с. 265–266].

В этой связи представляется важным обратить внимание на организацию криминалистической деятельности. В последнее десятилетие в науке обсуждается много вопросов, посвященных проблемам криминалистической деятельности в целом и ее составляющей — экспертно-криминалистической деятельности. Прежде всего, следует отметить, что в научно-криминалистической литературе не так часто фигурирует термин «криминалистическая деятельность», как правило, авторы научных трудов оперируют понятиями «раскрытие», «расследование» в отношении отдельных видов или групп преступлений, и «борьба» с преступностью. По сути, впервые термин «криминалистическая деятельность» использовал в научном обороте Р.Г. Домбровский, обосновав его употребление тем, что «понятием «криминалистика» обозначается не только область знания, но и определенная практическая деятельность, а значит логично именовать ее криминалистической деятельностью» [4, с.118; 5]. При этом Р.С. Белкин и в тот период времени и впоследствии неоднократно отмечал свое негативное отношение к данному подходу, настаивая на том, что «нет и не может быть никакой криминалистической деятельности в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой» [6, с. 32–35; 7, с. 237]. Некоторые авторы тем не менее, задавались вопросом о том, почему «признание криминалистики самостоятельной наукой... не влечет за собой следующий необходимый логический шаг — признание того, что среди разнообразных видов человеческой деятельности есть один вид, который этой наукой изучается, формируется

и совершенствуется, который является частью ее предмета, — криминалистическая деятельность» [8, с. 63].

Криминалистическая деятельность как объект познания характеризуется Н.П. Яблоковым, в частности при изложении ее методов [9, с. 38–39]. Более детально раскрывает содержание и сущность криминалистической деятельности Е.П. Ищенко, активно используя данный термин в своем курсе лекций, характеризуя ее как антипод преступной деятельности, противоположность, включающую такие виды, как деятельность по предварительному расследованию преступлений, экспертно-криминалистическую, оперативно-розыскную, профилактическую и научно-педагогическую виды деятельности. Обращая внимание на сложность криминалистической деятельности ввиду системности решаемых задач, автор характеризует ее структуру, методы, свойственные ей закономерности, отмечая, что ее ядром является деятельность по предварительному расследованию преступлений [10, с. 4–6]. Ряд авторов делают серьезный акцент на необходимости криминалистического обеспечения правосудия и реализацию криминалистической деятельности, направленной на достижение задач уголовного судопроизводства в целом [11, с. 504].

Базируясь на высказываемых в научной литературе предложениях по содержанию криминалистической деятельности, С.И. Коновалов систематизировал разные в этом отношении подходы в соответствующие группы: раскрытие и расследование преступлений, экспертно-криминалистическая деятельность, профилактическая, оперативно-розыскная и научно-педагогическая (Н.П. Яблоков), розыскная работа следователя и следственная деятельность (И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов), поисковая и розыскная деятельность следователя (А.Ф. Волынский), розыскная работа следователя, следственная деятельность как система следственных действий и экспертно-криминалистическая деятельность (С.И. Коновалов) [12, с. 154–176].

В этой связи представляет интерес позиция В.Я. Колдина, обращавшего внимание на то, что криминалистическая деятельность не рассматривалась как системный объект криминалистической науки, отмечая, что даже в фундаментальном издании учебника под редакцией Р.С. Белкина категория криминалистической и криминальной деятельности не рассматриваются ни в числе объектов криминалистики, ни в числе ее категорий. Это относится также к новейшим методологическим инструментам ее исследования, в числе которых системный, деятельностный и функциональный подходы [13, с. 15]. Кроме того, в практическом аспекте им акцентировалось внимание на необходимости анализа уровневой организации криминалистической деятельности: технического, тактического, стратегического, предполагающих решение в рамках единой общей задачи раскрытия и расследования преступления, и таких специфических задач, которые характерны именно для них. Сегодня же, техника, тактика и методика не рассматриваются в учебной литературе как уровни криминалистической деятельности, а только как разделы науки. Закономерным в этой связи видится вывод В.Я. Колдина о том, что существенно различать систему науки, теорию, искусственно выделяющую в интересах удобства их изучения разделы техники, тактики и методики, с одной стороны, и уровни криминалистической деятельности, в которой технические, тактические и стратегические задачи реализуются в органическом синтезе и единстве целостной единой направленной деятельности. Соответственно, нельзя не согласиться с тем, что в соответствии с принципами системно-деятельностного подхода, представляющими аксиомы любой деятельности, формирование ее структуры должно начинаться с определения интегральной задачи, конечной цели. Без определения такой цели невозможны ее алгоритмизация, программирование, информационное и технологическое обеспечение [13, с. 16].

На закономерность научно-практического применения термина «криминалистическая деятельность» справедливо обратил внимание А.Ф. Волынский, обосновав это дифференциацией криминалистических знаний, в результате которой оперативно-розыскная и судебно-экспертная виды деятельности обрели «самостоятельное существование». При этом различия между пониманием «криминалистической» и «экспертно-криминалистической» деятельности исключительно формально-терминологические [14, с. 23]. Уже в начале XXI в. развернулись дискуссии о соотношении этих понятий между собой и с «судебно-экспертной» деятельностью, а также об их роли в совершенствовании деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Представляется, что, проводя между ними различия по связи с родами и видами экспертиз [15, с. 226], некоторые авторы не учитывали содержательную сторону данных понятий.

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, под деятельностью понимается «работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области» [16, с. 702]. Так, можно говорить о врачебной, общественной, научной и педагогической деятельности [там же; 17, с. 139]. При этом обобщенное понимание термина «деятельность» в словарях отсутствует, она четко дифференцируется в зависимости от области, в которой реализуется.

Под криминалистической деятельностью представляется возможным понимать специфический по форме вид человеческой деятельности, определяемый правовыми предписаниями, содержание которого составляют раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [18, с. 22].

По нашему убеждению, с учетом мнений и подходов, обосновываемых авторами исследуемого вопроса, необходимо отметить, что главными критериями, дающими основание рассматривать ту или иную деятельность как криминалистическую, по нашему мнению, выступают: направленность на решение задач раскрытия и расследования преступлений и реализация при этом соответствующих криминалистических методов и средств. Соответственно, в таком случае структуру криминалистической деятельности составляют:

- деятельность следователя, использующего такие средства и методы, как с привлечением специалиста, так и самостоятельно;
- экспертно-криминалистическая деятельность (ЭКД), ориентированная на собирание и предварительное исследование следов, их проверку по учетам, и создающая тем самым, в том числе и основу последующих экспертных исследований;
- судебно-экспертная деятельность (СЭД), предполагающая исключительно экспертное исследование интересующих следствие объектов [15, с. 226].

Поскольку термин «криминалистическая деятельность» наряду с некоторыми иными в криминалистике, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в широком и в узком смысле, то отметим, что перечисленные направления деятельности формируют ядро криминалистической деятельности, отражая ее понимание в «узком смысле». В то же время очевидно, что и в рамках деятельности оперативно-розыскных аппаратов, и суда не исключается возможность использования криминалистических средств и методов, что, тем не менее не дает оснований вести речь о полном поглощении их деятельности криминалистической деятельностью, а значит и об изменении ее сущности. Видится целесообразным в таком случае вести речь о более широком понимании криминалистической деятельности.

Система криминалистической деятельности по разделяемому нами подходу профессора А.Ф. Волынского, рассматривается как двухуровневая, где первый уровень включает создание новых и совершенствование имеющихся криминалистических методов, средств и рекомендаций, их внедрение в практику раскрытия и расследования преступлений, организационное и правовое обеспечение; а

второй — повседневную практику реализации возможностей криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений [9, с. 69]. При этом содержание данных уровней соотносится как криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и ее криминалистическое сопровождение. Не переходя на характеристику научных подходов к понятию и содержанию данных категорий, отметим лишь, что, составляя суть криминалистической деятельности как целого, они фактически сталкиваются с организационными и правовыми проблемами.

Принципиальное значение с точки зрения эффективности осуществления любого вида деятельности имеют вопросы организации ее осуществления. Одно из первых определений понятия организации расследования преступлений было сформулировано А.М. Лариным, который отмечал, что «это рациональный выбор, расстановка и приложение сил, орудий и средств, которыми располагает следователь, создание и использование оптимальных условий для достижения целей судопроизводства» [19, с. 59]. Представляется, что такой подход, отражая основные черты организации криминалистической деятельности, тем не менее не охватывает всех ее признаков. Впоследствии авторы, занимавшиеся изучением этой проблематики, предпринимали попытки объединить в определениях основные, характеризующие организацию признаки. Нами под организацией расследования преступлений предлагается понимать научно обоснованную деятельность, осуществляемую уполномоченными субъектами, направленную на упорядочение действий по раскрытию, расследованию преступлений и обеспечение его эффективности путем создания условий постоянной готовности к применению достижений в различных отраслях научных знаний и практики их реализации в сфере уголовного судопроизводства. Соответственно, организационные основы криминалистической деятельности, представляют собой комплекс теоретических положений, методов, средств и научных рекомендаций, носящих организационно-управленческий характер и обеспечивающих оптимальные условия для законного и эффективного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [18, с. 36].

Характеризуя криминалистическую сущность организации криминалистической деятельности, следует иметь в виду принципиально важные, ключевые ее особенности. Прежде всего, то, что она представляет собой упорядоченную совокупность устойчивых взаимообусловленных элементов (субъект, объект, средства, цель, результат), системная взаимосвязь которых реализуется на различных уровнях такой деятельности: от организации тактического приема в рамках отдельного следственного действия до организации расследования преступлений определенной категории. Учитывая обозначенный выше подход к структуре криминалистической деятельности, в качестве ее субъектов могут выступать как субъект предварительного расследования (следователь, дознаватель, руководитель органа расследования преступлений, принявший к своему производству уголовное дело), так и участники уголовного процесса, обладающие специальными знаниями (специалист, эксперт). При этом организацию такой деятельности на стратегическом уровне в силу осуществления руководства всем процессом расследования, призван реализовывать исключительно субъект расследования. На тактическом же уровне, в части применения криминалистических средств и методов в рамках производства отдельных следственных действий, упорядочение и повышение эффективности собственной индивидуальной деятельности, которая обеспечивается и контролируется непосредственно самим сотрудником на основе научно обоснованных положений и рекомендаций организационного характера — реализуют непосредственно специалист и эксперт. По большому счету криминалистическая сущность организации заключается в том, что это деятельность по

созданию условий постоянной готовности к применению рекомендаций по использованию системы организационно-технических, организационно-тактических, организационно-методических и иных приемов, методов и средств и практики их реализации в сфере уголовного судопроизводства [20, с. 54–55].

Повышение эффективности организации криминалистической деятельности (включающей и экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную) важно рассматривать в единстве всех ее составляющих, поскольку достижение конечной общей цели — эффективности раскрытия и расследования преступлений, базируется на совокупном результативном решении их задач. На каждом из этих направлений криминалистической деятельности могут использоваться возможности одних и тех же научно-технических средств, но в различных организационно-правовых формах, обусловленных особенностями задач, решаемых в целях, прежде всего, установления факта преступления и лица, подозреваемого в его совершении, а затем только — доказывания обстоятельств преступления и виновности лица, подозреваемого в его совершении.

Предметом организации является именно деятельность, в рассматриваемом контексте — криминалистическая. И процесс совершенствования деятельности носит непрерывный характер. В основу определения предмета организации криминалистической деятельности ложатся закономерности реализации различных направлений ее осуществления, начиная от научной организации труда следователя, предполагающие выдвижение версий и планирование; взаимодействие следователя с другими органами и с общественностью; розыскную работу следователя; предупреждение преступлений и др.

При осуществлении организации любого вида деятельности, а особенно криминалистической, поскольку она имеет связь с ограничением прав и свобод граждан, важным является определение ее задач и методов. Общей или стратегической задачей организации криминалистической деятельности выступает повышение эффективности такой деятельности, основанное на разумном сочетании затрат времени, сил и средств в целях обеспечения быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений.

В развитии данной задачи представляется возможным обозначить ряд специальных или тактических задач. В качестве таковых рассматриваются:

- постоянное совершенствование, модернизация организационных форм деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, в том числе с акцентом на использование современных достижений научно-технического прогресса;
- обновление в контексте оптимального решения задач расследования и на основе новых информационных технологий, рекомендаций научной организации труда следователя;
- внедрение современных моделей взаимодействия участников криминалистической деятельности;
- разработка и оптимизация алгоритмов розыскной деятельности следователя.

Организация криминалистической деятельности практически полностью может адаптировать в своем ключе методы криминалистики, в то же время, вследствие специфики и более предметной детализации ее задач, представляется возможным конкретизировать эти методы и предложить их дифференциацию на общие и специальные.

При этом к общим, на наш взгляд, следует относить методы организации криминалистической деятельности в целом, на стратегическом уровне и не в связи с конкретной ситуацией расследования, категорией преступления, его характером и другими особенностями уголовного дела. Специальные же методы ориентирова-

ны на решение тактических задач организации криминалистической деятельности, в частности, они характеризуются спецификой реализации в рамках отдельной ситуации расследования единичного преступления или группы, в том числе и конфликтной, спецификой уголовного дела и т.д.

Сегодня ключевым условием повышения эффективности многих видов деятельности, в том числе и организации криминалистической деятельности, является внедрение и использование информационных технологий. В этой связи следует иметь в виду два направления:

- наличие современных научно-обоснованных технологий и алгоритмов их внедрения в практику;

- организация профессиональной подготовки сотрудников, повышения квалификации с целью обучения использованию возможностей таких технологий и оборудования в рамках выполнения профессиональных обязанностей и решения повседневных задач расследования.

Одним из процессуально значимых элементов криминалистической деятельности, обеспечивающих ее эффективность, являются специальные знания. По сути, они во многом определяют ее содержание, поскольку практически воспринимаются в органическом единстве всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. В настоящее время следует признать особое значение использования специальных знаний вследствие стремительного развития техники и технологий и активно возрастающих потребностей практики в их использовании в криминалистической деятельности.

Рассматривая организацию раскрытия и расследования преступлений как единое целое, следует дифференцировать в качестве относительно автономных ее частей (прежде всего по специфике реализуемых методов и средств), организацию наряду с криминалистической, таких видов деятельности, как процессуальная и оперативно-розыскная. Несмотря на наличие единой цели, все эти виды деятельности специфичны по своему содержанию и организационному обеспечению. Для них характерна иерархическая, разноаспектная и многоуровневая система организации соответствующих органов, организаций и подразделений.

Таким образом, приходится констатировать, что организация криминалистической деятельности является одним из определяющих условий ее эффективности. От уровня восприятия и адаптации для ее нужд возможностей современных информационно-компьютерных технологий во многом зависит ее результативность. При этом как научная разработка, так и практическая реализация актуальных предложений в данном отношении, предполагает соответствующее правовое обеспечение, организационное сопровождение, обучение субъектов расследования.

Список использованной литературы

1. Тишутина И.В. Научно-техническая политика в сфере правоохранительной деятельности: правовые и терминологические подходы / И.В. Тишутина, Ю.Л. Дяблова // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. статей. В 2-х ч. — Москва, 2023. Ч.1. — С. 150–158.
2. Волинский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. — Москва: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. — 196 с.
3. Волинский А.Ф. Криминалистика и криминалистическая деятельность / А.Ф. Волинский. — Москва: Юнити-Дана, 2019. — 426 с.
4. Домбровский Р.Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения / Р.Г. Домбровский // Ученые записки Латвийского государственного университета. — 1973. — Т. 1888. — С. 118.

5. Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.Г. Домбровский. — Ленинград, 1974. — 22 с.
6. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. В 3 т. / Р.С. Белкин. — Москва, 1977. — Т. 1. — 340 с.
7. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. — Москва: Норма, 2001. — 240 с.
8. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности / Л.Д. Самыгин. — Москва: Изд-во МГУ, 1989. — 182 с.
9. Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник / Н.П. Яблоков. — Москва : ЛексЭСТ, 2003. — 376 с.
10. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций / Е.П. Ищенко. — Москва: Контракт, 2008. — 411 с.
11. Мишин А.В. Особенности криминалистической деятельности в судебном производстве по уголовным делам / А.В. Мишин. — EDN ZHBJXJ // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 159, № 2. — С. 504–511.
12. Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики / С.И. Коновалов. — Ростов-на-Дону, 2001. — 207 с.
13. Колдин В.Я. Актуальные проблемы методологии криминалистики и судебной экспертизы / В.Я. Колдин. — EDN QZWCEF // Теория и практика судебной экспертизы. — 2011. — № 1 (21). — С. 12–19.
14. Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства / А.Ф. Волынский // Юрист-правовед. — 2022. — № 4. — С. 22–28.
15. Тишутина И.В. Использование современных технологий в криминалистической деятельности: проблемы и перспективы / И.В. Тишутина // Современное состояние криминалистики и пути совершенствования: теория и практика : сб. науч. тр. — Краснодар, 2023. — С. 224–232.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. — Москва : Советская энциклопедия, 1935. — Т. 1. — 1562 стб.
17. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. — Москва, 1953. — 848 с.
18. Можаяева И.П. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений / И.П. Можаяева, В.В. Степанов. — Москва : Юрлитинформ, 2007. — 152 с.
19. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация / А.М. Ларин. — Москва : Юридическая литература, 1970. — 223 с.
20. Можаяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: монография / И.П. Можаяева. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 352 с.

References

1. Tishutina I.V., Dyablova Yu.L. Scientific and Technical Policy in the Field of Law Enforcement: Legal and Terminological Approaches. *State Scientific and Technical Policy in the Sphere of Forensic Support for Law Enforcement. Collected Papers*. Moscow, 2023, Pt. 1. pp. 150–158. (In Russian).
2. Volynskii A.F. *Criminalistic Support of the Crime's Detection and Investigation*. Moscow, V.Ya. Kikotya Moscow State University Publ., 2016. 196 p.
3. Volynskii A.F. *Criminalistics and Forensic Activities*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2019. 426 p.
4. Dombrovskii R.G. Forensic Activities and Forensic Relations. *Uchenye zapiski Latvisskogo gosudarstvennogo universiteta = Academic notes of the Latvian State University*, 1973. Vol. 1888. pp. 118.
5. Dombrovskii R.G. *Subject of Criminalistics. Cand. Diss. Thesis*. Leningrad, 1974. 22 p.
6. Belkin R.S. *Course of Soviet Criminalistics*. Moscow, Akademiya MVD SSSR Publ., 1977. Vol. 1. 340 p.
7. Belkin R.S. *Criminalistics: Current Problems*. Moscow, Norma Publ., 2001. 240 p.
8. Samygin L.D. *Crime Investigation as a System of Activities*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1989. 182 p.

9. Yablokov N.P. *Criminalistics*. Moscow, LekSEHST Publ., 2003. 376 p.
10. Ishchenko E.P. *Criminalistics*. Moscow, Kontrakt Publ., 2008. 411 p.
11. Mishin A.V. Features of Forensic Activity in Criminal Proceedings. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2017, vol. 159, no. 2, pp. 504–511. (In Russian). EDN: ZHBXJXJ.
12. Konovalov S.I. *Theoretical and Methodological Problems of Forensic Science*. Rostov-on-Don, 2001. 207 p.
13. Koldin V.Ya. Pressing Issues of Methodology of Criminalistics and Forensic Science. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Investigation*, 2011, no. 1, pp. 12–19. (In Russian). EDN: QZWCEF.
14. Volynskii A.F. Forensic Activity in the System of Scientific and Technical Support of Criminal Proceedings. *Yurist-pravoved = Lawyer-jurist*, 2022, no. 4, pp. 22–28. (In Russian).
15. Tishutina I.V. The Use of Modern Technologies in Forensic Activity: Challenges and Prospects. *Current State of Forensic Science and Ways of Improving: Theory and Practice. Collected Papers*. Krasnodar, 2023, pp. 224–232. (In Russian).
16. Ushakov D.N. (ed.). *Explanatory Dictionary of Russian language*. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya Publ., 1935. Vol. 1. — 1562 col.
17. Ozhegov S.I. (ed.). *Dictionary of the Russian Language*. Moscow, 1953. 848 p.
18. Mozhaeva I.P., Stepanov V.V. *Organizational Framework for the Investigator's Work in Detecting, Investigating and Preventing Crime*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 152 p.
19. Larin A.M. *Investigation of a Criminal Case. Planning, Organization*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1970. 223 p.
20. Mozhaeva I.P. *Forensic Doctrine on Crime Investigation: Formation and Prospects*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 352 p.

Информация об авторах

Тишутина Инна Валерьевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, inna_tishutina@mail.ru, SPIN-код: 7584-1522, AuthorID РИНЦ: 451785.

Можаяева Ирина Павловна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, mirina-crim@yandex.ru, SPIN-код: 6905-8068, AuthorID РИНЦ: 386780.

Authors

Inna V. Tishutina — D.Sc. in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation, inna_tishutina@mail.ru, SPIN-Code: 7584-1522, AuthorID RSCI: 451785.

Irina P. Mozhaeva — D.Sc. in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Activities of Internal Affairs Bodies, Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, mirina-crim@yandex.ru, SPIN-Code: 6905-8068, AuthorID RSCI: 386780.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Тишутина И.В. Организация криминалистической деятельности: вопросы теории и практики / И.В. Тишутина, И.П. Можяева. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1616-1625. — EDN XKLIRD // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1616–1625.

For Citation

Tishutina I.V., Mozhaeva I.P. Organization of Forensic Activity: Issues of Theory and Practice. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1616–1625. (In Russian). EDN: XKLIRD. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1616-1625.

Научная статья

УДК 34.343

EDN XOZUUW

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1626-1634

А.И. Натура¹, Д.А. Натура²¹ *Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация*² *Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар, Российская Федерация*Автор, ответственные за переписку: Д.А. Натура, zida@inbox.ru

КРИМИНАЛИСТИКА: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ЕЕ ПРИРОДА

АННОТАЦИЯ. Ключевую роль в развитии фундаментальных и прикладных наук на современном этапе научно-технического прогресса играют различного характера процессы интеграции и дифференциации научного знания, в том числе, увеличения, расширения и углубления, в частности, академических наук. При этом изучаются новые тенденции в развитии и пересматриваются традиционные, давно устоявшиеся представления о их месте и роли в системе научных отраслей знания. Сегодня явно прослеживается ситуация, при которой стремление пересмотреть, исправить, разработать что-то новое (иное) стало весьма распространенным явлением. Одной из таких наук является криминалистика. Научные представления о ее предмете несколько раз изменялись с момента ее зарождения. Целью данного исследования является выявление наиболее распространенных представлений о природе и характере этой науки; установление изменений в содержании и мотивов пересмотра ее ключевых положений. Источником таких данных явились результаты исследования наиболее известных ученых-криминалистов середины и конца прошлого века, а также отдельные фундаментальные работы авторских коллективов последних лет издания. В ходе проведенного исследования определены четыре научных концепции о предмете криминалистики, дана краткая их характеристика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Научное знание, юридическая природа, правовой характер, прикладная отрасль знания, научная концепция решения, единый сплав знаний, синтетическая природа криминалистики.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 04 октября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

A.I. Natura¹, D.A. Natura²¹ *Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation*² *Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation*Corresponding author: D.A. Natura, zida@inbox.ru

CRIMINALISTICS: THE PLACE IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ITS NATURE

ABSTRACT. The key role in the development of fundamental and applied sciences at the present stage of scientific and technological progress is played by various processes of integration and differentiation of scientific knowledge, including the increase, expansion and deepening, in particular, of academic sciences. At the same time, new trends in development are being studied and traditional, long-established

© Натура А.И., Натура Д.А., 2023

ideas about their place and role in the system of scientific branches of knowledge are being reconsidered. Today, there is clearly a situation in which the desire to revise, correct, develop something new (different) has become a very common phenomenon. One of these sciences is criminalistics. Scientific ideas about its subject have changed several times since its inception. The purpose of this study is to identify the most common ideas about the nature and character of the science; establish changes in the content and motives for reconsidering its key provisions. The source of the data were the results of a study of the most famous forensic scientists of the middle and end of the last century, as well as some fundamental works of the author's teams of the last years of the publication. In the course of the study, four scientific concepts on the subject of criminalistics were identified, a brief description of them was given.

KEYWORDS. Scientific knowledge, legal nature, legal character, applied branch of knowledge, scientific concept of solution, unified fusion of knowledge, synthetic nature of criminalistics.

ARTICLE INFO. Received October 04, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Известно, что *наука* — это исторически сложившаяся и непрерывно развивающаяся система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления и о способах планомерного воздействия на окружающий мир [1, с. 507]. В настоящее время о науке, в данном аспекте, можно говорить не только как о *системе знания*, но и как о *научной деятельности*, которая представляет собой определенный вид (сферу) активного познания окружающего мира в целях реализации объективных, системно-обусловленных и реально значимых знаний о природе, обществе и мышлении.

Базовыми положениями такой деятельности соответствующих субъектов, что очевидно и логично, являются: поиск, обнаружение и системное обновление фактов о закономерностях в развитии природы, общества и мышления; объективное познание неизвестных научных знаний в целях прогнозирования их причинно-следственных связей и зависимостей с последующим «выходом» на формулирование новых закономерностей их существования и развития.

Таким образом, не трудно предположить, что и наука, и научная деятельность, по содержанию входящих в эти категории элементов и обстоятельств, не теряют (не должны терять) *своего базового содержания и качества* в случае их классификации по различным основаниям, к примеру, на науки — *фундаментальные* и науки — *прикладные*.

В данной ситуации необходимо определиться, в принципе, что представляют собой эти научные понятия, в чем их содержание и особенности последствий их практической реализации.

В русском языке — *фундаментальный* понимается как: прочный, крепкий; основной, главный [там же, с. 1141]. Применительно к *научному знанию*, данное понятие возможно толковать, как имеющее систему взаимообусловленных знаний об основных и наиболее важных свойствах окружающей нас действительности на уровне сформулированных и реально действующих закономерностей. Фундаментальная (академическая) наука, как система знаний о базовых свойствах объективной реальности, разрабатывает и концептуально создает теории, способные объяснить наиболее важные и актуальные процессы, протекающие в природе, обществе и мышлении¹.

В свою очередь, термин *прикладной* в словаре русского языка толкуется как такой, который имеет *чисто практическое* значение, применение; тот, который может найти *приложение* на практике (курсив наш. — А.Н., Д.Н.) [там же, с. 784].

¹ Справочник по дисциплинам. URL: <https://wiki.fenix.help/>

В данном случае обращает на себя особое внимание тот факт, что, к примеру, *научное знание* должно иметь «чисто практическое значение», которое, возможно, будет реализовано на практике. Исходя из этого, не сложно понять, что *прикладная наука* представляет собой определенную «организованную» систему взаимосвязанных знаний, использование которых, в основном, направлено на *обеспечение разработки новых и (или) совершенствование имеющихся* приемов, средств и методов разнообразных видов деятельности.

Прикладные исследования стали характерными для середины XX в. В связи с этим, в том числе, произошло деление наук на фундаментальные и прикладные, которые имели свои отличительные черты, к примеру: а) наиболее важной функцией фундаментальной науки, в рассматриваемом аспекте, является — *познание проблем, возникающих в самой науке, и чисто в теоретическом направлении*; прикладные исследования обязательно имеют *практическую составляющую*; б) академические знания применяются в исследованиях с целью *расширения уже существующей базы знаний*; в прикладной (отраслевой) науке исследования *изначально намечаются и проводятся* с целью решения ее актуальных проблем; в) главной задачей фундаментальной науки является *развитие научных знаний и прогнозов* на среднюю и дальнюю перспективу; в прикладных разработках осуществляется поиск решения возникшей актуальной проблемы *в ходе какого-либо открытия или изобретения* и др. [2].

Обращаясь к истокам — периоду становления криминалистики как науки, вспомним Г. Гросса, который в свое время (конец XIX в.) криминалистику считал «*вспомогательной наукой*», на что тогда действительно имелись веские основания. Однако, несмотря на это, он все же писал о том, что криминалистика, хотя и «поставлена как вспомогательная наука для уголовного права», но все равно «... *оставляет за собой право на самостоятельность*» [3, с. 52].

Со временем понимание сути наук «фундаментальных» и наук «прикладных» существенно изменилось в сторону условного их «сближения». Понятие «*прикладная наука*» ученые стали воспринимать не как свидетельство ее вспомогательного характера по отношению к другой науке, а как ее признак, *указывающий на решение практических, прикладных задач*, что способствовало усилению дискуссий по наметившейся проблеме [4, с. 52].

Так, Б.М. Шавер, возражая против отнесения И.Н. Якимовым криминалистики уверенно к прикладным наукам, говорил, что таких наук нет, «...а есть *прикладные дисциплины*, под которыми понимается совокупность знаний, определяющих порядок *практического применения теоретических принципов* (курсив наш. — А.Н., Д.Н.), той или иной науки. Криминалистику никак нельзя отнести к разряду прикладных дисциплин...» [5, с. 75].

В свою очередь, Р.С. Белкин, в одной из последних своих работ, отмечает, что в современных условиях, в частности, стремительного развития науки, техники и компьютерных технологий «...применительно к достаточно развитым наукам точнее говорить о фундаментальных и прикладных *исследованиях — практических приложениях* (курсив наш. — А.Н., Д.Н.) результатов этих исследований (и то и другое в рамках каждой науки)», тем самым поддержал тезис Б.М. Шавера, который получил определенное развитие в работах А.А. Эйсмана, С.П. Митричева, А.В. Дулова, А.И. Винберга [6, с. 45–46].

Цитируемый автор, в данном случае, убежденно полагал, что любая наука, «*служащая прежде всего удовлетворению потребностей практики, ... вынуждена обращаться к фундаментальным для нее же теоретическим разработкам* (курсив наш. — А.Н., Д.Н.). В криминалистике таковыми, например, стали исследования в области ее общей теории» [4, с. 53].

О.В. Челышева, поддерживая данную позицию, считает, что практически невозможно назвать какую-либо науку, которая «на основе *познанных закономерностей*, не давала бы никаких инструментов для *преобразования действительности*» (курсив наш. — А.Н., Д.Н.) и являлась бы абсолютно фундаментальной. В таких науках всегда имеются *базовые теоретические положения (концептуальные разработки)*, которые «призваны дать рекомендации для использования этих закономерностей, *приложения их к определенному виду деятельности*» (курсив наш. — А.Н., Д.Н.) [7, с. 144–147]. Более того, данный автор предлагает, на наш взгляд, и более принципиальное соображение о том, что по рассматриваемому критерию «большинство наук вообще *невозможно категорично* отнести к фундаментальным либо к прикладным», потому что они практически всегда имеют определенный и достаточный *объем теоретических данных*, задача которых заключается в познании явлений, процессов и их закономерностей, а также *в разработке рекомендаций для использования этих закономерностей*, то есть, приложения к определенному виду деятельности [там же].

Однако, несмотря на то, что нами изложено выше, а также то, что в определении криминалистики свое прочное место заняли и давно «прижились» закономерности механизма преступления, закономерности возникновения следов преступления и лиц, их совершивших, а также закономерности собирания, оценки, исследования и использования доказательств [8, с. 7], что, на наш взгляд, является принципиальным обстоятельством для любой академической (фундаментальной) науки, в последнее время о криминалистике, как «*прикладной науке*», стали говорить все чаще.

Так, В.Д. Пристансков дает следующее определение науки криминалистики: «криминалистика — это прикладная юридическая наука, исследующая закономерности совершения криминальной (преступной) деятельности и ее отражения в виде следов в окружающей среде, а также закономерности криминалистической (профессиональной) практической деятельности по раскрытию преступлений и создающая на основе познания указанных закономерностей теоретико-методологические положения, обеспечивающие разработку криминалистического инструментария для своевременного выявления и оптимального расследования преступлений». И далее указанный автор продолжает: «Прикладной характер науки криминалистики проявляется в том, что на основе изучения указанных закономерностей она разрабатывает средства и методы (приемы, способы) расследования преступлений в формате предусмотренного действующим законодательством уголовного преследования» [9, с. 26–27].

Мы поддерживаем данного автора в его последовательности (преемственности) по отношению включения в свое определение криминалистики двух групп закономерностей: преступной деятельности и деятельности соответствующих служб и подразделений органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений.

При этом, отмечаем, что «криминалистической (профессиональной) практической деятельности по раскрытию преступлений...» - не существует, на что указывал Р.С. Белкин: «Нет и не может быть никакой «криминалистической деятельности» в процессе расследования помимо, деятельности процессуальной, оперативно-розыскной и административно-правовой» [10, с. 36, 39]. Мы придерживаемся этого мнения.

И следующее: правильно говоря о криминалистике, как о науке, в которой на основе изучения двух групп закономерностей «разрабатываются средства и методы (приемы, способы) расследования преступлений...», автор формулирует, на наш взгляд, неправильный вывод о том, что криминалистика — «прикладная наука».

В одном из учебников по криминалистике, вышедшем в издательстве Юрилитинформ, встречается аналогичное мнение о существовании «криминалистической деятельности» и о криминалистике, как «прикладной науке» [6, с. 45]. Наше мнение на этот счет мы уже высказали.

И так, на основании выше изложенных научных точек зрения ученых и 20-летнего периода времени «становления» [1, с. 1007] предмета криминалистики и ее самой, как науки и учебной дисциплины, сформулированного Р.С. Белкиным (1967 г., 1987 г.), а также использование главного критерия «фундаментальной науки» — пополнение либо изменение знания о закономерностях функционирования и развития природы и общества» в учебной литературе для студентов юридических вузов и факультетов [11, с. 19; 12, с. 6; 13, с. 12; 14, с. 7; 10, с. 40; 15, с. 26–27], мы придерживаемся суждения о том, что — *криминалистика является академической (фундаментальной) самостоятельной наукой с вытекающими отсюда последствиями: она «не вышла из недр уголовного права и уголовного процесса», что будет верным, пожалуй, только лишь в отношении ее происхождения, а потому — не является «вспомогательной» наукой по отношению к ним; общая и частные теории, фундаментальная область криминалистики в целом обозначены, исследованы и «работают» в процессе становления ее самой, как науки; представление криминалистики по ее характеру в качестве «прикладной науки», а не исключительно по содержанию ее преобразовательной функции, возможно, если только мысленно вернуться к истокам науки и только для того лишь, чтобы проследить ее становление, как науки именно — фундаментальной.*

В современном русском языке *природа* — это сущность, основное свойство чего-нибудь [1, с. 791]. Проблема *природы криминалистики*, как науки и учебной дисциплины, также является базовым и системообразующим для нее обстоятельством. Исследования ученых, достаточно активно начавшиеся в начале 50-х гг. (1952–1955 гг.) в целях определения природы криминалистики, дали весьма определенные и вполне убедительные результаты для того, чтобы о ней говорить, как о науке — *юридической природы* (С.П. Митричев, А.И. Винберг, Г.Б. Карнович, В.Г. Танасевич и др.) [16, с. 101]. О юридической природе криминалистики, имеющей правовой характер, ранее упоминалось и нами [17, с. 19].

Основное содержание и некоторые аргументы обоснования данной позиции ученых тезисно можно представить следующим образом²: 1) ее предмет и объект познания природы, общества и мышления относятся (корреспондируются) со сферой правовых отношений; 2) служебная функция и решение своих общих, специальных и конкретных задач относится к правовому аспекту деятельности государственных органов, правовых процессов на стадии предварительного расследования, а также судебного разбирательства; 3) тактические приемы, методические рекомендации, а также тактические и оперативно-тактические комбинации основаны на законе и подзаконных нормативных актах; 4) исторически криминалистика родилась, а потом — «отпачковалась» от уголовно-процессуальной науки и продолжает «поддерживать» с ней тесную связь; 5) криминалистическая наука тесно связана также с материальным уголовным правом, криминологией, оперативно-розыскной деятельностью, уголовно-исполнительным и административным правом и др.³

Как известно процесс ускоренного развития криминалистики в последнее десятилетие XX в. мотивировал «... анализ и оценку не только количественных изменений в ее содержании, но и *влияния научно-технического прогресса на ее*

² Предмет и объекты криминалистики. URL: <https://studfile.net/preview/9565352>.

³ Там же.

сущность и функции (курсив наш. — А.Н., Д.Н.). Этот анализ заставил усомниться в правовой природе криминалистики» [16, с. 109].

Новый взгляд на природу криминалистики Р. С. Белкин изложил в одной из своих работ в 1996 г., в которой высказал свое мнение о *«синтетической природе криминалистической науки»* [18, с. 5–13], обосновав свою позицию *изложением контраргументов*, опровергающих, на его взгляд, концепцию ее правовой природы, в частности, отметил, что: а) не весь предмет и не все объекты познания криминалистики лежат в сфере правовых явлений; б) нельзя считать криминалистику правовой наукой только лишь потому, что ее служебная функция и решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности и к правовым процессам»; в) не все рекомендации, разрабатываемые в криминалистике для практики, носят правовой характер и основаны на законе; г) нельзя считать связи криминалистики с другими, неправовыми науками «частными и локальными», а право, правовые науки, правоохранительную практику — ее основной «питательной средой»; д) нельзя считать, что криминалистика обладает нормативно-юридической функцией только потому, что некоторые ее рекомендации приняты законодателем и стали нормой закона [16, с. 109–112].

В одном из учебников по криминалистике изложено мнение Е.Р. Россинской (согласованное с мнением остальных его авторов) в поддержку изложенной выше позиции Р.С. Белкина, которые считают, что «современная криминалистика представляет собой *единый сплав знаний*, а не совокупность наук, и является не комплексной наукой..., а наукой *синтетической природы*» (курсив наш. — А.Н., Д.Н.). Здесь же автор отмечает, что «нельзя впадать в другую крайность и отделять криминалистику от юридических наук, поскольку... она неразрывно связана с судопроизводством и с полным основанием может быть причислена *не к правовым, а к юридическим наукам*» (курсив наш. — А.Н., Д.Н.) [19, с. 83–84].

Таким образом, длительный процесс изучения *природы криминалистики* в разный период времени и в разных условиях научно-технического прогресса в нашей стране, позволил сформировать несколько *научных концепций* решения данной проблемы, а именно: 1) криминалистика — техническая или естественно-техническая наука; 2) криминалистика — наука двойственной природы (естественно-техническая и уголовно-правовая); 3) криминалистика — юридическая наука; 4) криминалистика — синтетическая наука.

При этом, как показывает анализ многочисленной учебной литературы, к примеру, в 90-е годы прошлого века и так называемые «нулевые годы» нынешнего столетия криминалистика, чаще всего, считалась чисто юридической наукой.

Таким образом, исходя из всего изложенного выше, а также авторского представления о сути рассматриваемой проблемы, мы считаем, что *криминалистика является самостоятельной фундаментальной наукой синтетической природы с правовым характером решения общих, специальных и конкретных задач уголовного судопроизводства, находящаяся в тесной связи и взаимообусловленности с отдельными юридическими науками, прежде всего — криминального цикла, и изучающая закономерности, являющихся важным и безусловным обстоятельством для данной академической отрасли знания.*

Список использованной литературы

1. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. — Москва : Альта-Принт, 2005. — VIII, 507 с.
2. Комиссаров И. Фундаментальная и прикладная наука: взаимосвязь / И. Комиссаров // Блог Ивана Комиссарова. — URL: <https://inbarabin.ru/fundamentalnaya-i-prikladnaya-nauka-vzaimosvyaz-i-razlichiya>.

3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. — Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1908. — 1040 с.
4. Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX-XXI веков / А.А. Эксархопуло. — Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2004. — 112 с.
5. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики / Б.М. Шавер // Социалистическая законность. — 1938. — № 6. — С. 58–62.
6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. — Москва : Норма : Инфра-М. — 2001. — 237 с.
7. Чельшева О.В. Соотношение фундаментальных и прикладных знаний в криминалистической науке / О.В. Чельшева. — EDN OXREFV // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2012. — № 1 (53). — С. 144–147.
8. Натура А.И. Предмет, объект, задачи, методы и система криминалистики. Ее связь с другими науками и научными дисциплинами / А.И. Натура // Криминалистика. Углубленный курс : учебник / под ред. А.Г. Филиппова. — Москва, 2012. — С. 7.
9. Пристансков В.Д. Понятие и система криминалистики / В.Д. Пристансков // Криминалистика : учебник / под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанкова. — Москва, 2023. — С. 26–27.
10. Криминалистика : учебник / под ред. И.М. Комарова. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 712 с. — EDN VEKXCO.
11. Эксархопуло А.А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях : учеб. пособие / А.А. Эксархопуло. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 488 с.
12. Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2013. — 943 с.
13. Криминалистика : учебник / О.В. Волохова, Н.Н. Егоров, М.В. Жижина [и др.] ; под ред. Е.П. Ищенко. — Москва : Проспект, 2011. — 504 с.
14. Криминалистика. Углубленный курс : учебник / под общ. ред. А.Г. Филиппова. — Москва : Изд-во ДГСК МВД России, 2012. — 592 с. — EDN UNTLSD.
15. Криминалистика : учебник / под ред. Т.С. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанкова. — Москва : Юстиция, 2023. — 712 с.
16. Белкин Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. — 3-е изд., доп. — Москва : Юнити, 2001. — 837 с.
17. Натура А.И. Предмет, задачи, методы и система криминалистики / А.И. Натура // Криминалистика. Полный курс : учебник / под общ. ред. А.Г. Филиппова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва, 2011. — С. 19.
18. Белкин Р.С. О природе криминалистической науки / Р.С. Белкин // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений. Труды Академии. — Москва, 1996. — С. 5–13.
19. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2013. — 928 с.

References

1. Ushakov D.N. *The Great Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow, AltA-Print Publ., 2005. 507 p.
2. Komissarov I. *Fundamental and Applied Science: Interconnection*. Ivan Komissarov's Blog. Available at: <https://inbarabin.ru/fundamentalnaya-i-prikladnaya-nauka-vzaimosvyaz-i-razlichiya>. (In Russian).
3. Gross G. *Guide for Forensic Investigators as a System of Criminology*. Saint Petersburg. N.K. Martynov Publ., 1908. 1040 p.
4. Ehsarkhopulo A.A. *Subject and System of Criminalistics: Development Problems at the Turn of the XX–XXI Centuries*. Saint Petersburg State University Publ., 2004. 112 p.
5. Shaver B.M. Subject Matter and Methods of Soviet Criminalistics. *Sotsialisticheskaya zakonnost = Socialistic Legality*, 1938, no. 6, pp. 58–62. (In Russian).
6. Belkin R.S. *Criminalistics: Current Issues. Urgent Problems of Russian Criminalistics*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2001. 237 p.

7. Chelysheva O.V. Correlation of Fundamental and Applied Knowledge in Criminalistics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2012, no. 1, pp. 144–147. (In Russian). EDN: OXREFV.

8. Natura A.I. Subject, Object, Tasks, Methods and System of Criminalistics. Its Connection with Other Sciences and Scientific Disciplines. In Filippov A.G. (ed.). *Criminalistics. Advanced Course*. Moscow, 2012, pp. 7. (In Russian).

9. Pristanskov V.D. Concept and System of Criminalistics. In Sedova T.A., Kushnirenko S.P., Pristanskov V.D (eds). *Criminology*. Moscow, 2023, pp. 26–27. (In Russian).

10. Komarov I.M. (ed.). *Criminology*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 712 p. EDN: VEK-CXO.

11. Ehksarkhopulo A.A. *Criminalistics in Schemes and Illustrations*. Saint Petersburg, Juridichesky center Press Publ., 2002. 488 p.

12. Volynskii A.F., Lavrov V.P. (eds). *Criminology*. 2nd ed. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2013. 943 p.

13. Volokhova O.V., Egorov N.N., Zhizhina M.V., Ishchenko E.P.; Ishchenko E.P. (ed.). *Criminology*. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 504 p.

14. Filippov A.G. (ed.) *Criminalistics. Advanced Course*. Moscow, Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2012. 592 p.

15. Sedova T.A., Kushnirenko S.P., Pristanskov V.D (eds). *Criminology*. Moscow, Yustitsiya Publ., 2023. 712p.

16. Belkin R.S. *Criminology Course*. 3rd ed. Moscow, Yuniti Publ., 2001. 837 p.

17. Natura A.I. Subject, Tasks, Methods and System of Criminalistics. In Filippov A.G. (ed.). *Criminalistics. Full Cours*. Moscow, 2011, pp. 19. (In Russian).

18. Belkin R.S. *On the Nature of Criminalistics. Actual problems of Criminalistical Support of Crime Investigation. Works of the Academy*. Moscow, 1996, pp. 5–13.

19. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov YU.G., Rossinskaya E.R. *Criminology*. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2013. 928 p.

Информация об авторах

Натура Александр Иванович — кандидат юридических наук, профессор, кафедра криминалистики, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация, alecsnatura@mail.ru, SPIN-код: 3232-0603, AuthorID РИНЦ: 735065.

Натура Денис Александрович — кандидат юридических наук, доцент, кафедра юриспруденции, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар, Российская Федерация, zida@inbox.ru, SPIN-код: 7723-5610, AuthorID РИНЦ: 393181.

Authors

Alexander I. Natura — PhD in Law, Professor, Department of Criminalistics, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation, alecsnatura@mail.ru, SPIN-Code: 3232-0603, AuthorID RSCI: 735065.

Denis A. Natura — PhD in Law, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation, zida@inbox.ru, SPIN-Code: 7723-5610, AuthorID RSCI: 393181.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Натура А.И. Криминалистика: место в системе научного знания и ее природа / А.И. Натура, Д.А. Натура. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1626-1634. — EDN XOZUUW // *Baikal Research Journal*. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1626–1634.

For Citation

Natura A.I., Natura D.A. Criminalistics: The Place in the System of Scientific Knowledge and Its Nature. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1626–1634. (In Russian). EDN: XOZUUW. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1626-1634.

Научная статья

УДК 342.92

EDN YNWC GF

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1635-1642

О.В. Кирьянова , Е.М. Якимова *Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*

Автор, ответственный за переписку: Е.М. Якимова, yakimova_katerin@mail.ru

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДИСЦИПЛИНАМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА В БАЙКАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

АННОТАЦИЯ. Целью исследования является актуализация проблемы проведения научных исследований и преподавания одной из самых сложных и объемных отраслей российского права – административного права. Современное российское административное право имеет крепкую основу в виде советского административного права, однако оно значительно трансформировалось под влиянием зарубежной научной доктрины, вызовов, стоящих перед российским государством и обществом. Отмечается многогранность предмета административного права и широкая представленность в учебных планах многих вузов дисциплин административно-правового цикла. В статье также рассматриваются особенности преподавания административного права и других дисциплин административно-правового цикла в Байкальском государственном университете, перспективные направления исследования административно-правовых явлений сотрудниками Байкальского государственного университета. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования методики преподавания дисциплин административно-правового цикла в университете, привлечения молодых ученых в процесс познания институтов административного права, которое в настоящее время активнейшим образом развивается в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Административное право, исследование, обучение, познание, преподавание, развитие.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 27 сентября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

O.V. Kirianova , E.M. Yakimova *Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*

Corresponding author: E.M. Yakimova, yakimova_katerin@mail.ru

TRADITIONS AND INNOVATIONS OF TEACHING AND CONDUCTING SCIENTIFIC RESEARCH IN ADMINISTRATIVE AND LEGAL DISCIPLINES AT BAIKAL STATE UNIVERSITY

ABSTRACT. The purpose of the study is to update the problem of conducting scientific research and teaching administrative law as one of the most complex and voluminous branches of Russian law. Modern Russian administrative law has a strong foundation in the form of Soviet administrative law. In modern Russia, it has significantly transformed under the influence of foreign scientific doctrine, the challenges facing the Russian state and society. There is a multifaceted subject of administrative law and a wide representation in the curricula of many universities of the disciplines of the administrative law's cycle. The article also discusses the peculiarities of teaching the disciplines of the administrative and legal cycle at Baikal State University, promising

© Кирьянова О.В., Якимова Е.М., 2023

areas of study of administrative and legal phenomena by employees of the University. It was concluded that it is necessary to further improve the methodology for teaching disciplines of the administrative and legal cycle at the university, to involve young scientists in the process of knowing the institutions of administrative law, which is currently actively developing in Russia.

KEYWORDS. Administrative law, the study, training, cognition, teaching, development.

ARTICLE INFO. Received September 27, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Административное право России является одной из главных отраслей российского права, ведь нормы административного права регулируют разнообразные сферы общественных отношений. Знание норм административного права необходимо, в первую очередь, государственным и муниципальным служащим, представителям иных государственных и негосударственных организаций, и как показывает жизненная практика, обычным гражданам в повседневной жизни.

Анализ учебных целей дисциплины «Административное право» говорит о приобретении студентами в процессе ее изучения определенных знаний, умений и навыков, необходимых в конкретных ситуациях государственно-служебной деятельности.

Наработка и оформление знаний в области административного права и процесса, их интеграция в научно-образовательную деятельность в стенах Байкальского государственного университета (ранее — Иркутская государственная экономическая академия, Байкальский государственный университет экономики и права) была начата с момента образования юридического факультета в 1993 г. и преподавания базовой дисциплины «Административное право». Профильная кафедра была создана в феврале 2000 г. на базе кафедры конституционного права и теории права факультета конституционного и международного права [1, с. 3], что повысило как уровень проводимых исследований по административно-правовой тематике, так и интерес студентов к изучению институтов административного права.

В Байкальском государственном университете административное право изучается студентами всех направлений подготовки: бакалавриата, магистратуры и специалитета, как очной, так и заочной формы обучения. На дневной форме обучения для изучения дисциплины отводится достаточно большое количество времени, которое включает чтение лекций, проведение практических занятий, самостоятельную работу студентов. На заочном обучении количество часов, отведенных на аудиторную (лекции и практические занятия) и самостоятельную работу может меняться.

Отдельные темы и вопросы при изучении дисциплины на заочном обучении могут объединяться, могут также изменяться формы контроля, сокращаться (путем объединения) перечни вопросов к зачетам и экзаменам.

Для изучения дисциплины в библиотечном фонде университета имеется достаточное количество учебников и учебных пособий, в том числе изданных преподавателями кафедры: это и курс лекций по административному праву, и практикум, учитывающие потребности теории и практики.

Преподаватель в своей образовательной деятельности должен использовать различные методы, включая предусмотренные современными федеральными государственными образовательными стандартами, предполагающего использование в учебном процессе нетрадиционных активных и интерактивных методов, инновационных технологий [2, с. 278].

Преподавание административного права в полной мере отражает высказывание Садовниковой Г. Д., о том что популярными интерактивными методами обучения правовым дисциплинам на сегодняшний день являются: дискуссия, дело-

вая игра, творческие задания, моделирование различных ситуаций, требующих применения правовых норм (кейс-метод), деловые ролевые игры, совместное обсуждение и решение проблем путем дискуссий, сократические диалоги, проведение круглых столов, научных миниконференций, пресс-конференций, брифингов, интервью, просмотр и совместное обсуждение учебных фильмов, организация временных творческих коллективов для работы над проектом, интерактивная экскурсия, проведение видеоконференций с участием студентов других вузов, мозговой штурм, дебаты; фокус-группа, анализ конкретных, практических ситуаций (case-study), тренинги [3, с. 38].

Студенты университета как по направлениям бакалавриата, так и специалитета, изучают административное право, как правило, на втором курсе (3 и 4 семестр), а студенты ускоренной формы обучения — на первом курсе (1 и 2 семестр). Как показывает практика преподавания указанной дисциплины, такое раннее изучение является проблемным, так как этому должно предшествовать изучение в полном объеме, в первую очередь, такой дисциплины, как конституционное право России, а студентами-ускоренниками, теории государства и права. Студенты второго года обучения изучают административное и конституционное право параллельно, а студентам ускоренной формы обучения конституционное право засчитывается по итогам обучения в колледже.

Подобная проблема существует и в Восточно-Сибирском институте МВД Российской Федерации, где аналогичные дисциплины изучаются на младших курсах: административное право России — 2 семестр (1 курс), административно-процессуальное право — 3 семестр (2 курс), административная деятельность ОВД — 4–5 семестр (2–3 курс).

В качестве сравнения представляется изучение практики Китайского Университета уголовной полиции (г. Шеньян), особенность преподавания в котором состоит в том, что подобные дисциплины изучаются курсантами на старших курсах — 5, 7, 8 семестр (3–4 курс четырехлетнего обучения): это такие дисциплины, как административное право и административный процесс, административное право в сфере компьютерной техники и Интернета, теория и понятие административной деятельности, правила административного контроля и другие, дополняющие изучение административного права. Преподаватели кафедр должны иметь в обязательном порядке опыт практической работы.

В результате изучения дисциплины «Административное право» студент должен уметь составлять проекты нормативных и индивидуальных правовых актов в сфере государственного управления, составлять административную жалобу, разбираться в процессуальных документах при производстве по делам об административных правонарушениях, отличать административное правонарушение от преступления.

Учебно-методическая работа по подготовке и проведению занятий становится более наполненной при проведении преподавателями научных исследований, привлечением студентов к научно-исследовательской работе.

Анализ научных исследований, проводимых на кафедре по административному направлению за разные годы, позволяет говорить о наличии научных интересов преподавателей кафедры в таких сферах, как административно-деликтные правоотношения (яркими представителями можно назвать В.Н. Андриянова, А.М. Ефремова, В.В. Игнатенко, О.В. Кирьянову, Н.Н. Таскаева, Л.В. Эвертовскую (Гаврилову)), особенности осуществления государственного управления входят в сферу научных интересов Н.Ю. Васильевой и Е.М. Якимовой, проблемам совершенствования административно-процессуальной деятельности посвящены работы О.В. Кирьяновой, А.А. Петрова.

Интерес студентов к проведению научно-исследовательской работы по административно-правовой тематике всегда высок: ежегодно студенты под руководством преподавателей кафедры готовят выступления на научно-практических конференциях, публикуют научные статьи, участвуют в конкурсах научных работ.

В частности, проблематикой противодействия коррупционным правонарушениям интересовались студенты А.В. Путинцев и Т.Ч. Шаракшинова, которые в 2013 г. выиграли Всероссийский конкурс научных работ студентов, аспирантов и молодых ученых по противодействию коррупции памяти А.С. Горелика в номинации «Исследование коррупции с точки зрения юриспруденции». В своей курсовой работе они определили, что сложность имплементации положений Конвенции ООН против коррупции об участии институтов гражданского общества, содержащихся, главным образом, в статье 13 Конвенции, является достаточно значительной, и, главным образом, сводится к следующим аспектам: нечеткость положений самой Конвенции, не предусматривающей конкретность правовых механизмов участия институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией, необходимость комплексного, междисциплинарного подхода при имплементации данных положений, потребность внесения изменений в ряд правовых актов, и издание новых документов, специфичное состояние современного российского гражданского общества, несформированность его институтов, отсутствие механизмов взаимодействия государственной власти и гражданского общества.

Студентами было предложено создать координационные органы на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, которые объединяли бы органы государственной власти, местного самоуправления и институты гражданского общества. По существу, такие органы и предусмотрены положениями Федерального закона № 273-ФЗ. Данные механизмы повысили бы прозрачность антикоррупционной деятельности органов государственной власти, создали бы предпосылки для консолидации заинтересованных институтов гражданского общества в деле противодействия коррупции, позволили бы им отстаивать свои интересы. Вместе с тем, через данные координационные органы было бы возможно проводить законодательные инициативы, предлагать для рассмотрения отчеты, обсуждать результаты антикоррупционного мониторинга, доводить их до сведения компетентных должностных лиц с ясными правовыми последствиями. Возможна и обратная связь, например, заключение соглашений между институтами гражданского общества и органами государственной власти по вопросам антикоррупционной деятельности [4].

В Байкальском государственном университете были подготовлены и успешно защищены диссертационные работы в рамках административно-правового направлений подготовки.

Первой из штатных работников в Байкальском университете кандидатскую диссертацию по административно-правовой тематике подготовила Гаврилова (Эвертовская) Лариса Владимировна. В 2003 г. ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Административно-деликтное законодательство Федеративной Республики Германии: становление, развитие и современное состояние» [5] под научным руководством доктора юридических наук профессора Виктора Васильевича Игнатенко — видного специалиста по вопросам публичного права, активно развивающего науку административного права [6; 7]. В свете поиска оптимальной модели правового регулирования административной ответственности в Российской Федерации интересно звучит предложенная Ларисой Владимировной модель перспективного построения административно-деликтного законодательства РФ: федеральный уровень — Основы законодательства об административной ответственности (рамочный закон, регламентирующий общие и процессуальные вопросы установления и

применения административной ответственности); Кодекс РФ об административной ответственности (кодифицированный закон, конкретизирующий положения Основ законодательства об административной ответственности и инкорпорирующий нормы федерального значения о конкретных составах административных правонарушений); уровень субъектов РФ — законы субъектов РФ об административной ответственности в форме кодифицированных или обычных законов.

В определенный период с кафедрой активно сотрудничал доктор юридических наук профессор Тюменского государственного университета Виктор Егорович Севрюгин: проводил лекции по актуальным вопросам административного права и курсы повышения квалификации, руководил аспирантами, участвовал в научно-практических конференциях.

Под руководством Виктора Егоровича в 2010 г. преподавателем кафедры Еленой Александровной Яковлевой (Гончаровой) была защищена кандидатская диссертация по актуальнейшей теме для нашего региона: «Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения (на примере Байкальской природной территории)» [8]. Уникальность озера Байкал во многом определяет специфику природоохранной деятельности на Байкальской природной территории. В связи с высокой инерционностью планетарной эколого-экономической системы, гораздо эффективнее разрешать эколого-экономические проблемы на региональном уровне, в том числе посредством повышения качества правового регулирования административной ответственности за экологические правонарушения [9, с. 176].

В исследовании правомерно отмечалось, что взаимодействие хозяйствующего субъекта и природы происходит посредством трех общепризнанных форм: природопользования; охраны окружающей среды, включая превентивную деятельность по предупреждению техногенного воздействия на окружающую среду; обеспечения экологической безопасности как состояния защищенности хозяйствующего субъекта от угроз экологического характера. Государство в свою очередь должно гарантировать соблюдение хозяйствующими субъектами установленных нормативными правовыми актами, нормативами и стандартами правил поведения. При этом важную роль в осуществлении защиты озера Байкал должны выполнять органы государственной власти субъектов, в том числе посредством установления дополнительных мер его защиты.

Интересным выглядит предложение Елены Александровны по установлению особого правового статуса объектов природного наследия по аналогии с объектами культурного наследия. Среди достоинств работы стоит отметить рассмотрение автором всего правового массива в сфере охраны озера Байкал, включая международные договоры Российской Федерации, федеральное законодательство, законодательство субъектов федерации.

В течение двенадцати последующих лет в Байкальском государственном университете кандидатские диссертации по административно-правовой направленности к защите не представлялись в связи с прекращением работы многих диссертационных советов, а затем изменением шифров специальностей.

Вместе с тем, в апреле 2023 г. аспирант кафедры конституционного и административного права Пуляевская Инна Александровна защитила в диссертационном совете при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского под научным руководством кандидата юридических наук доцента Екатериной Михайловной Якимовой кандидатскую диссертацию на тему «Административно-правовое регулирование предоставления публичных услуг» [10].

И.А. Пуляевская верно увидела вектор развития управленческой деятельности по осуществлению государством своих функций в части предоставления го-

сударственных и муниципальных услуг. В связи с проявившейся тенденцией на унификацию принципов предоставления государственных и муниципальных услуг Инна Александровна правомерно указывает на необходимость оперирования категорией «публичные услуги» [10, с. 5; 11, с. 19].

Научная новизна диссертации заключалась в выявлении особенностей административно-правового регулирования предоставления публичных услуг в свете конституционной реформы–2020. В процессе проведенного диссертационного исследования была обоснована необходимость внедрения общего для государственных и муниципальных услуг термина «публичная услуга», была предложена оптимизация структуры административных регламентов предоставления публичных услуг и иных процедурных аспектов предоставления публичных услуг в Российской Федерации, был проведен анализ признаков нового для законодательства понятия единых стандартов предоставления публичных услуг, был разработан Модельный регламент предоставления публичной услуг и Модельный единый стандарт предоставления публичной услуги.

Таким образом, в Байкальском государственном университете уделяют большое внимание совершенствованию методик преподавания дисциплин административно-правового цикла, активно проводят научную работу по исследованию различных институтов административного права, исследуя как общие вопросы теории административного права [12; 13], так и особенности осуществления государственного управления в различных сферах [14; 15]. Уже на протяжении тридцати лет в Байкальском государственном университете следуют традициям и применяют новации преподавания и проведения научных исследований по дисциплинам административно-правового цикла.

Список использованной литературы

1. Чуксина В.В. Возрождение кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета: традиции и перспективы / В.В. Чуксина, Л.В. Эвертовская. — DOI 10.18572/1813-1247-2022-3-3-6. — EDN RBSKUC // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 3. — С. 3–6.
2. Лысаков В.А. Современные методы преподавания юридических дисциплин / В.А. Лысаков. — EDN RNASD // Молодой ученый. — 2019. — № 42 (280). — С. 276–278.
3. Садовникова Г.Д. Особенности преподавания дисциплин государственного-правового цикла с применением интерактивной методики / Г.Д. Садовникова. — DOI 10.17803/1994-1471.2017.75.2.037-044. — EDN YKGCVV // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 2 (75). — С. 37–44.
4. Putintsev A.V. Mechanisms of Interaction of the State and Civil Society in the Sphere of Anti-corruption Activity in the Light of Implementation of Article 13 of the UN Convention against Corruption in the Russian Legislation / A.V. Putintsev, T.Ch. Sharakshinova. — DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-2-510-516. — EDN VOABIF // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2016. — Vol. 9, no. 2. — P. 510–516.
5. Гаврилова Л.В. Административно-деликтное законодательство Федеративной Республики Германии: становление, развитие и современное состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Л.В. Гаврилова. — Тюмень, 2003. — 24 с.
6. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях / В.В. Игнатенко. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. — 312 с.
7. Игнатенко В.В. Административная ответственность за нарушение законодательства о выборах сквозь призму «индекса защищенности» / В.В. Игнатенко, И.А. Минникес, И.В. Минникес. — DOI 10.18572/2071-1166-2023-4-5-13. — EDN VSIRLS // Административное право и процесс. — 2023. — № 4. — С. 5–13.
8. Яковлева Е.А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения : на примере Байкальской природной территории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Е.А. Яковлева. — Иркутск, 2010. — 191 с.

9. Яковлева Е.А. Государственный экологический контроль в области охраны Байкальской природной территории / Е.А.Яковлева. — EDN MVBIST // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2010. — № 5 (73). — С. 175–178.

10. Пуляевская И.А. Административно-правовое регулирование предоставления публичных услуг в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / И.А. Пуляевская. — Иркутск, 2023. — 220 с.

11. Пуляевская И.А. Эволюция правового регулирования вопросов организации предоставления государственных и муниципальных услуг / И.А. Пуляевская. — DOI 10.17150/2411-6262.2018.9(2).19. — EDN MFXYZF // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 19.

12. Кирьянова О.В. Проблемы оптимизации регионального законодательства об административной ответственности / О.В. Кирьянова. — EDN UHKJPD // Вестник Востоčno-Сибирского института МВД России. — 2010. — № 2 (53). — С. 37–45.

13. Петров А.А. Некоторые вопросы правовых последствий судебных актов по делам о судебном административном нормоконтроле / А.А. Петров. — DOI 10.18572/1813-1247-2022-3-54-58. — EDN EDOMML // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 3. — С. 54–58.

14. Васильева Н.Ю. Профилактика и предупреждение экологических правонарушений / Н.Ю. Васильева. — DOI 10.47643/1815-1329_2021_6_81. — EDN QTRRAR // Аграрное и земельное право. — 2021. — № 6 (198). — С. 81–86.

15. Устинов А.Н. Проблемы административно-правового регулирования функционирования водного транспорта в России / А.Н. Устинов, Н.Н. Таскаев. — DOI 10.17150/2411-6262.2016.7(5).18. — EDN XDETMX // Baikal Research Journal. — 2016. — Т. 7, № 5. — С. 18.

References

1. Chuksina V.V., Evertovskaya L.V. Revival of the Department of Constitutional and Administrative law of the Baikal State University: Traditions and Prospects *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2022, no. 3, pp. 3–6. (In Russian). EDN: RBSKUC. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-3-3-6.

2. Lysakov V.A. Modern Methods of Teaching Legal Disciplines. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 42, pp. 276–278. (In Russian). EDN:RNASD.

3. Sadovnikova G.D. Peculiarities of Teaching Subjects of the State Law Course Using Interactive Techniques. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2017, no. 2, pp. 37–44. (In Russian). EDN: YKGCVV. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.75.2.037-044.

4. Putintsev A.V., Sharakhshinova T.Ch. Mechanisms of Interaction of the State and Civil Society in the Sphere of Anti-corruption Activity in the Light of Implementation of Article 13 of the UN Convention against Corruption in the Russian Legislation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 510–516. EDN: VOABIF. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-2-510-516.

5. Gavrilova L.V. *Administrative Tort Legislation of the Federal Republic of Germany: Formation, Development and Current State*. Cand. Diss. Thesis. Tyumen, 2003. 24 p.

6. Ignatenko V.V. *Legal Quality of Laws on Administrative Offenses*. Irkutsk State Economics Academy Publ, 1998. 312 p.

7. Ignatenko V.V., Minnikes I.A., Minnikes I.V. Administrative Liability for Violation of Laws on Elections from the Standpoint of the “Safety Index”. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2023, no. 4, pp. 5–13. (In Russian). EDN: VSIRLS. DOI 10.18572/2071-1166-2023-4-5-13.

8. Yakovleva E.A. *Problems of Administrative and Legal Liability for Environmental Violations: The Example of the Baikal Natural Territory*. Cand. Diss. Irkutsk, 2010. 191 p.

9. Yakovleva E.A. State Ecological Control of Baikal Natural Territory Protection. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2010, no. 5, pp. 175–178. (In Russian). EDN: MVBIST.

10. Pulyaevskaya I.A. *Administrative and Legal Regulation of the Provision of Public Services in the Russian Federation*. Cand. Diss. Irkutsk, 2023. 220 p.

11. Pulyaevskaya I.A. Evolution of Legal Regulation of Organization Issues in Terms of Providing Governmental and Municipal Services. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 19. (In Russian). EDN MFXYZF. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).19.

12. Kiryanova O.V. Problems of Optimization of Regional Legislation on Administrative Responsibility. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2010, no. 2, pp. 37–45. (In Russian). EDN: UHKJPD.

13. Petrov A.A. Some Issues of Legal Consequences of Judicial Acts on Cases on Judicial Administrative Control of Compliance with Regulatory Documents. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2022, no. 3, pp. 54–58. (In Russian). EDN: EDOMML. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-3-54-58.

14. Vasil'eva N.Yu. Prevention and Prevention of Environmental Offenses. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2021, no. 6, pp. 81–86. (In Russian). EDN: QTR-RAR. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_6_81.

15. Ustinov A.N., Taskaev N.N. Problems of Administrative and Legal Regulation of Functioning of Water Transport in Russia. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 5, pp. 18. (In Russian). EDN: XDETMX. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).18.

Информация об авторах

Кириянова Ольга Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, kiryanovaov@bgu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0864-9946>, SPIN-код: 9353-5202, AuthorID РИНЦ: 678064.

Якимова Екатерина Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, yakimova_katerin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>, SPIN-код: 1204-6864, AuthorID РИНЦ: 525314.

Authors

Olga V. Kirianova — PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, kiryanovaov@bgu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0864-9946>, SPIN-Code: 9353-5202, AuthorID RSCI: 678064.

Ekaterina M. Yakimova — PhD in Law, Associate Professor, Head, Department of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, yakimova_katerin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>, SPIN-Code: 1204-6864, AuthorID RSCI: 525314.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Кириянова О.В. Традиции и новации преподавания и проведения научных исследований по дисциплинам административно-правового цикла в Байкальском государственном университете / О.В. Кириянова, Е.М. Якимова. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1635-1642. — EDN YNWCGF // *Baikal Research Journal*. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1635–1642.

For Citation

Kiryanova O.V., Yakimova E.M. Traditions and Innovations of Teaching and Conducting Scientific Research in Administrative and Legal Disciplines at Baikal State University. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1635–1642. (In Russian). EDN: YNWCGF. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1635-1642.

Научная статья

УДК 34.096

EDN YOZDTD

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1643-1656

Е.Н. Афанасьева¹ , **Д.Д. Фурман²**

¹ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Российская Федерация

² Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Е.Н. Афанасьева, afeka@inbox.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАБОТКИ ИСКУССТВЕННЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА В ПРОЦЕССЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье анализируются правовые аспекты обработки объектов авторского права искусственными интеллектуальными системами, в том числе, легальность обработки произведений в процессе автоматизированного анализа текста и данных в цифровой форме — TDM (text and data mining) и машинного обучения. Кроме того, в статье рассматриваются основания для квалификации такой обработки в качестве нарушения авторских прав. Выявляются препятствия для полноценной защиты авторских прав на произведения в составе Больших данных (Big Data), которые выступают предметом обработки искусственными интеллектуальными системами. Авторами предлагается разработка системы публично-правовых принципов обработки произведений искусственными интеллектуальными системами, в частности: принцип ограниченного целевого назначения, в соответствии с которым обработка произведений должна осуществляться исключительно в целях, установленных оператором искусственной интеллектуальной системы; принцип ограниченного хранения, предполагающий хранение персональных данных (в доступной для идентификации субъектов этих данных форме) не дольше, чем этого требует достижение поставленных целей обработки; принцип прозрачной отчетности — ведение отчетности относительно количества и качества обрабатываемых наборов данных, доступной для любого лица, вне зависимости от заинтересованности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Машинное обучение, text and data mining, авторское право, большие данные, искусственный интеллект.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 23 сентября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

Е.Н. Afanasyeva¹ , **D.D. Furman²**

¹ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Corresponding author: E.N. Afanasyeva, afeka@inbox.ru

LEGAL ISSUES OF COPYRIGHT OBJECTS PROCESSING BY AI SYSTEMS IN THE PROCESS OF MACHINE LEARNING

ABSTRACT. The research paper analyses the legal aspects of copyright objects processing by AI systems, including the legality of automated analysis of text and data in digital form — TDM (text and data mining) and machine learning. The research paper examines: the grounds for qualifying such processing as copyright infringement and certain obstacles to the full protection of copyright (including Big Data, being a subject of processing by AI systems). The paper proposes the adoption of certain public law principles of copyright objects processing by artificial intelligent systems,

© Афанасьева Е.Н., Фурман Д.Д., 2023

in particular: the principle of limited purpose, according to which the processing of works should be carried out exclusively for the purposes established by the operator of the artificial intellectual system; the principle of limited storage, which involves storing personal data (in a form accessible to identify the subjects of this data) no longer than required in-order to achieve the stated processing purposes; the principle of transparent reporting — reporting on the quantity and quality of processed data sets, accessible to any person, regardless of interest.

KEYWORDS. Machine learning, text and data mining, copyright, big data, artificial intelligence.

ARTICLE INFO. Received September 23, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Развитие технологий искусственных интеллектуальных систем (далее — ИИС) и введение в имущественный оборот результатов, созданных с использованием ИИС и идентичных результатам творческого труда (произведения), порождает в юридической литературе вопросы о правовом режиме такого рода результатов и правосубъектности ИИС особенно в контексте авторско-правовых отношений. В существенно меньшей мере уделяется внимание самому процессу машинного обучения, его правовой квалификации и законных пределов легальности осуществления. Проблема правового регулирования машинного обучения и сопутствующих (смежных) операций будет рассмотрены далее.

В рамках настоящего исследования термин «искусственная интеллектуальная система» будет использоваться в трактовке, содержащейся в Руководящих этических принципах надежного искусственного интеллекта: «Искусственные интеллектуальные системы — это программные (и, возможно, также аппаратные) системы, разработанные людьми, которые, учитывая сложную цель, действуют в физическом или цифровом измерении, воспринимая свою среду посредством сбора данных, интерпретируя собранные структурированные или неструктурированные данные, рассуждая о знаниях или обрабатывая информацию, полученную из этих данных, и принимая решение о наилучших действиях для достижения данной цели¹.

Однако важно учитывать, что ИИС, как готовый к применению инструмент, не возникает с момента написания программного кода, создания алгоритма, а требует прохождения предварительного этапа машинного обучения. Термин «машинное обучение» является неоднозначным и в юридической и технической литературе трактуется различно. Связано это с множеством способов машинного обучения, каждый из которых обладает спецификой. Технические специалисты вовсе используют термины «ИИС» и «машинное обучение» как синонимичные или тождественные. Как отмечает Семин П.О., термин «машинное обучение» связывают с набором особых алгоритмов, способных решать определенный класс задач. В процессе машинного обучения структурными элементами выступают наборы данных (Datasets), сам алгоритм обучения (программное обеспечение), а также ЭВМ (компьютер), а результатом процесса машинного обучения выступает «еще один алгоритм, который получает какие-то данные и выдает какой-то ответ, опираясь на то, чему он научился» [1, с. 25].

То есть результатом машинного обучения является ИИС, функционирование которой направлено на решение задач заранее определенной категории. В случае отношений, связанных с предметом исследования, задачей такого рода ИИС является создание результатов, идентичных результатам творческого труда (произведениям), по запросу Пользователей ИИС. На основании вышеизложенного представляется возможным определить машинное обучение как совокупность

¹ Ethics Guidelines for Trustworthy AI // Futurium. European Commission. 2019. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=60651. (дата обращения: 30.0.2023).

алгоритмов, направленных на создание ИИС в форме иного алгоритма, выполняющего по запросу Пользователя ИИС задачи определенной категории на базе обработанных такой ИИС наборов данных.

Для наиболее корректного, высококачественного и быстрого осуществления процесса машинного обучения в качестве набора данных нередко используются Большие данные (Big Data) для их обработки ИИС. Единого подхода к определению термина «Большие данные» в юридической литературе на данный момент не сформировалось, однако принято выделять следующие признаки Больших данных, которые свидетельствует о том, что определенные массивы данных можно идентифицировать в качестве Больших: Объем, Скорость и Разнообразие [2, с. 70]. Иногда также выделяют различные вариации иных признаков: «внутренний ценный смысл» [3, с. 156] (полезность / применимость), достоверность [4, с. 72] (точность определенного набора данных) и др. Отдельные исследователи выделяют и больше признаков, однако вышеуказанные являются ключевыми. На основании перечисленных признаков в целях исключения неоднозначности термина в рамках настоящего исследования предлагается условно использовать термин «Большие данные» в следующей трактовке: Большие данные — это единый комплекс огромных массивов разнообразной динамически собираемой информации (данных), выраженной в доступной для обработки техническими инструментами форме. Такие данные в силу своей взаимосвязанности с ИИС могут быть и, вероятно, будут отсортированы, объединены и сгруппированы по определенному критерию или общему признаку. В исследуемой сфере данные сортируются по критерию отношения к объектам авторского права или определенному его виду (литературные произведения или иные текста, аудио- и видеозаписи и т.д.).

Из-за своих полезных свойств Большие данные становятся одним из ключевых ресурсов (если не самым ключевым), выступающим в качестве объекта машинного обучения ИИС, которая в процессе и результате машинного обучения становится мощнее в своем технологическом функционале. Есть прямая корреляция между эффективностью отдельно взятой ИИС и количеством обработанных ею данных. С недавних пор стало доступно колоссальное количество изображений и аудиоданных. С 2015 г. генерируется 90 % мировых данных. В том же году цифровая вселенная, т. е. резервуар данных, созданных и скопированных, насчитывал менее 10 зеттабайт [5, с. 20].

Как уже указывалось ранее, осуществление машинного обучения требует набора вводных данных, на основе которых ИИС в дальнейшем функционирует. Однако в случае использования Больших данных в машинном обучении требуется проведение отдельного этапа, именуемого Text and Data Mining (пер. англ. — «добыча / извлечение текста и данных»; далее — TDM). Согласно положениям п. 2 ст. 2 Директивы Европейского парламента и Совета ЕС от 17.04.2019 г. № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы № 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» (далее — Директива № 2019/790), под TDM понимается любой автоматизированный аналитический метод нацеленный на анализ текста и данных в цифровой форме для получения информации, включающей модели, тенденции и корреляции, но при этом не ограниченной только ими². По своему содержанию данный процесс служит инструментом формирования набора данных (Dataset) определенного вида. Поэтому в теории TDM необязательно используется в целях машинного обучения, целью

² Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj>. (дата обращения: 30.09.2023).

его осуществления могут выступать аналитические репорты, формирование баз данных и т.п. Тем не менее, на практике тяжело представить его реализацию без использования искусственных интеллектуальных систем, тем более, когда речь идет об обработке Больших данных.

На основании вышеизложенного можно выявить, что в базис «обучения» и функционирования ИИС входит обработка данных (информации) определенной категории. В рамках предмета исследуемой проблемы наборы данных (Datasets), как правило, содержат объекты авторского права (произведения). Выражается указанная обработка в следующем:

- TDM, как метод анализа текстов и данных, направленный на формирование набора данных, извлекаемых из Больших данных, для машинного обучения;
- машинное обучение, как совокупность алгоритмов, направленных на создание иного алгоритма (ИИС) на основе набора данных;
- создание результатов, идентичных результатам творческого труда, по итогам машинного обучения.

Важно отметить, что вышеуказанные организационно-технические операции являются элементами функционирования каждой конкретной ИИС, поэтому предстают смежными в отношении друг к другу и частично совпадают. Их последовательное и совокупное выполнение предлагается именовать как Обработку данных искусственной интеллектуальной системой, которая по содержанию в большей степени совпадает с Обработкой Больших данных в случаях, если предметом Обработки являются Большие данные (их содержимое), различие фактически выражается в объеме данных и технической методологии их добычи. Под Обработкой данных ИИС предлагается понимать любые операции с данными (наборами данных) в любой объективно выраженной форме, совершаемые с использованием ИИС и направленные на извлечение полезных свойств из этих данных. Например, формирование какой-либо статистики и выводов по ней или подготовка и структуризация материалов для машинного обучения. Исходя из вышеуказанного, Обработкой произведений ИИС далее по тексту будет пониматься такая Обработка данных ИИС, предметом которой выступают произведения.

Как уже упоминалось, содержимым наборов данных и Больших данных в определенных случаях являются охраняемые авторским правом произведения. Статьей 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) установлено, что объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от способа его выражения. Исходя из содержания ст. 1229 ГК РФ, правообладатель имеет юридическую монополию на распоряжение объектом авторского права любым незапрещенным законом способом. Никто, кроме правообладателя, не вправе использовать объект авторского права, пока правообладатель не даст свое разрешение, оформленное соответствующим законом способом. Для правовой оценки легальности Обработки данных ИИС в авторско-правовом аспекте следует подробнее проанализировать каждый из трех вышеуказанных элементов Обработки.

Чтобы изучить, какие юридические проблемы могут возникнуть в процессе TDM, важно отметить, как он работает. TDM включает в себя последовательность определенных операций, которые необходимо выполнить для экономически эффективного извлечения большого объема текста и / или данных. В связи с этим существуют три общих (однако не обязательных) этапа, которые могут включать:

- доступ к исходным материалам, подлежащим анализу, таким как данные, собранные индивидуально или систематизированные в базе данных;
- копирование значительного объема материала и / или извлечение данных, которые также могут включать предварительную обработку материала путем пре-

образования его в машиночитаемый формат и загрузку предварительно обработанного контента на платформу;

– извлечение данных и их повторное объединение для получения новых знаний и закономерностей в конечном результате [6].

Как можно заметить, TDM включает в себя копирование произведений на некий материальный носитель, с которого будет производиться извлечение данных и их систематизаций. Данное действие представляется возможным квалифицировать как воспроизведение произведения в цифровой и / или машиночитаемой форме. Воспроизведение традиционно относят к использованию произведения, которое является прерогативой правообладателя, на основании п. 1 ст. 1270 ГК РФ и ст. 2 Директивы № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» (далее — Директива № 2001/29/ЕС).

Согласно п. 1 ст. 5 Директивы № 2001/29/ЕС на временные акты воспроизведения, которые являются краткосрочными или побочными, неотъемлемой и существенной частью технологического процесса и единственной целью которых является обеспечение возможности передачи по сети между третьими сторонами с помощью посредника, или законное использование произведения или другого подлежащего созданию объекта, которые не имеют самостоятельного экономического значения, ограничение права на воспроизведение не распространяется³.

Положения, аналогичные вышеуказанным, содержатся и в российском законодательстве. Согласно подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ использованием в том числе считается воспроизведение произведения, вне зависимости от того, совершается ли оно в целях извлечения прибыли или нет. Под воспроизведением понимается изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляра трехмерного произведения. При этом запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением.

Однако важно отметить то, что данный подпункт закрепляет аналогичное вышеуказанному в Директиве № 2001/29/ЕС исключение из вышеуказанного правила: воспроизведением не считается краткосрочная запись произведения, которая носит временный или случайный характер и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети, при условии, что такая запись не имеет самостоятельного экономического значения.

М.А. Кольздорф в своем исследовании свободного использования произведений при обработке Больших данных проанализировала выводы судебной практики Суда ЕС касательно применения положений Директивы № 2001/29/ЕС и пришла к следующим выводам. Действие по воспроизведению квалифицируется временным тогда, когда его продолжительность не выходит за рамки необходимой для нормального функционирования соответствующего технологического процесса, в котором должно быть предусмотрено автоматическое (без вмешательства человека) прекращение такого воспроизведения, как только его функция по обеспечению реализации релевантного процесса выполнена. Термин «побочный /

³ Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society // Wipo. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/1453> (дата обращения: 30.09.2023).

второстепенный» касается копий, которые имеют второстепенный характер по отношению к технологическому процессу, к основному действию по использованию произведения. Действия по воспроизведению должны быть необходимы в том смысле, что без них технологический процесс не будет протекать правильно и эффективно, а воспроизведение должно осуществляться полностью в рамках технологического процесса. Правомерным считается использование, не ограниченное законом или согласованное правообладателем прямо или косвенно. Суд ЕС интерпретирует этот термин с точки зрения той цели, с которой копия была сделана (целевое использование). В свою очередь, наличие экономического значения подтверждается в том случае, если копии создают отдельную дополнительную прибыль, выходящую за рамки полученной от правомерного использования произведения. К тому же, экономическое значение возникает в случае изменения произведения в процессе воспроизведения [7, с. 149–150].

На основе вышеизложенных норм возможно провести определить пределы исключительных прав на произведение, права на его воспроизведение в процессе TDM, а также в процессе машинного обучения и создания результатов, идентичных результатам творческого труда.

Как уже указывалось ранее, первым этапом TDM является доступ к исходному материалу (данные или базы данных) как предмету TDM. Данное действие является неотъемлемой и существенной частью технологического процесса TDM, без осуществления которых TDM в принципе не представляется возможным произвести.

Копирование и извлечение данных уже непосредственно являются актом воспроизведения, следовательно, необходимо проанализировать кратковременность и побочность (случайность) сессий TDM в целях разрешения вопроса легальности такого воспроизведения. Исключение в связи с кратковременностью и побочностью не могут однозначно распространяться на все случаи использования произведений посредством технологий TDM. Это связано с тем, что воспроизведение при анализе массивов данных на определенных этапах может не быть временным или побочным (случайным), несмотря на то что оно будет обусловлено исключительно технологическими особенностями. Поэтому затруднительно распространить действие данного исключения на все случаи использования TDM [8, с. 44]. Кроме того, как указывалось ранее, копирование не может быть квалифицировано как временное в случае необходимости вмешательства человека ради инициации процесса удаления копий данных (произведений).

Помимо копирования данных на этом этапе производится их преобразование в машиночитаемую форму. Однако, как справедливо указывает Д.А. Грачева, перевод текста в машиночитаемую форму, который производится перед TDM, не является переработкой произведения. Перевод в машиночитаемую форму заключается в оцифровке с возможностью выделять отдельные слова и буквы из текста без изменения содержания произведения [9, с. 44–52]. К тому же, переработка должна носить творческий характер, что исключает квалификацию TDM как переработку произведения.

Так как правомерность использования определяется целеполаганием воспроизведения, то можно предположить, что если цель TDM заключается в извлечении информации с целью получения новых закономерностей и знаний, то такое использование может быть правомерным, поскольку информация как таковая не охраняется авторским правом. Однако стоит учитывать, что каждый этап TDM может обладать самостоятельной экономической ценностью в зависимости от конкретных обстоятельств [7, с. 150]. То есть извлечение данных и их повторное объединение должно производиться в пределах заранее обозначенной правомерной цели. Стоит также учитывать, что в контексте осуществления TDM все об-

рабатываемые произведения принимают форму информации (данных), то есть не представляют ценности по критерию творческого вклада, что позволяет исключить возникновение самостоятельного экономического значения TDM. Статьей 4 Директивы № 2019/790 были расширены и конкретизированы некоторые положения относительно воспроизведения и извлечения объектов авторского права в течение TDM. Например, были установлены императивные требования о свободном воспроизведении произведений в процессе TDM в целях научных исследований.

Тем не менее, такое воспроизведение и извлечение возможно только в том случае, если к произведению или иному охраняемому объекту имеется законный доступ со стороны пользователя, в том числе, когда оно было доведено до всеобщего сведения онлайн, и, если правообладатели не сохранили за собой надлежащим образом права на воспроизведение и извлечение для целей интеллектуального анализа текстов и данных. Д.А. Мотовилова отмечает, что «на первый взгляд ст. 4 Директивы № 2019/790 разрешает использование произведений и иных охраняемых объектов для целей TDM, фактически правообладатели могут запретить подобное использование охраняемого контента» [10, с. 108].

Таким образом, правовое регулирование воспроизведения в ЕС позволяет при определенных условиях использовать произведения в рамках TDM, если правообладателем намеренно не было закреплено исключительное право на такого рода использование произведения. В свою очередь, законодательство РФ на данный момент не предусматривает специальных норм для TDM, поэтому каждое использование произведений в процессе TDM должно соответствовать положениям ст. 1270 ГК РФ. Можно сделать вывод, что TDM в некоторых случаях может быть квалифицирован в качестве нарушения авторских прав при нарушении условий правомерного воспроизведения, указанных в подп. 1 п. 2 ст. 1270 РФ.

В свою очередь, как уже указывалось ранее, машинное обучение представляет собой схожий, в некоторых элементах смежный с TDM процесс, в результате которого создается ИИС. Однако ситуация в таком случае несколько иная из-за цели машинного обучения. Результат (модель) машинного обучения подразумевает сохранение в памяти ИИС обработанных произведений в целях реализации функционала ИИС⁴. Из этого следует, что машинное обучение (отдельно от TDM) представляется возможным квалифицировать как воспроизведение в машиночитаемой форме. Можно с уверенностью сказать, что, как и в случае с TDM, машинное обучение воспроизводит произведения в рамках технического процесса и без этого процесс был бы неосуществим. Тем не менее, в отличие от TDM, машинное обучение включает долгосрочное хранение в памяти данных (наборов данных), которые служили материалом для обучения модели ИИС, что выходит за пределы правомерного воспроизведения произведения. Таким образом, машинное обучение нарушает авторские права правообладателей произведений, содержащихся в памяти модели ИИС.

С критерием экономической самостоятельности воспроизведения в рамках машинного обучения все не так просто. Выявить нарушение авторских прав по данному критерию можно в связи со следующим этапом Обработки произведений ИИС — создание результатов, идентичных результатам творческого труда. Дело в том, что произведения, содержащиеся в памяти ИИС, не имеют самостоятельного экономического значения по идентичным доводам, как и в случае с TDM. Однако, чтобы уследить здесь правонарушение, следует учитывать, для чего именно было осуществлено машинное обучение и будет ли коммерциализирован результат машинного обучения.

⁴ Как работает память искусственного интеллекта // AnyQuestion. URL: <https://ru.anyquestion.info/a/kak-rabotaet-pamyat-iskusstvennogo-intellekta>. (дата обращения: 30.09.2023).

В качестве результатов машинного обучения можно выделить как саму готовую обученную модель ИИС, так и результаты, созданные с ее помощью. «Владелец» ИИС теоретически может продать права на нее, предоставить в возмездное пользование, монетизировать результаты, создаваемые ею. Указанные возможности использования ИИС образуют самостоятельное экономическое значение для обработанных в рамках машинного обучения произведений и для созданных на их основе результатов, идентичных результатам творческого труда. Исходя из сущности машинного обучения, чем больше алгоритм машинного обучения обрабатывает наборы данных, тем точнее (ценнее) будет конечный результат и тем более увеличивается самостоятельная экономическая значимость этого результата и обработанных произведений, так как более качественный итоговый продукт расширит пределы потенциально получаемой «Владельцем» ИИС прибыли.

Несмотря на уже выявленные основания для квалификации машинного обучения как нарушения авторских прав, следует отметить иную проблему правомерности машинного обучения. Использование ИИС для генерации различных результатов, идентичных результатам творческого труда, например, изображений, позволяет создавать такие результаты с буквально нечеловеческой скоростью, что наполняет рынок колоссальным количеством произведений соответствующей категории. Очевидно, что авторы (правообладатели) не способны конкурировать с ИИС в плане скорости, не прибегая к использованию этих самых ИИС. Тем самым нарушаются имущественные интересы авторов произведений.

Усугубляется характер такого нарушения тем, что без предварительной Обработки (использования) произведений было бы крайне затруднительно осуществить машинное обучение, что закономерно вызывает недовольство у авторов и порождает прецеденты исков к платформам, позволяющим использовать ИИС. Например, в настоящий момент подан коллективный иск на Stable Diffusion за использование набора данных с множеством объектов авторского права, включенных в данный набор без согласия авторов⁵. К тому же, с помощью ИИС при соответствующем обучении есть возможность воссоздавать уникальные (или трудновоспроизводимые) элементы в результатах, идентичных результатам творческого труда, например, авторский стиль рисования или художественный стиль письма⁶. Само по себе это не является нарушением, так как на основании пункта 5 статьи 1259 авторские права не распространяются на методы, способы решения различного рода задач, к которым и можно отнести авторский стиль произведения. Однако ключевое в данном случае — обесценивание и снижение рентабельности произведений на соответствующем рынке вследствие потенциального количества произведенных в определенном авторском стиле результатов, идентичных результатам творческого труда. На этом основании можно обозначить угрозу имущественных интересов всей группы авторов как вида субъектов гражданских правоотношений, что позволяет определить публично-правовую природу данной проблемы.

Своей спецификой обладает проблема легальности Обработки ИИС Больших данных. В случае квалификации указанной Обработки в качестве нарушения авторских прав по указанным в настоящем исследовании основаниям представляется затруднительным идентифицировать каждого автора у каждого произведения в силу того, что в Больших данных содержится колоссальный массив данных, в том

⁵ AI art tools Stable Diffusion and Midjourney targeted with copyright lawsuit. // Vox Media. 2023. URL: <https://www.theverge.com/2023/1/16/23557098/generative-ai-art-copyright-legal-lawsuit-stable-diffusion-midjourney-deviantart>. (дата обращения: 30.09.2023).

⁶ Генеративные нейросети и этика: появилась модель, копирующая стиль конкретного художника // DTF.Ru. URL: <https://dtf.ru/life/1436360-generativnye-neyroseti-i-etika-poyavilas-model-kopiruyushchaya-stil-konkretnogo-hudozhnika>. (дата обращения: 30.09.2023).

числе произведения, у каждой из которых есть автор. Различного рода технические методы поиска и идентификации авторов будет противоречить международным и национальным принципам и условиями обработки персональных данных, в частности, принцип минимизации данных, который налагает на контролеров обязанность собирать исключительно данные, отвечающие поставленной цели обработки, и хранить их только в течение срока, необходимого для реализации цели обработки, и принцип ограниченного целевого назначения, который устанавливает подчиненность целей обработки данных ее легитимным основаниям [11, с. 177–178].

М.В. Тюнин при рассмотрении вышеуказанной проблемы перечисляет потенциальный перечень решений, которые могли бы в некоторой мере легализовать машинное обучение:

- установление в качестве обязательного условия получения согласия каждого автора на обработку его произведений ИИС;
- введение специального правового режима свободного использования объектов авторского права в процессе машинного обучения в некоммерческих целях или для научных исследований;
- применение принудительной лицензии к обрабатываемым объектам авторского права с компенсационной выплатой правообладателю [12, с. 39; 13].

Первое решение реализовать будет крайне сложно, так как Обработка произведений происходит в немалых масштабах, особенно если речь идет об Обработке Больших данных. Данное решение возможно будет реализовать, если изначально при загрузке на соответствующие интернет-площадки брать согласие с автора на Обработку ИИС. Однако в таком случае все ранее загруженные в «Интернет» произведения окажутся без защиты, а обратной силы такое предписание иметь не должно, так как реализовать подобную меру на практике невозможно.

Внедрение правового режима свободного использования представляется практически реализуемым и отвечающим запросам широких общественных масс. Однако в таком случае сужаются пределы исключительного права на произведение и тем самым игнорируются имущественные интересы правообладателей в том смысле, что правообладатель никогда не сможет полностью контролировать дальнейшее использование результатов машинного обучения. К тому же, как было выявлено в настоящем исследовании, Обработка произведений ИИС — это процесс со сложной структурой; каждый этап может отвечать критериям для квалификации в качестве нарушения авторских прав. В силу высокой вероятности появления самостоятельного экономического значения использования произведения на каждом последующем этапе Обработки, норма, содержащая случаи свободного использования произведения, носила бы в подавляющей степени формальный характер и способствовала бы легализации свободного использования лишь в научно-исследовательских целях. На практике Обработка произведений ИИС зачастую не ограничивается исключительно научно-исследовательскими либо некоммерческими целями. Например, доступ к использованию современных популярных нейросетей нередко является возмездным⁷. Таким образом, данное решение можно использовать, но только в рамках комплексной реформы по легализации Обработки произведений ИИС, а не в качестве единичной изменения законодательства. Следовательно, требуется иной правовой режим Обработки произведений ИИС.

Принудительная лицензия на первый взгляд выглядит приемлемой мерой, учитывающей интересы правообладателя и широких общественных масс. Тем не менее, возникает аналогичная проблема, как с получением согласий на Обработку произведений ИИС в первом решении. Согласно положениям ст. 1239 ГК РФ в

⁷ Топ 100 платных нейросетей. Крупнейший каталог нейросетей с возможностью подбора и сравнения // AI Directory. URL: <https://aidir.ru/ai-price/platno/>. (дата обращения 30.09.2023).

случаях, предусмотренных ГК РФ, суд может по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в решении суда условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу. Как следует из содержания данной статьи, для правомерной Обработки произведений ИИС потребуется соответствующее решение суда относительно каждого произведения. Конечно, ничего не мешает в рамках одного решения указать несколько объектов авторского права, однако в рамках Обработки произведений ИИС потребуется множество произведений, авторов или правообладателей которых далеко не всегда представляется возможным идентифицировать. Это обстоятельство также не позволяет определить лицо, которому подлежит выплата компенсации. Поэтому обращение в суд представляется лишней бюрократической процедурой, которая не способствует разрешению данной проблемы. Из этого можно сделать вывод, что применение принудительной лицензии не решает проблему легализации Обработки произведений ИИС.

На основании вышеизложенного представляется, что меры гражданско-правового характера для решения исследуемой проблемы неэффективны. Легализовать Обработку произведений ИИС следует в первую очередь на публично-правовом уровне. В силу общих технических методов обработки персональных данных и произведений (так как произведения принимают форму данных) предлагается использовать схожую логику при формулировании правовых норм для регулирования Обработки произведений ИИС.

Для начала следует сформулировать правовой статус оператора ИИС в контексте Обработки произведений ИИС. За основу можно взять положения Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — ФЗ № 152) и положения GDPR (англ. «General Data Protection Regulation»; рус. Общий регламент по защите данных), так как предметом указанных актов является обработка данных, связанных с субъективными правами лиц.

Согласно дефиниции, указанной в ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» (далее — ФЗ № 152), оператор — это государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными. Примечательно, что в GDPR роль оператора разделена на двух разных субъектов: «controller» (контроллер) и «processor» (обработчик). Согласно ст. 4 GDPR контроллер определяет цели и средства обработки, а обработчик, в свою очередь, по поручению контроллера занимается обработкой персональных данных. Обработчиком, в отличие от контроллера, может быть исключительно физическое или юридическое лицо. Таким образом, по ключевым вопросам статуса Оператора обработки персональных данных расхождений между GDPR и ФЗ № 152 не наблюдается, в российском законодательстве функции контроллера и обработчика включены в правовой статус Оператора.

Так как в рамках настоящего исследования делается акцент на российское законодательство, будет использован подход одного правового статуса — Оператора ИИС. Под Оператором ИИС предлагается понимать государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие создание ИИС (включая машинное обучение) и практическое применение по назначению. Таким образом, исходя из указанного определения можно выявить основные положения относительно статуса Оператора ИИС. Ключевым является презумпция ответствен-

ности Оператора ИИС за неправомерную (осуществленную с нарушением требований законодательства в области авторских прав) Обработку произведений ИИС.

Требуется закрепления и статус «Пользователя ИИС», так как с одной стороны данная категория лиц пользуется результатами Обработки произведений ИИС, а с другой стороны не имеет отношения к обучению модели ИИС и поэтому не может нести ответственность за использование полученных незаконным путем результатов, идентичных результатам творческого труда. Из вышеуказанного можно выявить ключевые признаки Пользователя: имеет законный доступ к ИИС; пользуется функциями ИИС по целевому назначению; не причастен к машинному обучению. Вопрос, может ли Пользователем выступать юридическое лицо в предмет настоящего исследования не входит, поэтому условно следует допустить такой вариант, однако при этом презюмировать, что правовая природа отношений между Оператором ИИС и Пользователем ИИС в сущности своей потребительская, если не доказано иное.

На основании изложенного в настоящем исследовании можно сформулировать нижеследующие принципы Обработки произведений ИИС, которые необходимо закрепить на законодательном уровне.

Во-первых, указанный ранее принцип ограниченного целевого назначения подходит для адаптации под Обработку произведения ИИС. Согласно данному принципу Обработка произведений ИИС должна осуществляться исключительно в целях, установленных Оператором ИИС. Каждое повторное использование тех же наборов данных должно проверяться на соответствие установленной цели. Этот принцип также подразумевает, что цели должны носить законный характер.

Во-вторых, вполне возможна адаптация принципа ограниченного хранения, заключающийся в том, что персональные данные должны храниться в доступной для идентификации субъектов этих данных форме, но не дольше, чем этого требует достижение поставленных целей обработки [10, с. 178–179]. Применительно к Обработке произведений ИИС данный принцип выражается в расширении правил воспроизведения произведений в памяти ИИС в процессе машинного обучения, в дополнение к положениям подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Однако несмотря на видимое расширение пределов правомерного осуществления Обработки произведений ИИС, хранение обрабатываемых наборов данных с произведениями осуществляется исключительно в пределах конкретной цели — создании обученной модели машинного обучения, т.е. ИИС.

В-третьих, следует добавить принцип прозрачной отчетности, заключающийся в необходимости ведения какого-либо реестра или иной формы отчетности относительно количества и качества обрабатываемых наборов данных с произведениями, доступной для любого лица, вне зависимости от заинтересованности такого лица.

По результатам настоящего исследования можно сделать следующие выводы. Обработка произведений ИИС (в том числе в составе Больших данных), состоит из трех структурных элементов: TDM, машинное обучение (в узком смысле) и создание результатов, идентичных результатам творческого труда. Каждый из указанных процессов при определенных условиях, исследованных в настоящей статье, возможно квалифицировать как нарушение авторских прав. Ситуация усугубляется тем, что при Обработке Больших данных идентифицировать лиц, чьи права были нарушены, в крайней степени затруднительно даже с применением специальных технологий. Вычислительные мощности ИИС позволяют создавать результаты, идентичные результатам творческого труда, с чрезвычайно высокой скоростью, что способствует вытеснению авторов, не использующих ИИС, с рынков определенных произведений. При этом ИИС обучается на основе произведений вытесняемых авторов, что закрепляет факт нарушения имущественных прав.

Частно-правовые меры по решению проблем Обработки произведений ИИС представляются неэффективными, поэтому следует прибегнуть к публично-правовым механизмам. В качестве одной из необходимых мер предлагается внедрить в законодательство правовой статус Оператора ИИС и Пользователя ИИС, а также сформулировать принципы Обработки произведений ИИС. Указанными мерами не следует ограничиваться, на их основе представляется возможным сформулировать конкретные положения норм права, регулирующих правила Обработки произведений ИИС.

Список использованной литературы

1. Семин П.О. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий: права на контент, созданный с помощью машинного обучения / П.О. Семин. — EDN HPOJBV // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 2(36). — С. 21–32.
2. Карпычев В.Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет / В.Ю. Карпычев. — DOI 10.18572/1812-3929-2022-4-68-73. — EDN KFXBKW // Юрист. — 2022. — № 4. — С. 68–73.
3. Дмитриев А.С. Big Data, 4v: Volume, Velocity, Variety, Value / А.С. Дмитриев // Мониторинг общественного мнения. — 2015. — № 2(126). — С. 156–159.
4. Афанасьева Е.Н. Введение в индустрию 4.0: основы формирования цифрового будущего : монография / Е.Н. Афанасьева. — Томск : ТУСУР, 2021. — 93 с.
5. Пилецкая А.В. Искусственный интеллект и большие данные / А.В. Пилецкая. — EDN PNNGHD // Молодой ученый. — 2019. — № 50 (288). — С. 20–22.
6. Christensen K. A European solution for Text and Data Mining in the development of creative Artificial Intelligence / K.A. Christensen // Publicerad i Stockholm IP Law Review. — 2021. — No. 2. — P. 18–33.
7. Кольздорф М.А. Свободное использование объектов авторских и смежных прав при обработке больших данных (Big Data) / М.А. Кольздорф. — EDN YOYBOG // Закон. — 2021. — № 5. — С. 142–164.
8. Свободное использование объектов авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий на примере технологий TDM / А.И. Тиунова, Ю.К. Павлова-Семион, С.К. Романова [и др.]. — EDN GRFWQI // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 1(35). — С. 29–58.
9. Грачева Д.А. Свободное использование авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий в Российской Федерации / Д.А. Грачева. — DOI 10.17323/tis.2023.17371. — EDN MPYQCS // Труды по интеллектуальной собственности. — 2023. — Т. 45, № 2. — С. 44–52.
10. Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке / Д.А. Мотовилова. — EDN DMXOEN // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2019. — № 26. — С. 106–120.
11. Крылова М.С. Принципы обработки персональных данных в праве Европейского Союза / М.С. Крылова. — DOI 10.17803/1994-1471.2017.83.10.175-181. — EDN ZRIRQV // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 10 (83). — С. 175–181.
12. Тюнин М.В. Свойство искусственного интеллекта вписываться в общую систему правового регулирования интеллектуальной собственности в ЕАЭС / М.В. Тюнин. — DOI 10.17323/tis.2021.13503. — EDN KIMIUB // Труды по интеллектуальной собственности. — 2021. — Т. 39, № 4. — С. 37–41.
13. Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве / Л.С. Артений. — EDN LBRCTT // Вестник науки и образования. — 2019. — № 7-1. — С. 76–81.

References

1. Syomin P.O. Legal Aspects of Artificial Intelligence and Related Technologies: Rights to Content Created With Machine Learning. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2022, no. 2, pp. 21–32. (In Russian). EDN: HPOJBV.
2. Karpychev V. Yu. The Legal Regulation of Big Data: Just In Case. *Yurist = Jurist*, 2022, no. 4, pp. 68–73. (In Russian). EDN: KFXBKW. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-4-68-73.

3. Dmitriev A.S. Big Data, 4v: Volume, Velocity, Variety, Value. *Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring of Public Opinion*, 2015, no. 2, pp. 156–159. (In Russian).
4. Afanas'eva E.N. *Introduction to Industry 4.0: The Basics of Shaping the Digital Future*. Tomsk, TUSUR Publ., 2021. 93 p.
5. Piletskaya A.V. Artificial Intelligence and Big Data. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 50, pp. 20–22. (In Russian). EDN: PNNGHD.
6. Christensen K. A European solution for Text and Data Mining in the development of creative Artificial Intelligence. *Publicerad i Stockholm IP Law Review*, 2021, no. 2, pp. 18–33.
7. Kol'zdorf M.A. Free Use of Copyright and Related Rights In Big Data Processing. *Zakon = Law*, 2021, no. 5, pp. 142–164. (In Russian). EDN: YOYBOG.
8. Tiunova A.I., Pavlova-Semion Yu.K., Romanova S.K., Bryukhanov P.V., Obolonina Yu.O. Free Use Of Copyrighted and Related Rights Works in the Context of the Development of Digital Technologies on the Example of TDM Technologies. *Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2022, no. 1, pp. 29–58. (In Russian). EDN: GRFWQI.
9. Gracheva D.A. Free Use of Copyright and Related Rights in the Context of the Development of Digital Technologies in the Russian Federation. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Works on Intellectual Property*, 2023, vol. 45, no. 2, pp. 44–52. (In Russian). EDN: MPYQCJ. DOI: 10.17323/tis.2023.17371.
10. Motovilova D.A. Key Provisions of Directive (Eu) 2019/790 on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market. *Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2019, no. 26, pp. 106–120. (In Russian). EDN: DMX-OEH.
11. Krylova M.S. Principles of Processing Personal Data in the European Union Law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2017, no. 10, pp. 175–181. (In Russian). EDN: ZRIRQV. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.83.10.175-181.
12. Tyunin M.V. The Property of Artificial Intelligence to Fit Into the General System of Legal Regulation of Intellectual Property. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Works on Intellectual Property*, 2021, vol. 39, no. 4, pp. 37–41. (In Russian). EDN: KIMIUB. DOI: 10.17323/tis.2021.13503.
13. Artenii L.S. Artificial Intelligence in Copyright Law. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Herald of Science and Education*, 2019, no. 7-1, pp. 76–81. (In Russian). EDN: LBRCCT.

Информация об авторах

Афанасьева Екатерина Нодариевна — кандидат юридических наук, PhD, доцент, кафедра информационного, гражданского права и правового обеспечения инновационной деятельности, старший научный сотрудник проектной научно-исследовательской лаборатории «Развитие средств и методов электронного государства», Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Российская Федерация, afeka@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3885-4357>, SPIN-код: 8587-9508, AuthorID РИНЦ: 590763, ResearcherID: O-8344-2014.

Фурман Дмитрий Дмитриевич — магистрант программы «Право интеллектуальной собственности и цифровые технологии», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, dmitryfurman@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4356-9816>.

Authors

Ekaterina N. Afanasyeva — PhD in Law, Associate Professor, Department of Information, Civil Law and Legal Support of Innovation; Senior Researcher, Project Research Laboratory “E-Government Tools and Methods”, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, afeka@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3885-4357>, SPIN-Code: 8587-9508, AuthorID RSCI: 590763, ResearcherID: O-8344-2014.

Dmitry D. Furman — Master's Degree Student, Program “Intellectual Property Law and Digital Technologies”, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, dmitryfurman@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4356-9816>.

Для цитирования

Афанасьева Е.Н. Правовые аспекты обработки искусственными интеллектуальными системами объектов авторского права в процессе машинного обучения / Е.Н. Афанасьева, Д.Д. Фурман. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1643-1656. — EDN YOZDTD // *Baikal Research Journal*. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1643–1656.

For Citation

Afanasyeva E.N., Furman D.D. Legal Issues of Copyright Objects Processing by AI Systems in the Process of Machine Learning. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1643–1656. (In Russian). EDN: YOZDTD. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1643-1656.

Научная статья

УДК 344.9

EDN YUHDQV

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1657-1664

Б.М. Ващенко *Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация, b_vaschenko@mail.ru*

РОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА

АННОТАЦИЯ. В данной статье описывается, ряд вопросов посвященных роли подразделений, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения, в предотвращении детского дорожно-транспортного травматизма. Автором исследуется вопрос о важности и эффективности деятельности подразделений, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения, в контексте предотвращения детского дорожно-транспортного травматизма. Автор подробно анализирует ключевые аспекты роли этих подразделений в проведении превентивных мер, направленных на снижение риска травмирования детей на дорогах. Обсуждается широкий спектр методов и технологий, включая системы видеонаблюдения, "умные светофоры" и автоматизированные средства фиксации нарушений правил дорожного движения, рассматриваемые как неотъемлемые инструменты повышения безопасности. Автоматизированные средства фиксации нарушений правил дорожного движения дополнительно укрепляют контроль за соблюдением правил, фиксируя нарушения с высокой точностью. Эти технологии в совокупности образуют комплексный подход к обеспечению безопасности, основанный на применении передовых средств и методов. Такое рассмотрение содействует созданию более эффективной системы предотвращения детского дорожно-транспортного травматизма. Автор выделяет важность взаимодействия между подразделениями по обеспечению безопасности и общественными организациями в разработке и реализации эффективных стратегий противодействия детским дорожным травмам. В результате подчеркивается необходимость объединенных усилий для создания безопасной дорожной среды и снижения риска травмирования детей в дорожных ситуациях. В заключении, автор подчеркивает, что только через комплексный подход и внедрение передовых технологий можно обеспечить безопасность детей на дорогах, подчеркивая важность сотрудничества с общественностью для достижения этой важной цели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Безопасность дорожного движения, современные технологии в обеспечении безопасности, «умные светофоры», автоматизированные средства фиксации нарушений, превентивные меры.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 23 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

Б.М. Vashchenko *East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation, b_vaschenko@mail.ru*

THE ROLE OF ROAD SAFETY UNITS IN THE PREVENTION OF CHILD TRAFFIC INJURIES

ABSTRACT. This article describes a number of issues devoted to the role of units responsible for ensuring road safety in the prevention of child road traffic injuries. The author examines the issue of the importance and effectiveness of the activities of units responsible for ensuring road safety in the context of preventing child road

© Ващенко Б.М., 2023

traffic injuries. The author analyzes in detail the key aspects of the role of these units in carrying out preventive measures aimed at reducing the risk of injury to children on the roads. A wide range of methods and technologies are discussed, including video surveillance systems, smart traffic lights and automated means of recording traffic violations, which are seen as integral tools for improving safety. Automated means of recording violations of traffic rules further strengthen control over compliance with the rules, recording violations with high accuracy. Together, these technologies form a comprehensive approach to security, based on the use of advanced tools and techniques. Such consideration contributes to the creation of a more effective system for preventing child road traffic injuries. The author highlights the importance of collaboration between safety departments and community organizations in the development and implementation of effective strategies to combat childhood road traffic injuries. The result highlights the need for concerted efforts to create a safe road environment and reduce the risk of injury to children in road situations. In conclusion, the author emphasizes that only through an integrated approach and the introduction of advanced technologies can the safety of children on the roads be ensured, emphasizing the importance of cooperation with the public to achieve this important goal.

KEYWORDS. Road safety, safety units, prevention of children's road traffic injuries, modern security technologies, video surveillance systems, "smart traffic lights", automated means of fixing violations, preventive measures.

ARTICLE INFO. Received November 23, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

В настоящее время в России наблюдается всеобщий рост числа автотранспортных средств, что приводит к значительному увеличению случаев дорожно-транспортных происшествий (Далее — ДТП) ежедневно. Особенно высоким уровнем травматизма характеризуются дети-пешеходы, так как их участие в дорожном движении обусловлено как их возрастом и недостаточным опытом, так и неопытностью, а также недостатком осведомленности в вопросах дорожной безопасности. Это создает условия для пренебрежения собственной безопасностью при движении по дороге¹.

Изучением вопросов по обеспечению безопасности дорожного движения в профилактике детского дорожно-транспортного травматизма занималось ряд исследователей, таких как С.В. Верзилин, Ю.Н. Калюжный, П.В. Молчанов [1–3].

Так, Ю.Н. Калюжный, рассматривая обеспечение безопасности дорожного движения, через призму взаимодействия ГИБДД МВД России с институтами гражданского общества, понимал под таким взаимодействием «форму социального партнерства, выражающуюся в совместной, согласованной, систематической деятельности» [2].

Таким образом, обеспечение безопасности дорожного движения представляет собой скоординированную совместную, системную деятельность различных служб, подразделений, организаций и предприятий по предупреждению и устранению причин и условий возникновения ДТП.

Более того, взаимодействие по обеспечению безопасности дорожного движения должно базироваться на определенных началах (принципах). Принцип (лат. Principium) — это идея, лежащая в основе. В Толковом словаре С.И. Ожегова [4] под принципом понимается «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения; убеждение, взгляд на вещи; особенность в устройстве чего-нибудь».[4] Согласимся с мнением А.Р. Нобеля, который подчеркивал, что «в юридической науке принципы являются одной из важнейших категорий» [5, с. 12].

¹ О правилах дорожного движения : Постановление Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако, несмотря на совместные усилия ГИБДД и автошкол по обучению и профилактике, статистика ДТП в России остается тревожной. Согласно статистике 2022 г. в России было зарегистрировано 126 705 ДТП, в которых 14 172 чел. погибли и 159 635 получили травмы. С участием несовершеннолетних в возрасте до 18 лет произошло 19 721 ДТП, в которых 749 детей погибли и 21 872 детей получили травмы².

Данная статистика подчеркивает, что проблема дорожной безопасности, особенно среди детей, остается актуальной и требует дополнительных мер по ее решению. Несмотря на совместные инициативы, необходимо продолжать работу над улучшением обучения и предупреждением детской дорожно-транспортной травматизации, а также эффективно внедрять новые подходы и технологии для повышения безопасности на дорогах.

Проблема увеличения детского дорожно-транспортного травматизма (Далее — ДДТТ) часто обусловлена не столько поведением самих детей, сколько небрежностью водителей и родителей. Водители, игнорируя правила перевозки детей, регулярно сталкиваются с трагическими последствиями. Они не только не соблюдают установленные правила дорожного движения, но также пренебрегают требованиями безопасности при перевозке детей.

Данная проблематика акцентирует, что родители не всегда соблюдают правила дорожного движения и, тем самым, могут ставить своих детей в опасность. Это имеет потенциал для возникновения негативных последствий не только для самих родителей, но и для всех участников дорожного движения. Также отмечается, что такое поведение родителей формирует отрицательный образец для детей, который, возможно, будет повторен в будущем. Кроме того, выделяется недостаточное внимание со стороны родителей к обучению своих детей правилам безопасности на дороге, что, в свою очередь, способствует увеличению случаев дорожно-транспортной травматизации среди детей.

На снижение числа ДТП, в том числе и с несовершеннолетними, направлены все силы государств, так как эта проблема всеобщая, результатом которой являются человеческие жертвы, материальный ущерб, вред здоровью населения и другие негативные явления, сказывающиеся на стабильности страны. Именно поэтому в Российской Федерации на сегодняшний день проводится единая государственная политика в области обеспечения безопасности дорожного движения³.

Из вышесказанного следует, что ответственность за предотвращение ДТП несут не только специализированные подразделения, занимающиеся пропагандой в рамках Государственной инспекции безопасности дорожного движения (Далее — ГИБДД), но и все другие подразделения, занимающиеся обеспечением безопасности дорожного движения. В этом контексте подразумевается, что все структуры, связанные с обеспечением безопасности на дорогах, должны активно участвовать в мероприятиях по предотвращению ДДТТ.

Так, например, согласно Приказу МВД № 264 от 02.05.2023 г.⁴ сотрудник ГИБДД МВД РФ должен оказать содействие участникам дорожного движения в передвижении по маршруту следования (п. 45). То есть взаимодействие сотрудников ГИБДД с участниками дорожного движения должно быть не только в виде административно-надзорной деятельности по выявлению и пресечению престу-

² Дорожно-транспортные происшествия. Показатели // gibdd.ru. URL: http://www.gibdd.ru/stat/files/fdtp/1607/1100/1100_1_2_3.xls. (дата обращения: 16.11.2023).

³ О безопасности дорожного движения : Федер. закон от 10 дек. 1995 № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 11.12.1995. № 50. Ст. 4873.

⁴ Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : Приказ МВД России от 02 мая 2023 № 264 // СПС «КонсультантПлюс».

плений и административных правонарушений [6], но также и профилактическое взаимодействие, и даже оказание помощи гражданам.

Несмотря на предпринятые меры, в настоящее время необходимо пересмотреть устоявшиеся отношения между сотрудниками ГИБДД и участниками дорожного движения. Важно, чтобы как представители государственной службы, так и граждане рассматривали друг друга как союзников, направленных на общую цель — снижение числа ДТП и ДДТТ. Эффективная профилактика и безопасность на дорогах зависят от умения сотрудников ГИБДД устанавливать психологический контакт с участниками движения, подчеркивать положительные мотивы безопасного поведения, проявлять внимание и заботу [7]. Конструктивное взаимодействие с водителями и пешеходами содействует не только уровню взаимного доверия, но и обеспечивает эффективные меры по предотвращению дорожных происшествий и повышению общей безопасности на дорогах. Эффективность деятельности дорожно-патрульной службы непосредственно влияет на обстановку с аварийностью на дорогах. От уровня дисциплины среди участников дорожного движения зависит общая безопасность на дорогах, и эта дисциплина в значительной степени формируется мерами и контролем, осуществляемыми дорожно-патрульной службой. Взаимодействие с этими службами напрямую воздействует на снижение случаев аварийности и способствует формированию более безопасной среды на дорогах [8].

Дорожно-патрульная служба ГИБДД МВД РФ также способствует профилактике ДДТТ в очагах аварийности. Очаги аварийности представляют собой места на дороге, где за небольшой промежуток времени случились несколько ДТП, а именно либо три ДТП одного вида, либо пять разного, которые привели к гибели либо получению телесных повреждений людей. Часто очагами аварийности являются места, где проходят частые передвижения детей или их скопление вблизи дорог. В таких местах сотрудники ДПС должны быть начеку для профилактики ДДТТ. Их внимание должно быть направлено не только на установление комплекса необходимых мероприятий архитектурно-планировочного характера, но и организационного [9]. Они должны не только внедрять новые необходимые для данного места дорожные знаки, дорожные ограждения, направляющие устройства, но и указывать детям на их появление, а также учить правильному поведению на дороге в соответствии с ними. Вдобавок ко всему причисленному существуют рейды и акции (комплексные мероприятия), проводимые сотрудниками ГИБДД МВД РФ. В рамках повседневной деятельности экипажи дорожно-патрульной службы, особенно вблизи мест массового отдыха и образовательных учреждений, активно осуществляют контроль за соблюдением требований по детской дорожной безопасности. Они осуществляют остановки транспортных средств для проверки соблюдения правил, особенно в отношении перевозки детей.

Сотрудники Госавтоинспекции проводят профилактические беседы с родителями, напоминая им о важности использования автокресел и ремней безопасности для детей [10]. Они акцентируют внимание на необходимости демонстрации правильного примера в области безопасности на дороге, побуждая взрослых к ответственному отношению к этим вопросам⁵. Такие мероприятия направлены на снижение риска дорожно-транспортных происшествий и обеспечение безопасности детей в транспортных средствах.

⁵ Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения : Приказ МВД России от 29 дек. 2018 г. № 903 // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, на постоянной основе проводятся мероприятия по выявлению детей, передвигающихся без светоотражающих элементов в темное время суток. В рамках данных мероприятий закупаются так называемые «светлячки» — брелки, нашивки, браслеты или другие элементы, которые представляют собой светоотражающий элемент, и вручаются сотрудниками ДПС детям, их не имеющим, вместе с тем с ними проводятся профилактические беседы на эту тему. В свете фар уловить блеск специального браслета или наклейки можно за 400 м — этого расстояния достаточно, чтобы в экстренной ситуации водитель успел среагировать и остановить транспортное средство. К счастью, у большинства детей светоотражающие элементы вшиты в одежду [1].

Правильное обучение водителей в автошколах снижает показатель нарушений ПДД. Ведь профилактика ДДТТ проходит также и среди автолюбителей [11]. Если правила дорожного движения будут соблюдаться всеми участниками дорожного движения, включая водителей, показатель ДДТТ будет снижаться. Автошколы обучают водителей правильному поведению на дороге, также предвидению скрытых угроз, езде в критических ситуациях. А также объясняют будущим водителям всю тяжесть последствий нетрезвого состояния, а также вождению в болезненном и сонном виде. Автошколы повсеместно работают совместно с Госавтоинспекцией. Так, например, на базе некоторых автошкол существуют автоклассы для детей, которые постоянно посещают дети дошкольного и младшего школьного возраста. Занятия в них проводят сотрудники ГИБДД и преподаватели автошкол [2].

Автошкола работает в тесном взаимодействии с ГИБДД [12]. Совместная деятельность осуществляется по следующим направлениям: разработка и реализация предложений и программ по повышению безопасности дорожного движения; проведение на региональном уровне мероприятий по профилактике детского травматизма на автомобильном транспорте (операции «Внимание — дети», «Зеленая волна», «Светофорчик», «Добрая дорога детства», слеты ЮИД «Безопасное колесо» и т.д.), совместное изучение и внедрение опыта работы по профилактике транспортных аварий с участием детей, издание целевой литературы, печатной продукции по пропаганде правил безопасного поведения участников дорожного движения и их обучению, оказание содействия в разработке программ по предупреждению ДДТТ⁶.

Автошкола тесно сотрудничает с ГИБДД, осуществляя совместные действия в нескольких направлениях. Они разрабатывают и внедряют программы по повышению безопасности на дорогах [13], проводят мероприятия для предотвращения детского травматизма в автомобилях на региональном уровне, изучают и внедряют опыт по предотвращению аварий с детьми, а также создают и распространяют литературу и информационные материалы о безопасном поведении на дорогах. Автошкола активно участвует в разработке программ по предупреждению дорожно-транспортных травматизмов [14].

В начале 2022 г., в России одним из современных внедрений явилось использование умных светофоров активно внедряется в ряде городов, данное внедрение в ближайшем будущем должно снизить ДТТ. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани и других крупных городах проводятся пилотные проекты и установка интеллектуальных светофоров для оптимизации управления дорожным движением.

Умные светофоры — технологическая система, способна автоматически адаптировать время светофорных циклов к текущей интенсивности движения. Данная

⁶ Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 08 нояб. 200 г. 7 № 257-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 12.11.2007 г. № 46. Ст. 553.

система использует сенсоры, такие как видеокамеры и радары, для мониторинга потока транспорта, что позволяет оптимизировать режим работы светофоров [15], минимизировать простои и улучшать общую безопасность дорожного движения, обеспечивая более эффективное управление трафиком и снижение риска ДТП.

Таким образом, острота проблемы увеличения уровня ДДТТ в нашей стране волнует не только Госавтоинспекцию РФ, но также и муниципальные органы, общественные объединения и граждан. Только усилиями совместной и комплексной работы уровень ДДТТ возможно снизить. Состояние безопасности дорожного движения в настоящее время представляет собой именно самостоятельную государственную проблему. А снижение нарушений в области БДД, в том числе уровня ДДТТ, возможно лишь в комплексе профилактической и пропагандистской работы всех вышеупомянутых субъектов.

Список использованной литературы

1. Верзилин С.В. Актуальные проблемы совершенствования административного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения / С.В. Верзилин. — DOI 10.18572/2071-1166-2020-9-52-55. — EDN LYVHBQ // Административное право и процесс. — 2020. — № 9. — С. 52–55.
2. Калужный Ю.Н. Взаимодействие Госавтоинспекции МВД России с институтами гражданского общества и гражданами в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / Ю.Н. Калужный. — EDN XOXXAT // NB: Административное право и практика администрирования. — 2017. — № 6. — С. 33–40.
3. Молчанов П.В. Принципы обеспечения безопасности дорожного движения / П.В. Молчанов. — EDN VLZBUV // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 25 (380). — С. 76–81.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов // Толковый словарь Ожегова онлайн. — URL: <https://slovarozhegova.ru>.
5. Нобель А.Р. Значение принципов производства по делам об административных правонарушениях и формы их закрепления // А.Р. Нобель. — DOI 10.7256/2454-0595.2022.1.30812 // Административное и муниципальное право. — 2022. — № 1. — С. 10–15.
6. Афонин В.В. Международный опыт обеспечения безопасности дорожного движения / В.В. Афонин. — EDN VRAPKB // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 1 (43). — С. 50–58.
7. Елагин А.Г. Стратегии обеспечения безопасности дорожного движения / А.Г. Елагин. — EDN YLNCEX // Академическая мысль. — 2018. — № 3 (4). — С. 77–80.
8. Зубак А.А. Административные правонарушения в области дорожного движения / А.А. Зубак. — EDN BQLCMJ // Право. Общество. Государство : сб. статей. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 115–119.
9. Павлова Е.В. Сравнительно-правовой анализ составов административных правонарушений в области дорожного движения, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и проектом кодекса / Е.В. Павлова, Ф.Р. Юсупов. — EDN QDZGHY // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 2 (96). — С. 45–52.
10. Федотова Ю.Г. Спорные вопросы определения объекта административных правонарушений в области дорожного движения (посвящается юбилею профессора Владимира Ивановича Майорова / Ю.Г. Федотова. — EDN EWLIQD // Транспортное право. — 2020. — № 2. — С. 18–22.
11. Конджакулян К.М. Основания административной ответственности за нарушения Правил дорожного движения: понятие и сущность / К.М. Конджакулян. — EDN YPWKAL // Административное право и процесс. — 2018. — № 2. — С. 48–51.
12. Мишина Ю.В. Применение положений малозначительности при рассмотрении административных правонарушений в области дорожного движения / Ю.В. Мишина. — DOI 10.34822/2312-3419-2019-4-103-107. — EDN UCXTES // Вестник Сургутского государственного университета. — 2019. — № 4 (26). — С. 103–107.

13. Шкеля О.В. К вопросу об определении субъекта административного правонарушения в области дорожного движения / О.В. Шкеля. — EDN RLPAKN // Общество и право. — 2019. — № 4 (70). — С. 85–89.

14. Панфилова Е.С. Ответственность за совершение административных правонарушений в области дорожного движения / Е.С. Панфилова. — EDN ESGSQW // Научно-практические исследования. — 2020. — № 9-6. — С. 14–19.

15. Дежурная А.В. Проблемы, базирующиеся на высокой латентности административных правонарушений в области дорожного движения / А.В. Дежурная. — EDN SOTOFT // Вестник магистратуры. — 2020. — № 3-1 (102). — С. 72–74.

References

1. Verzilin S.V. Relevant Issues of the Improvement of Administrative Supervision in Ensuring Road. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2020, no. 9, pp. 52–55. (In Russian). EDN: LYVHBQ. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-9-52-55.

2. Kalyuzhnyi Yu.N. Interaction of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia with Civil Society Institutions and Citizens in the Field of Ensuring Road Safety. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = NB: Administrative Law and Administration Practice*, 2017, no. 6, pp. 33–40. (In Russian). EDN: XOXKAT.

3. Molchanov P.V. The Principles of Ensuring Road Safety. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 25, pp. 76–81. (In Russian). EDN: VLZBUB.

4. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. *Ozhegov's Explanatory Dictionary Online*. Available at: <https://slovarozhegova.ru>. (In Russian).

5. Nobel' A.R. The Importance of the Principles of Proceedings in Cases of Administrative Offenses and the Forms of Their Consolidation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2022, no. 1, pp. 10–15. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0595.2022.1.30812.

6. Afonin V.V. International Experience in Ensuring Road Safety. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*, 2016, no. 1, pp. 50–58. (In Russian). EDN: VRAPKB.

7. Elagin A.G. Traffic Security Strategies. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2018, no. 3, pp. 77–80. (In Russian). EDN: YLNCX.

8. Zubak A.A. Traffic Administrative Offences. *Pravo. Obshchestvo. Gosudarstvo. Collected Papers*. Saint Petersburg, 2020, pp. 115–119. (In Russian). EDN: BQLCMJ.

9. Pavlova E.V., Yusupov F.R. Comparative Legal Analysis of the Composition of Administrative Offenses in the Field of Traffic Provided For By the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Draft Code. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*, 2022, no. 2, pp. 45–52. (In Russian). EDN: QDZGHY.

10. Fedotova YU.G. Challenging Issues of the Determination of an Object of Administrative Offenses in the Traffic Sector (Dedicated to the Anniversary of Professor Vladimir I. Mayorov). *Transportnoe pravo = Transportation Law*, 2020, no. 2, pp. 18–22. (In Russian). EDN: EWLIQD.

11. Kondzhakulyan K.M. Grounds for Administrative Liability for Road Traffic Offences: the Notion and Essence. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2018, no. 2, pp. 48–51. (In Russian). EDN: YPWKAL.

12. Mishina Yu.V. Application of Provisions of Insignificance in Considering Administrative Traffic Offences. *Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 103–107. (In Russian). EDN: UCXTES. DOI: 10.34822/2312-3419-2019-4-103-107.

13. Shkelya O.V. To the Issue of Determining the Subject of an Administrative Offense in the Field of Traffic. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2019, no. 4, pp. 85–89. (In Russian). EDN: RLPAKN.

14. Panfilova E.S. Responsibility for Committing Administrative Offenses in the Field of Traffic. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya = Scientific and practical research*, 2020, no. 9-6, pp. 14–19. (In Russian). EDN: ESGSQW.

15. Dezhurnaya A.V. Problems Based on the High Latency of Administrative Offenses in the Field of Traffic. *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*, 2020, no. 3, pp. 72–74. (In Russian). EDN: SOTOFT.

Информация об авторе

Ващенко Борис Михайлович — кандидат юридических наук, заместитель начальника, кафедра административного права и административной деятельности в ОВД, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, b_vaschenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-3259>, SPIN-код: 3149-5665, AuthorID РИНЦ: 1026218.

Author

Boris M. Vashchenko — PhD in Law, Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, b_vaschenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-3259>, SPIN-Code: 3149-5665, AuthorID RSCI: 1026218.

Для цитирования

Ващенко Б.М. Роль подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения в профилактике детского дорожно-транспортного травматизма / Б.М. Ващенко. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1657-1664. — EDN YUHDQV // *Baikal Research Journal*. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1657–1664.

For Citation

Vashchenko B.M. The Role of Road Safety Units in the Prevention of Child Traffic Injuries. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1657–1664. (In Russian). EDN: YUHDQV. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1657-1664.

Научная статья

УДК 343.281

EDN RNWVVY

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1665-1671

Н.Т. Яралиев*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, yaraliev1998@mail.ru*

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается состояние теории и практики института условного осуждения в отечественном уголовном праве: его нормативная правовая основа и практика применения. Делается вывод о том, что причины невысокой эффективности этой традиционной для российского уголовного права меры уголовно-правового характера при весьма стабильных и значительных масштабах ее применения кроются, во-первых, в безосновательном назначении условного осуждения к лицам, совершившим преступление, по своим социально-правовым характеристикам его не заслуживающим, а, во-вторых, в отсутствии необходимых для такой серьезной льготы уголовно-правового характера требований к поведению условно осужденного в период испытательного срока. Реальная ситуация такова, что, если условно осужденный не совершает нового преступления в период испытательного срока, суд обычно даже не вспоминает о его существовании. Как результат — никаких зримых уголовно-правовых последствий совершения преступления для условно осужденного, за исключением возмещения причиненного преступления вреда (полного или частичного), ни фактически, ни юридически не наступает. Устранение этих причин на правоприменительном уровне невозможно, необходимо изменение законодательной регламентации этой меры уголовно-правового характера с ориентацией ее на осужденных, способных реально оправдать оказанное им доверие в виде условного неприменения назначенного наказания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Наказание, условное осуждение, мера уголовно-правового характера, испытательный срок, льгота, осужденные.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 07 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

N.T. Yaraliev*Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, yaraliev1998@mail.ru*

ON IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF PROBATION

ABSTRACT. The article considers the state of theory and practice of the institution of probation in domestic criminal law: its normative legal basis and practice of application. It is concluded that the reasons of the low effectiveness of this traditional criminal law measure of a criminal nature, with a very stable and significant scale of its application, lie, firstly, in the unjustified imposition of a suspended sentence on persons who have committed a crime, which, according to their socio-legal characteristics, do not deserve it, and, secondly, in the absence of the requirements necessary for such a serious benefit of a criminal law nature for the behavior of a probationer during the probation period. The real situation is that if a probationer does not commit a new crime during the probation period, the court usually does not even remember its existence. As a result, there are no visible criminal consequences of committing a crime for a probationer, except for compensation for the damage caused by the crime (in full or in part), neither actually nor legally occurs. The elimination of these reasons at the law enforcement level is impossible, it is necessary to change the legislative regulation of this measure of a criminal law nature with its orientation

© Яралиев Н.Т., 2023

towards convicts who can actually justify their trust in the form of conditional non-use of the sentence imposed.

KEYWORDS. Punishment, suspended sentence, measure of a criminal nature, probation, benefit, convicts.

ARTICLE INFO. Received September 28, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

В структуре мер уголовно-правового характера, назначаемых при постановлении обвинительного приговора суда, одно из ведущих мест традиционно занимает та, которая называется «условное осуждение» (ст.73 УК РФ). До 2014 г. включительно эта мера занимала первое место по количеству осужденных к ней, с 2015 г. по настоящее время — стабильно второе, уступая только реальному лишению свободы. По итогам 2022 г. удельный вес условно осужденных в общем количестве составлял 28,6 %, реально лишенных свободы — 28,9 %¹.

На протяжении практически всего периода существования в отечественном уголовном законодательстве при весьма высоком уровне востребованности в правоприменении законодательная регламентация условного осуждения вызывала полемику среди специалистов, нередко с диаметрально противоположными ее оценками, как и условного осуждения в целом. Такая ситуация в теории уголовного права сохранилась и по сей день. Так, по мнению М.В. Лифанова и Р.И. Байбурина, институт условного осуждения является эффективным, отвечает принципам справедливости и гуманизма, а также целям общей и частной превенции [1]. С.В. Шевелева пишет о том, что, «в механизме достижения целей условного осуждения наиболее важное значение имеет угроза его отмены и приведения основного наказания в исполнение. Объективно она выступает тормозом антиобщественной активности и одновременно средством, побуждающим осужденного к исправлению, правопослушному поведению» [2]. По мнению же С.А. Петрова, применение условного осуждения, наоборот, отдаляет нас от указанных целей. Реалии таковы, что условное наказание назначается тогда, когда нет препятствий для его назначения, предусмотренных в ч. 1 ст.73 УК РФ. Вывод о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания зачастую ничем не обосновывается и, «как правило, является надуманным». Поэтому институт условного осуждения следует исключить, а вместо него необходимо использовать наказания, не связанные с лишением свободы, с последующей их заменой на реальное лишение свободы, если они осужденными не исполняются. «Как поощрение не может быть условным, так и наказание не должно быть условным» [3].

В целом соглашаясь с критической оценкой условного осуждения, высказанной С.А. Петровым, все же заметим, что поощрение в уголовном праве может быть условным. Это с полным основанием можно сказать, например, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), т.е. о той ситуации, когда осужденный досрочно освобождается от отбывания (полного исполнения) назначенного судом наказания под условие: в течение оставшейся не отбытой части наказания исполнять обязанности, возложенные на него судом при применении условно-досрочного освобождения, а равно назначенные судом принудительные меры медицинского характера, (п. «а» ч. 7 ст. 73); не совершать в названный период деяния, указанные в п. «б», «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ. При этом среди специалистов уже давно считается нормой рассматривать и сам акт условно-досрочного освобождения, и следующее за ним сокращение сроков погашения

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы и 2008–2022 годы. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: sdep.ru. (Дата обращения: 21.10.2023).

судимости (ч. 4 ст. 86 УК РФ) самой желанной мерой для осужденного и именовать ее никак иначе как «поощрение» [4–6]. В случае, предусмотренном ст. 73 УК РФ, суд принимает решение о неприменении назначенного им наказания взамен на выполнение осужденным в будущем возложенных на него обязанностей и законопослушное поведение. Как отмечается в этой связи в литературе, условные меры уголовно-правового характера по своей юридической природе и социально-правовому значению носят льготный характер, причем, порой характер опережающего заслугу поощрения [7]. Другой вопрос: *соответствует ли предоставляемая льгота, в данном случае — в виде условного осуждения, совершенному преступлению и лицу, его совершившему?*

Не совсем обоснованными представляются и призывы С.А. Петрова назначать вместо условного осуждения наказания, не связанные с изоляцией от общества. Как показывает практика, с такими мерами уголовно-правового характера также не все однозначно и просто. По итогам первого полугодия 2023 г. в отношении одной трети осужденных к основным наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (предусмотренным ст. 46, 49, 50, 53, 53¹ УК РФ), от уголовно-исполнительных инспекций (ст. 46 УК РФ — судебных приставов-исполнителей) поступили ходатайства о замене назначенного им наказания более строгим видом наказания (около 36 %) ². И причина тому банальна: уклонение, злостное уклонение осужденного от исполнения наказания, назначенного по обвинительному приговору суда.

Что же касается позиции С.В. Шевелевой, то она заслуживает более серьезного внимания.

Вслед за многими авторами следует повторить еще раз: осуждение, о котором идет речь в ст. 73 УК РФ, является вполне реальным и безусловным [8; 9]. Оно по определению не может быть условным, поскольку это обязательная составляющая содержания уголовной ответственности, что подтверждает Пленум Верховного Суда РФ, давая определение последней в п.1 постановления от 27.06.2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» ³. В этом аспекте осуждение, официальное порицание преступления и лица, его совершившего, выступает предпосылкой для назначения любой меры уголовно-правового характера, связанной с наказанием. И содержание ст. 73 УК РФ, на наш взгляд, лишь подтверждает сказанное: в установленном законом порядке осудив лицо, признанное виновным в совершении преступления, суд назначает ему наказание конкретного вида и размера, после чего постановляет считать его условным, т.е. не исполнять в течение испытательного срока, обременив при этом осужденного рядом требований. Выполнение этих требований оправдывает принятое судом решение, не выполнение — ставит его под сомнение.

С.В. Шевелева полагает, что угроза отмены условного осуждения и приведения основного наказания в исполнение выступает тормозом антиобщественной активности и одновременно средством, побуждающим осужденного к исправлению, правопослушному поведению. Однако насколько реальна такая угроза, если *суд, однажды постановивший считать назначенное наказание условным, более вообще не возвращается к этому вопросу*, при условии, конечно, что условно осужденный выполнит возложенные на него обязанности (ч. 2 ст. 74 УК РФ) или не совершит деяния, названные в ч. 3–5 ст. 74 УК РФ. Парадокс ведь в том, что бесспорным ос-

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Ф.1). Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: cdep.ru. (Дата обращения: 10.10.2023).

³ БВС РФ. 2013. № 8.

нованием отмены условного осуждения выступает совершение только умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 74 УК РФ), а правоприменитель не останавливается и на этом, разъясняя, что «Отмена условного осуждения при постановлении приговора, по которому наказание назначается с применением ст. 70 УК РФ, не образует рецидива преступлений»⁴, а «при постановлении приговора об условном назначении наказания в виде лишения свободы вид исправительного учреждения не указывается»⁵, т.е. тем самым как бы презюмируется, что в этом не будет никакой необходимости в будущем. Таким образом, с юридической точки зрения условное осуждение по характеру лишений и ограничений, образующих его содержание, менее всего напоминает меру уголовно-правового характера, назначаемую почти к каждому третьему осужденному безотносительно категории совершенного им преступления. *Требования к поведению условного осужденного в период испытательного срока никак не соразмерны с ограничениями и лишениями, составляющими содержание назначенного уголовного наказания, неисполняемого со ссылкой на эти требования. Условное осуждение представляет собой чрезмерную льготу уголовно-правового характера, предоставляемую авансом и граничащую с безответственностью за содеянное.*

Закон не предусматривает никаких требований к преступлению и лицу, его совершившему, для того, чтобы претендовать на условное осуждение. Данная констатация вытекает из анализа содержания ст. 73 УК РФ. Из содержания ч. 1 этой статьи следует, что ограничения в применении этой меры установлены не по кругу лиц и совершенных ими преступлений, а по кругу видов наказаний, даже не предусмотренных за совершенное преступление, а фактически назначенных в этой связи (исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы). Анализ названных видов наказания через призму ст. 44 УК РФ дает основание полагать об отсутствии вообще какой-либо логики в их подборе законодателем: они не соотносимы ни по степени суровости, ни по характеру лишений и ограничений, составляющих их содержание. Это вывод еще более очевиден с учетом установленного в законе дополнительного требования в отношении наказания в виде лишения свободы: для того, чтобы осужденный мог претендовать на условное осуждение, оно не должно назначаться на срок свыше восьми лет. Заметим, что этому требованию соответствует около 90 % осужденных к наказанию в виде реального лишения свободы. Но тогда следует сделать и еще один вывод: *назначение условного осуждения никак не коррелирует ни со степенью тяжести совершенного преступления (а, соответственно, и с категорией преступления), ни с характером его общественной опасности.* Данный вывод, на наш взгляд, подтверждается и набором преступлений, с совершением которых, по мнению законодателя, назначение условного осуждения не допустимо (п. «а», «а.1)», «б», «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ). В этой связи С.А. Петров неточен только в одном, когда утверждает, что «условное наказание назначается тогда, когда нет препятствий для его назначения, предусмотренных в ч. 1 ст. 73 УК РФ»: эта мера *может* назначаться во всех случаях, за исключением предусмотренных в ст. 73 УК РФ.

Если условиями назначения условного осуждения выступают указание на определенный вид фактически назначенного наказания и несовершение преступления из разряда тех, которые названы в п. «а», «а.1)», «б», «в» ч.1 ст. 73 УК РФ, то основание условного осуждения вообще никак не формализовано — это вывод суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 № 58 (ред. от 18 дек. 2018) (п.45) // БВС РФ. 2016. № 2.

⁵ Там же. П.61.

наказания. На чем может и должен быть основан такой вывод закон не отвечает, что, в свою очередь, пытается сделать правоприменитель, правда не всегда единообразно. Так, в одном из кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.04.2023 г. № 38-УД23-4-А1 просто констатируется: «В соответствии с ч. 1 ст. 73 УК РФ условное осуждение применяется в отношении лиц, которым назначено в частности лишение свободы на срок до восьми лет, исправление которых возможно без реального отбывания наказания»⁶. В связи с такими решениями невольно возникает вопрос: либо закон несовершенен, либо несовершенна практика его применения? Более развернутая аргументация рассматриваемого решения приводится в одном из определений Конституционного Суда РФ, когда отмечается, что в основе вывода суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания лежит учет «характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств»⁷. Как учитываются названные обстоятельства в судебной практике?

Как свидетельствует судебная статистика, по итогам 2022 г. 40 % осужденных с применением ст. 73 УК РФ — это осужденные за тяжкие преступления (32,3 % — за преступления небольшой тяжести, 27 % — за преступления средней тяжести, 0,7 % — за особо тяжкие преступления). Около 15 % условно осужденных совершили преступление в группе, в то время как в общем количестве осужденных удельный вес таких осужденных 12,3 %.

Что касается учета личности виновного, которому назначается условное осуждение, то здесь интересны такие данные. По итогам 2022 г. одна треть условно осужденных (37,5 %) имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения (в общем количестве осужденных значение этого показателя равно 38,5 %). Из них около 21 % имели две, а 16 % три и более судимостей; только около половины полностью отбыли наказание по последней судимости, около 40 % не отбыли наказание по последней судимости. В общем количестве условно осужденных около 17 % признаны совершившими преступление при рецидиве. И еще об одной характеристике: около 60 % условно осужденных — это трудоспособные лица без постоянного источника дохода⁸.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что назначение условного осуждения нередко происходит без должного учета, как минимум, степени общественной опасности совершенного преступления (которая как раз и отражается в категории преступления) и личности подсудимого. В совокупности с другими обстоятельствами, отрицательно характеризующими законодательную регламентацию этой меры уголовно-правового характера и практику ее назначения, мы имеем следующие результаты.

Общее количество осужденных с применением ст. 73 УК РФ в 2022 г. составило 172 257 чел. В отношении 87 226 осужденных условно в суды поступили ходатайства от уголовно-исполнительных инспекций о продлении срока условного осуждения на основании ч. 2 ст. 74 УК РФ, 74 472 таких ходатайств были удовлетворены, что составило 43,2 % от первого показателя. В этот же отчетный

⁶ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Германова Дениса Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой ст. 74 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 № 790-О (Документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (Ф.10.1), Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления (Ф.11). Сводные статистические сведения о состоянии судимости за 2022 год. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: cdep.ru. (Дата обращения: 10.10.2023).

период в суды поступило 40 452 ходатайства об отмене условного осуждения на основании ч. 2¹–4 ст. 74 УК РФ, из которых удовлетворено 15 801 ходатайство (около 9 % от первого показателя).

На основании изложенного полагаем возможным сделать вывод о том, что причины невысокой эффективности условного осуждения при весьма значительных масштабах применения этой меры уголовно-правового характера кроются, во-первых, в применении ее к лицам, не заслуживающим такой льготы уголовно-правового характера, а, во-вторых, в отсутствии должного стимула в ее исполнении и судебного порядка рассмотрения итогов испытательного срока. Представляется, что устранение этих причин на правоприменительном уровне невозможно, на что неоднократно обращалось внимание в специальной литературе [10–12]. Поэтому необходимо изменение законодательной регламентации этой меры уголовно-правового характера с ориентацией ее на осужденных, способных реально оправдать оказанное им доверие в виде условного неприменения назначенного наказания.

Список использованной литературы

1. Лифанов М.В. Правовая природа условного осуждения / М.В. Лифанов, Р.Н. Байбурин. — EDN XIFFWJ // Символ науки: международный научный журнал. — 2019. — № 11. — С. 73–75.
2. Шевелева С.В. Условное осуждение как превентивная мера в уголовном законодательстве / С.В. Шевелева. — EDN NURUMH // Российская юстиция. — 2011. — № 4. — С. 17–20.
3. Петров С.А. Необходим ли институт условного осуждения? / С.А. Петров. — EDN SENCRE // Законность. — 2022. — № 7. — С. 46–50.
4. Чулунов Е.А. Уголовное наказание в виде исправительных работ в зарубежных странах / Е.А. Чулунов. — DOI 10.18572/2072-4438-2023-3-15-17. — EDN GQGJHX // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2023. — № 3. — С. 15–17.
5. Шевелева С.В. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации / С.В. Шевелева, В.А. Можайкина. — DOI 10.18572/2072-4438-2023-3-15-17. — EDN GQGJHX // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — № 4. — С. 722–753.
6. Селиверстов В.И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере лишения свободы: новации 2015 года / В.И. Селиверстов. — DOI 10.17803/1729-5920.2016.118.9.188-204. — EDN XQWVOX // Lex russica. — 2016. — № 9. — С. 188–204.
7. Звечаровский И. Условные меры уголовно-правового характера / И. Звечаровский, А. Амичба. — EDN KHGCB0 // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 48–50.
8. Эрхитуева Т.И. Условное осуждение: юридическая природа, основания применения и порядок исполнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.И. Эрхитуева. — Иркутск, 2007. — 27 с.
9. Губайдуллина Э.М. Условное осуждение в системе мер уголовно-правового характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.М. Губайдуллина. — Казань, 2015. — 27 с.
10. Агзамов И.М. Условное осуждение (проблемы правовой регламентации и исполнения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.М. Агзамов. — Москва, 2005. — 28 с.
11. Шарипов Т.Ш. Условное осуждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.Ш. Шарипов. — Москва, 1992. — 21 с.
12. Макарова В.В. Преступления, совершаемые условно осужденными: современное состояние и основные направления профилактики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, специальность 12.00.08 уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / В.В. Макарова. — DOI 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).1.083-097. — EDN GICCQJ // Уголовно-исполнительное право. — 2020. — Т. 15 (1–4), № 1. — С. 83–97.

References

1. Lifanov M.V., Baiburin R.N. Legal Nature of the Suspended Sentence. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = Symbol of science: international scientific journal*, 2019, no. 11, pp. 73–75. (In Russian). EDN: XIFFWJ.
2. Sheveleva S.V. Suspended Sentence as a Preventive Measure in Criminal Law. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2011, no. 4, pp. 17–20. (In Russian). EDN: NURUMH.
3. Petrov S.A. Is the Institution of Suspended Sentence Necessary? *Zakonnost' = Legality*, 2022, no. 7, pp. 46–50. (In Russian). EDN: SENCRE.
4. Chulunov E.A. Criminal Punishment in the Form of Correctional Labor in Foreign Countries. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Correctional System: Law, Economy, Management*, 2023, no. 3, pp. 15–17. (In Russian). EDN: GQGJHX. DOI: 10.18572/2072-4438-2023-3-15-17.
5. Sheveleva S.V., Mozhaikina V.A. The Principle of the Inevitability of Punishment in Penal Enforcement La W: From Declaration to the Possibility of Implementation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2021, no. 4, pp. 722–753. (In Russian). EDN: JGSXTF. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-722-753.
6. Seliverstov V.I. Criminal and Criminal Enforcement Policy in the Sphere of Enforcement of Imprisonment: Novations in 2015. *Lex russica*, 2016, no. 9, pp. 188–204. (In Russian). EDN: XQWVOX. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.118.9.188-204.
7. Zvecharovskii I., Amichba A. Non-Custodial Measures of Criminal Nature. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2020, no. 5, pp. 48–50. (In Russian). EDN: KHGCBO.
8. Ehrkhitueva T.I. *Suspended Sentence: Legal Nature, Grounds of Application and Execution. Cand. Diss. Thesis*. Irkutsk, 2007. 27 p.
9. Gubaidullina Eh.M. *Suspended Sentences in the Criminal Justice System. Cand. Diss. Thesis*. Kazan', 2015. 27 p.
10. Agzamov I.M. *Suspended Sentence (Problems of Legal Regulation and Enforcement). Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2005. 28 p.
11. Sharipov T.Sh. *Suspended Sentence. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1992. 21 p.
12. Makarova V.V. Official Opponent's Review of the Thesis By Valentina Vladimirovna Makarova on the Topic "Crimes Committed By Parolees: Current State and Main Directions of Prevention", Submitted For the Degree of Phd (Law) in the Specialty 12.00.08 Criminal Law and Criminology; Penal Law. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 83–97. (In Russian). EDN: GICCQJ. DOI: 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).1.083-097.

Информация об авторе

Яралиев Нариман Тофикович — соискатель, кафедра уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация; помощник прокурора Заднепровского района, г. Смоленск, Российская Федерация, yaraliev1998@mail.ru.

Author

Nariman T. Yaraliev — PhD Degree Applicant, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation; Assistant Prosecutor of the Zadneprovsky District, Smolensk, Russian Federation, yaraliev1998@mail.ru.

Для цитирования

Яралиев Н.Т. О повышении эффективности условного осуждения / Н.Т. Яралиев. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1665-1671. — EDN RNWVVY // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1665–1671.

For Citation

Yaraliev N.T. On Improving the Effectiveness of Probation. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1665–1671. (In Russian). EDN: RNWVVY. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1665-1671.

Научная статья

УДК 343.13

EDN RELXRT

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1672-1680

С.В. Лукошкина*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, lukoshkina@list.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АННОТАЦИЯ. Закономерность включения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации заключений и показаний эксперта и специалиста в качестве источников доказательств обусловлена стремительно развивающейся сферой специальных знаний, достижений науки, техники, ремесел, цифровых технологий. Современный уголовный процесс невозможно представить без участия таких участников уголовного судопроизводства как эксперт и специалист. Вместе с тем, если правовой статус эксперта, а также формы его участия в уголовном деле в законодательстве имеет в большей степени завершенный характер, то по оценкам многих исследователей, правовой статус специалиста и формы его участия сложно признать завершенным. Автором статьи проведено исследование норм действующего уголовно-процессуального законодательства относительно достаточности объема правового регулирования правового статуса специалиста и вопросов форм его участия в уголовном судопроизводстве и определена его недостаточность. Наиболее проблемным вопросом, по мнению автора, является проблема определения формы заключения эксперта, так как законодатель обходит вопросы правового регулирования формы заключения специалиста. В свою очередь, это вызывает проблемы применения на практике, и, как следствие, снижает эффективность и потенциал применения специальных знаний в виде привлечения специалиста. Автор на основании проведенного исследования предлагает понятие и структуру формы заключения специалиста как возможный вариант совершенствования формы его участия в уголовном судопроизводстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовное судопроизводство, доказательства, эксперт, специалист, заключение эксперта, заключение специалиста, форма заключения специалиста.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 10 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

S.V. Lukoshkina*Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, lukoshkina@list.ru*

PROBLEMS OF CONCEPTUAL APPARATUS AND LEGAL REGULATION OF THE FORM OF EXPERT OPINION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ABSTRACT. The regularity of inclusion in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of conclusions and testimonies of an expert and a specialist as sources of evidence is due to the rapidly developing field of special knowledge, achievements of science, technology, crafts, digital technologies. It is impossible to imagine a modern criminal process without the participation of such participants in criminal proceedings as an expert and a specialist. At the same time, if the legal status of the expert, as well as the form of his participation in a criminal case in the legislation, is more complete, then according to many researchers, the legal status of the specialist and the form of his/her participation is difficult to recognize completed. The author of the article conducted a study of the norms of the current criminal procedure legislation regarding the sufficiency of the volume of legal regulation of the legal status of a specialist and issues of the forms of his/her

© Лукошкина С.В., 2023

participation in criminal proceedings and determined his insufficiency. The most problematic issue, according to the author, is the problem of determining the form of the expert's opinion, since the legislator bypasses the issues of legal regulation of the form of the expert's opinion. In turn, this causes problems of application in practice, and, as a result, reduces the effectiveness and potential of applying special knowledge in the form of involving a specialist. Based on the study, the author proposes the concept and structure of the specialist's opinion form as a possible option for improving the form of his/her participation in criminal proceedings.

KEYWORDS. Criminal proceedings, evidence, expert, specialist, expert's opinion, specialist's opinion, specialist's opinion form.

ARTICLE INFO. Received November 10, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Введение

Необходимость использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний с целью доказывания, не вызывает сомнений. Законодатель, регулируя сферу применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, предусматривает различные возможности их применения — в качестве процессуальной и не процессуальной формы, в виде показаний и заключений эксперта и специалиста, что в итоге должно обеспечить реализацию такого ключевого принципа уголовного судопроизводства как состязательность сторон [1, с. 94]. Следует согласиться с точкой зрения Н.Н. Егорова и А.А. Протасевича о том, что «Заключение и показания эксперта являются основной исторически сложившейся формой использования специальных знаний на стадии предварительного расследования» [2, с. 107].

Законодатель определяет специалиста как «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, далее — УПК РФ).

Специалист относится к иным участникам уголовного судопроизводства, выполняющим вспомогательную функцию, занимающими независимую позицию относительно предмета правового конфликта, но оказывающим независимую помощь в его разрешении путем дачи заключения, показаний, либо иной форме, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством. Специалист, в силу обладания специальными знаниями, может привлекаться не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии проверки сообщения о преступлении и возбуждении уголовного дела [3, с. 38], что повышает значимость данного участника уголовного судопроизводства как возможный источник доказательств, так как целью применения специальных знаний в любом виде направлено на выявление наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для дела [4, с. 18].

Основные результаты исследования

Важность и значимость участия в уголовном судопроизводстве такого участника как специалист не оспаривается; вместе с тем, научное сообщество фактически единогласно говорит о недостаточности объема правового регулирования его статуса. И если относительно его участия в следственных действиях не возникает проблем, так как это является устоявшимся способом применения специальных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

знаний в уголовном судопроизводстве [5, с. 29], то относительно заключения специалиста, в теории уголовного процесса и на практике возникает много вопросов.

В частности, вызывает много вопросов формулировка законодателя в части невозможности отказа в приглашении к участию дела специалиста только по ходатайству стороны защиты (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ), возможности общения и взаимодействия специалиста с другими участниками уголовного судопроизводства, объем его прав и обязанностей, вопросы предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, показаний, за отказ о дачи показаний, в целом вопросов юридической ответственности специалиста и т.д.

Более того, включение заключения специалиста в систему доказательств, неоднозначно было воспринято научным сообществом, так как не все ученые оценивают доказательственное значение данного документа. Например, С.А. Шейфер, исходя из теории формальных доказательств, полагает, что включение в УПК РФ заключения специалиста, является попыткой законодателя отойти от сложившегося подхода к заключению эксперта как к доказательству, имеющему более высокий приоритет и заранее установленную доказательственную силу. Соответственно, заключение специалиста имеет своей целью выявить неполноту, проблемные вопросы и необоснованность примененной методики и, как следствие, его выводов [6, с. 170]. Такое мнение разделяют многие исследователи, в результате чего ими в целом оспаривается возможность признания заключения специалиста как отдельного и самостоятельного вида доказательства [7, с. 49]. Несмотря на различия заключения эксперта и специалиста, законодатель не отдает приоритет какому-либо из них, не выделяет особый характер заключения эксперта и не отдает предпочтение заключению эксперта или специалиста, так как любое доказательство не обладает заранее установленной юридической силой и подлежит оценке на основе внутреннего убеждения субъекта доказывания в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона.

Неоднозначность научных суждений относительно правовой природы заключения специалиста как самостоятельного вида доказательств, приводит к тому, что на практике оно не имеет значительного распространения, за исключением случаев привлечения специалистов органами, осуществляющими функцию предварительного расследования и судом.

Проблемой института участия специалиста в уголовном судопроизводстве является неполнота нормативного закрепления форм участия специалиста в уголовном судопроизводстве. Статья 58 УПК РФ, определяя статус специалиста, указывает, что специалист как участник уголовного судопроизводства оказывает содействие в обнаружении, закреплении и изъятии документов, применение технических средств, в постановке вопросов эксперту, разъясняет вопросы, входящие в его компетенцию, но при этом, не перечисляет формы его участия. Фактически, остается открытым вопрос процессуального закрепления результатов участия специалиста в уголовном деле.

С одной стороны, данный вопрос раскрывается в подп. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, где законодатель прямо называет доказательствами заключение и показания эксперта, что получает последовательное развитие в ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ, содержащих понятие заключения и показаний специалиста. Вместе с тем, системный анализ норм уголовно-процессуального законодательства не дает ответ о соотношении форм участия специалиста, перечисленных в ст. 74 и 80 УПК РФ со способами реализации им специальных знаний в уголовном процессе, указанных в ст. 58 УПК РФ.

Является ли помощь специалиста в формулировании вопросов, которые должны быть поставлены на разрешение эксперта такой формой как показания или

заключение? В какую форму должно быть облечено компетентное мнение специалиста по вопросу, который входит в предмет его специальных знаний — показания или заключение? В каких случаях дается именно заключение специалиста? На эти и другие вопросы ответы в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют.

Более того, отсутствует собственно наименование деятельности специалиста, аналогичной той, что в уголовном судопроизводстве именуется экспертизой. Какой термин применим в данном случае? Данный вопрос законодателем не разъясняется, среди исследователей также отсутствует единая точка зрения. Например, В.М. Быков, рассматривая проблему внесения соответствующих изменений в УПК РФ, полагает, что заключение специалиста является консультацией (суждением) специалиста в письменном виде [8, с. 21]. Ю.К. Орлов полагает, то заключение специалиста — это иной документ, имеющий отличия от заключения эксперта, и в качестве такового следует называть справку, консультацию и др. [9, с. 57].

Следует согласиться точкой зрения С.Б. Россинского о том, что такую деятельность нельзя именовать исследованием, так как специалист как такового исследования не проводит, а выводы, содержащиеся в его заключении, основаны на субъективном суждении (мнении) относительно вопросов, поставленных на его разрешения в области его специальных знаний, и он не основывается на научных методах, закон не обязывает специалиста ссылаться на исследования других авторов в этой же области и в принципе не упоминает критерий научности как обязательное требование к заключению специалиста. С другой стороны, исследование является принадлежностью не только экспертного исследования, но и других элементов уголовно-процессуальной деятельности, обладающей такой качественной характеристикой как познание [10, с. 114–116].

Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство не дает ответа на вопрос о том, каким образом органы предварительного расследования и стороны, которые решили использовать заключение специалиста, могут его получить ввиду того, что в нормах УПК РФ отсутствует следственное действие или процессуальное решение, инициирующее получение заключения эксперта.

Проблему приобщения заключения специалиста к материалам уголовного дела, К.В. Степанов и М.А. Малина предлагают решить путем использования такого средства процессуализации, как допрос специалиста [11, с. 146]. Полагаем возможным не согласиться с данной точкой зрения, так как показания и заключение являются различными по своей правовой природе и содержанию доказательствами, каждое из которых имеет самостоятельное значение. Действительно, в ряде случаев допрос допустимо использовать как средство процессуализации доказательств, но только таких, происхождение которых должно быть достоверно установлено, например, допрос свидетеля относительно вещественных доказательств. Думается, что в качестве средства процессуализации заключения специалиста, представленного сторонами, достаточно ходатайства заинтересованного лица о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела.

Относительно вопроса о том, в каком случае может быть получено заключение специалиста, а в каком — он должен быть допрошен, полагаем, что он может быть рассмотрен следующим образом. В тех случаях, когда специалист может оформить свое суждение относительно задаваемых ему вопросов в письменном виде, с указанием реквизитов организации, принадлежности к которой определяется его профессиональной деятельностью, либо выступать от собственного имени с подтверждением рода деятельности, речь можно вести о заключении специалиста. В тех случаях, когда мнение специалиста нельзя облечь в письменную форму с указанием реквизитов и сведений, перечисленных выше, его суждение должно быть озвучено в деле при помощи допроса.

Следующим пробелом в регулировании деятельности специалиста является отсутствие законодательно регулируемой формы его заключения. Полагаем, во многом это связано с тем, что закон отводит специалисту вспомогательную, информационно-консультативную роль в уголовном процессе, в связи с чем сказывается и на полноте нормативно-правового регулирования. С другой стороны, учитывая публичный характер уголовного судопроизводства, произвольность формы заключения специалиста, которое может быть принято в качестве доказательства, недопустимо.

В соответствии с частью 3 статьи 80 УПК РФ, законодатель под заключением специалиста понимает «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Данная норма максимально лаконична и не отвечает на вопрос о том, в какой форме (помимо письменного вида) дается заключение специалиста, какое содержание и структуру оно имеет. С одной стороны, схожие нормы содержатся в законе относительно заключения эксперта, в связи с чем возникает предположение о соблюдении тех же требований, что предъявляются законодателем к форме заключения эксперта.

Полагаем, устранение проблем порядка назначения, получения и формирования заключения эксперта возможно, во-первых, путем размещения отсылки на нормы, регулирующие порядок назначения, производства и формы заключения эксперта; во-вторых, путем формирования законодателем уголовно-процессуальных норм, устанавливающих собственный порядок назначения, производства и получения заключения специалиста. Полагаем, второй вариант решения проблемы предпочтительнее, так как заключение специалиста является самостоятельным видом доказательства, имеющим существенные отличия от заключения эксперта.

По мнению компетентных авторов, простая аналогия в данном случае не применима, так как заключение эксперта не равносильно заключению специалиста. Данное различие, в частности, подчеркивается С.Б. Россинским, который указывает на очевидную и существенную разницу — заключение эксперта формируется на результатах проведенных исследований, основанных на научно-практических методах, тогда как заключение специалиста — суждение, основанное на имеющихся у специалиста знаниях в определенной области знаний, что позволяет считать заключение специалиста «вспомогательным источником знаний», тогда как заключение эксперта носит «безальтернативный характер» [12, с. 15, 18]. Соответственно, и форма заключения эксперта и специалиста будут различаться, будут различными и нормативные требования к форме заключения специалиста и эксперта.

Полагаем, нормативные требования относительно формы заключения специалиста должны включать следующие блоки:

- определенные требования к реквизитам, которые позволят с достоверностью отнести высказанное суждение к определенному лицу, выступающему в роли специалиста, а также места и времени дачи заключения. Такими реквизитами выступают: дата и место проведения экспертизы, фамилия, имя, отчество и другие данные лиц, выступающего в роли специалиста, его должность и место работы, если исследование проводится специалистом организации или учреждения;
- сведения, позволяющие установить сферу научных знаний, умений, искусства, ремесла, технологий, в которой лицо, проводящее исследование, является специалистом, а также сведения о документах о полученном образовании, степени, квалификации в данной области;
- данные, позволяющие идентифицировать лицо, по инициативе которого проводится исследование специалиста, а также блок вопросов, которые ставятся на его разрешение;

– информация о том, что специалист предупрежден за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации²;

– сведения о том, какие материалы, вещественные или иные доказательства, вещи, документы, электронная информация передавалась специалисту на ознакомление. При этом, описание предметов, документов, информации должно быть предельно точным, позволяющим установить источник ее происхождения и связь с конкретным уголовным делом, обстоятельствам, подлежащим доказыванию и вопросам, относительно которых сторона, инициирующая исследования, желает получить суждение специалиста;

– собственно исследование специалиста относительно вопросов, которые были поставлены на его разрешение. Полагаем, в данном случае возможно рассмотреть структуру вопрос-ответ. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает проведение специалистом научного исследования, но если специалист использовал какие-либо данные, мнения и исследования иных лиц, должны быть указаны источники таких данных;

– вывод специалиста относительно вопросов, поставленных на его разрешение в лаконичной форме. Также, как и в отношении выводов эксперта, выводы специалиста не должны содержать неточностей, двусмысленного или приблизительно ответа, допущений и других выводов, допускающих двойное толкование вывода или его абстрактное (неконкретное) значение. В тех случаях, когда ответы на поставленные вопросы выходят за рамки процессуальных знаний специалиста, последний должен указать на это в ответе и не отвечать на вопрос;

– реквизиты, содержащие идентификационные данные специалиста: данные организации или учреждения, если он имеет к ним принадлежность и выступает от их лица, данные самого специалиста, в том числе. Если он выступает как самостоятельный субъект правоотношений, необходимые реквизиты, позволяющие установить его расположение, фамилия, инициалы, должность или профессиональная принадлежность, печать и подпись.

Таким образом, под формой заключения специалиста следует понимать официальный процессуальный документ, созданный по правилам делопроизводства, с содержанием реквизитов, позволяющих идентифицировать как специалиста, чье мнение относительно тех или иных вопросов выясняется, а также лиц, инициировавших проведение исследования. Содержание заключения специалиста имеет определенное сходство с заключением эксперта, за исключением блока с информацией о научном исследовании и научных методах, на основании которых оно проводилось. Необходимо акцентировать внимание на том, что структурно заключение специалиста должно содержать подпись специалиста о предупреждении его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УК РФ.

Результаты исследования

Таким образом, в результате изучения вопросов форм участия специалиста в уголовном судопроизводстве можно говорить о следующих проблемах:

1. Отсутствие законодательной связи между способами и целями участия специалиста в уголовном судопроизводстве, перечисленных в ст. 58 УПК РФ и формами участия специалиста в виде дачи показаний и заключения, указанных как доказательства в ст. 74 и 80 УПК РФ. Более того, характер действий специалиста, перечисленных в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, позволяет говорить об информационном и консультативном сопровождении уголовного судопроизводства, а не формиро-

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04 авг. 2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

вании источников доказательств. Полагаем, между нормами ст. 58, 74 и 80 УПК РФ должна быть более четкая связь, которая бы позволяла проследить трансформацию способов участия специалиста в источники доказывания в виде заключения и показаний специалиста, что позволит повысить прозрачность уголовного процесса и реализацию таких его принципов как законность и состязательность.

2. Недостатком действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующим заключение специалиста, является недоработка терминологического аппарата. Так, в УПК РФ отсутствует наименование собственно деятельности специалиста, в результате которого возникает (создается) заключение специалиста.

3. Отсутствие понимания оснований, порядка назначения и получения заключения специалиста и порядка его процессуализации, что напрямую связано с отсутствием уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок получения заключения специалиста как источника доказательств. Учитывая, что данный источник доказательств законодатель выделяет в качестве самостоятельного, полагаем, размещение законодателем отсылки на порядок назначения и производство экспертизы (за некоторыми исключениями), будет нецелесообразным, ввиду чего предпочтительнее включение в текст УПК РФ самостоятельных норм о порядке назначения, проведения и порядке получения заключения специалиста.

4. Полное отсутствие норм о форме заключения специалиста в уголовно-процессуальном законе, за исключением указания на его письменную форму. Полагаем, что под формой заключения специалиста следует понимать официальный процессуальный документ, созданный по правилам делопроизводства, с содержанием реквизитов, позволяющих идентифицировать как специалиста, чье мнение относительно тех или иных вопросов выясняется, а также лиц, инициировавших проведение исследования. Содержание заключения специалиста имеет определенное сходство с заключением эксперта, за исключением блока с информацией о научном исследовании и научных методах, на основании которых оно проводилось. Необходимо акцентировать внимание на том, что структурно заключение специалиста должно содержать подпись специалиста о предупреждении его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УК РФ.

Решение указанных проблем позволит сделать механизм использования заключения специалиста в уголовном судопроизводстве более прозрачным и применимым не только органами предварительного расследования, но и иными лицами.

Список использованной литературы

1. Смолькова И.В. Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова // Избранные статьи. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — 331 с.
2. Егоров Н.Н. Использование специальных знаний: история, состояние и перспективы развития / Н.Н. Егоров, А.А. Протасевич. — DOI 10.17150/2411-6122.2022.1.101-117. — EDN AMEYJOJ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2022. — № 1 (35). — С. 101–117.
3. Зеленская Т.В. Актуальные вопросы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении / Т.В. Зеленская. — EDN PHJHOH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 3. — С. 35–43.
4. Расулова Н.С. О роли заключения специалиста в доказывании по уголовным делам / Н.С. Расулова. — EDN YEMLWD // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 2 (30). — С. 18–22.
5. Днепровская М.А. Проблемы разграничения заключения эксперта и заключения специалиста / М.А. Днепровская, С.Л. Хертуева. — EDN TPXAMZ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2013. — № 1 (4). — С. 28–34.

6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. — Москва : Норма, 2008. — 238 с.
7. Овсянников И.В. Дискуссия о заключении специалиста 10 лет / И.В. Овсянников. — EDN TKIRXR // Законность. — 2015. — № 2 (964). — С. 48–51.
8. Быков В.М. Заключение специалиста / В.М. Быков // Законность. — 2004. — № 9. — С. 21–24.
9. Орлов Ю.К. Специалист в уголовном процессе / Ю.К. Орлов // Российская юстиция. — 2004. — № 1. — С. 54–58.
10. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография / С.Б. Россинский. — Москва: Норма, 2021. — 408 с. — EDN STDDTG.
11. Степанов К.В. Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений / К.В. Степанов, М.А. Малина. — DOI 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19. — EDN TBTODM // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 144–148.
12. Россинский С.Б. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? / С.Б. Россинский, Н.С. Расулова. — EDN ALKLTO // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2022. — № 2 (34). — С. 15–20.

References

1. Smol'kova I.V. *Adversarial Principle in Russian Criminal Proceedings. Selected Articles*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2014. 331 p.
2. Egorov N.N., Protasevich A.A. Using Special Knowledge: History, Status and Prospects of Development. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2022, no. 1, pp. 101–117. (In Russian). EDN: AMEYOJ. DOI: 10.17150/2411-6122.2022.1.101-117.
3. Zelenskaya T.V. Topical Issues of Protecting the Rights and Interests of People Involved in Procedural Actions When Verifying a Report on Crime. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 3, pp. 35–43. (In Russian). EDN: PHJHOH.
4. Rasulova N.S. On The Role of a Specialist's Opinion in Proving in Criminal Cases. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 2, pp. 18–22. (In Russian). EDN: YEMLWD.
5. Dneprovskaya M.A., Khertueva S.L. Problems of Differentiation Findings of Experts and Specialist. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2013, no. 1, 28–34. (In Russian). EDN: TPXAMZ.
6. Sheifer S.A. *Evidence and Proving in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation*. Moscow, Norma Publ., 2008. 238 p.
7. Ovsyannikov I.V. Discussion on Expert Opinions Mark Their 10th Anniversary. *Zakonnost' = Legality*, 2015, no. 2, pp. 48–51. (In Russian). EDN: TKIRXR.
8. Bykov V.M. Expert Opinion. *Zakonnost' = Legality*, 2004, no. 9, pp. 21–24. (In Russian).
9. Orlov Yu.K. Specialist in Criminal Proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2004, no. 1, pp. 54–58. (In Russian).
10. Rossinskii S.B. *Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: Nature and Means of Collecting Evidence*. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p. EDN: STDDTG.
11. Stepanov K.V., Malina M.A. Problems with the Use Specialist's Conclusion in Criminal Proceedings and Results of Forensic Examinations of Non-State Forensic Institutions. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2022, no. 4, pp. 144–148. (In Russian). EDN: TBTODM. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-19.
12. Rossinskii S.B., Rasulova N.S. Expert Opinion and Professional Opinion as Evidence in the Criminal Procedure: What Are the Distribution Criteria? *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 2, pp. 15–20. (In Russian). EDN: ALKLTO.

Информация об авторе

Лукошкина Светлана Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, lukoshkina@list.ru, SPIN-код: 4884-8704, AuthorID РИНЦ: 371107.

Author

Svetlana V. Lukoshkina — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, lukoshkina@list.ru, SPIN-Code: 4884-8704, AuthorID RSCI: 371107.

Для цитирования

Лукошкина С.В. Проблемы понятийного аппарата и правового регулирования формы заключения специалиста в уголовном судопроизводстве / С.В. Лукошкина. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1672-1680. — EDN RELXRT // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1672–1680.

For Citation

Lukoshkina S.V. Problems of Conceptual Apparatus and Legal Regulation of the Form of Expert Opinion in Criminal Proceedings. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1672–1680. (In Russian). EDN: RELXRT. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1672-1680.

Научная статья

УДК 342.846

EDN WBVMJR

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1681-1690

Е.М. Коровин, К.В. Тихий✉*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация*

Автор, ответственный за переписку: К.В. Тихий, tikhii.kv@dvfu.ru

О ПРОБЛЕМАХ ПАРТИЙНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СОСТАВЕ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется одна из актуальных для современного избирательного права России проблем — обеспечение партийного представительства при формировании участковых избирательных комиссий. В соответствии с действующим избирательным законодательством РФ, не менее половины от состава каждой участковой избирательной комиссии формируются на основе предложений партий, представленных в федеральном и региональном парламентах. Однако для отдельных субъектов РФ остро стоит вопрос обеспечения принципа гарантии представительства в участковых избирательных комиссиях всех парламентских партий, поскольку возникает проблема непропорционального представительства, вплоть до того, что отдельные политические партии не допускаются в составы большинства участковых избирательных комиссий. Цель нашего исследования состоит в разработке законодательного решения, позволяющего «безболезненно» для правоприменителя укрепить гарантии партийного представительства в избирательных комиссиях. Методология исследования основана на теоретическом анализе нормативно-правовых актов РФ по проблеме обеспечения многопартийности на примере формирования участковых избирательных комиссий в Приморском крае. Информационной и эмпирической базой исследования послужили статистические данные по участковым избирательным комиссиям Приморского края. Объектом наблюдения выступают участковые избирательные комиссии Приморского края в период их формирования в 2023 г. Научная новизна заключается в формировании авторского подхода к законодательному решению проблемы обеспечения многопартийности при формировании участковых избирательных комиссий. В настоящем исследовании предложен доступный для правоприменителя вариант решения рассматриваемой проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Выборы, политическая партия, участковая избирательная комиссия, многопартийность, формирование избирательных комиссий.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 15 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

Е.М. Korovin, K.M. Tikhii✉*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation*

Corresponding author: K.M. Tikhii, tikhii.kv@dvfu.ru

ABOUT THE PROBLEMS OF PARTY REPRESENTATION IN THE COMPOSITION OF PRECINCT ELECTION COMMISSIONS

ABSTRACT. The article analyzes one of the relevant problems for the current electoral law of the Russian Federation, the problem of ensuring party representation in the formation of precinct election commissions. In accordance with the current electoral legislation of the Russian Federation, at least half of the composition of each precinct election commission is formed on the basis of proposals from parties represented in the federal and regional parliaments. However, for certain constituent entities of the Russian Federation, the issue of ensuring the principle of guaranteeing repre-

© Коровин Е.М., Тихий К.В., 2023

sensation of all parliamentary parties in precinct election commissions is acute, since the problem of disproportionate representation arises, to the point that individual political parties are not allowed to be members of the majority of precinct election commissions. The purpose of our research is to develop a legislative solution that makes it possible “painlessly” for the law enforcement officer to provide guarantees for equal party representation for everyone. The research methodology is based on a theoretical analysis of the legal acts of the Russian Federation on the issue of ensuring a multi-party system using the example of the formation of precinct election commissions in the Primorsky Territory. The object of observation is the precinct election commissions of the Primorsky Territory during their formation in 2023. The scientific novelty lies in the formation of the author's approach to the legislative solution to the problem of ensuring multi-party system in the formation of precinct election commissions. This study proposes a solution to the problem under consideration that is accessible to law enforcement officials.

KEYWORDS. Elections, political party, precinct election commission, multi-party system, formation of election commissions.

ARTICLE INFO. Received November 15, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Доверие к электоральным процедурам и результатам выборов — важнейшие составляющие легитимности органов публичной власти. Обеспечению такого доверия призван служить принцип независимости органов, отвечающих за подготовку и проведение выборов. Реализуется данный принцип, в том числе, и через правила формирования избирательных комиссий, призванные не допускать монопольного положения той или иной политической силы в составах избирательных комиссий всех уровней.

В целях обеспечения независимости электоральных органов в составе участковых избирательных комиссий (далее по тексту — УИК) должны присутствовать представители разных политических партий. Таким образом, ни одна партия не может доминировать в комиссии и контролировать процесс подсчета голосов. Указанное требование законодательства направлено на защиту интересов различных политических сил, обеспечение справедливости выборов и повышение легитимности их результатов.

Следует согласиться с тезисом В.В. Мартынова о том, что многопартийность является одним из базовых конституционных принципов политической жизни в современных демократических государствах, выступающий выражением более общего принципа политического и идеологического многообразия [1, с. 24].

Аналогичной позиции придерживаются как российские, так и отдельные зарубежные исследователи в области избирательных систем, акцентируя внимание на необходимости поддержки политического плюрализма и многопартийности при формировании демократических политических систем [2; 3].

В электоральном процессе одна из важных форм деятельности политических партий — участие в формировании избирательных комиссий. Включение представителей политической партии в состав избирательной комиссии ... дает партии лишние гарантии в законности и прозрачности выборных процедур, непредвзятости решений и действий избирательных комиссий [4, с. 27–28].

В соответствии с п. 5 ст. 27 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон об основных гарантиях) территориальная избирательная комиссия обязана не менее половины от состава участковой комиссии назначить по представлению партий, выдвинувших списки кандидатов и допущенных к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации; в зако-

нодательном органе субъекта Российской Федерации, в представительном органе муниципального образования. Такие партии принято называть парламентскими.

В 2013 г. участковые избирательные комиссии получили статус постоянно действующих органов с пятилетним сроком полномочий. В связи с этим, в 2023 г. истекла вторая каденция большинства УИК страны, переформирование составов участковых избирательных комиссий прошло во всех субъектах Российской Федерации и затронуло 81 566 комиссий (по состоянию на 17 июля 2023 г.). «Тотальное обновление», как отмечала Э.А. Памфилова, затронет 800 000 чел.¹

Вместе с тем, представители отдельных политических партий выразили недовольство сложившейся в 2023 г. практикой утверждения составов УИК, поскольку действующий механизм их формирования позволяет манипулировать цифрами при определении состава УИК в интересах отдельно взятых парламентских партий, исключая возможность пропорционального представительства всех существующих политических партий в регионе².

Цель нашего исследования состоит в разработке законодательного решения, позволяющего «безболезненно» для правоприменителя обеспечить гарантии на партийное представительство равное для всех.

Ведущей гипотезой исследования является тезис о том, что в Федеральный закон об основных гарантиях, в дополнение к существующей норме п. 5 ст. 27 о включении в состав УИК не менее половины кандидатур, представленных парламентскими партиями, необходимо инкорпорировать норму о том, что территориальная избирательная комиссия, при формировании участковых избирательных комиссий на своей территории, обязана в состав не менее чем половины участковых избирательных комиссий назначить представителей каждой парламентской политической партии.

Обоснованием предложенных изменений являются следующие аргументы.

При формировании составов избирательных комиссий учитываются различные факторы, такие как профессиональные качества кандидатов, политическая независимость, соответствие требованиям законодательства и другие важные критерии. Это позволяет обеспечить максимальную надежность и беспристрастность участковых избирательных комиссий, а также создать условия для честного подсчета голосов и объективного определения победителей в выборах.

Однако, по мнению одного из исследователей, в действующей избирательной системе Российской Федерации многопартийность следует расценивать как «декоративно-имитационный институт» [5, с. 50] что, на наш взгляд, является излишне категоричным и спорным утверждением.

В 2023 г. на территории Приморского края из 1 266 участковых избирательных комиссий 1 107 подлежали переформированию, 227 из которых находятся на территории Владивостокского городского округа³.

В мае 2023 г. члены фракции КПРФ в Законодательном Собрании Приморского края провели несколько пикетов в знак протеста против недопуска однопар-

¹ На проблемы при зачислении в новые составы комиссий жалуется только одна думская партия // Ведомости : офиц. сайт. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/05/978575-na-problemi-pri-zachislenii-v-novie-sostavi-komissii-zhaluetsya-tolko-odna-partiya>. (дата обращения: 30.07.2023).

² На проблемы при зачислении в новые составы комиссий жалуется только одна думская партия // Ведомости : офиц. сайт. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/05/978575-na-problemi-pri-zachislenii-v-novie-sostavi-komissii-zhaluetsya-tolko-odna-partiya>. (дата обращения: 30.07.2023).

³ О рассмотрении обращений, поступивших в Избирательную комиссию Приморского края, связанных с формированием участковых избирательных комиссий на территории Владивостокского городского округа (вх. № 1400 от 14 июня 2023 г., вх. № 1404 от 15 июня 2023 г., вх. № 1448 от 18 июня 2023 г.) : решение Избирательной комиссии Приморского края от 21 июня 2023 г. № 97/508. URL: <http://www.primorsk.vybory.izbirkom.ru/region/primorsk?action=npa>. (дата обращения: 01.11.2023).

тийцев в составы формируемых УИК, в знак протеста партия даже отказалась от выдвижения своего кандидата на выборах Губернатора Приморского края.

Закон требует, чтобы половина состава УИК была делегирована парламентскими партиями. В нынешнем составе Госдумы представлено уже пять политических партий (в трех предыдущих составах было 4), а в законодательных органах некоторых регионов представлены еще и другие политические партии. Это создает возможность манипуляций при выполнении нормы п. 5 ст. 27 Федерального закона об основных гарантиях.

К примеру, когда в составе УИК до восьми членов комиссии с правом решающего голоса, можно в состав комиссии включить представителей 4 партий, отказав остальным.

Например, в Приморском крае статусом парламентских обладают 6 политических партий. Партия «Новые люди» не воспользовалась своим правом и ни одной кандидатуры в составы УИК не предлагала.

Так, во Владивостоке только одна территориальная избирательная комиссия включила представителей КПРФ в каждую УИК. Остальные 7 ТИК, сформировав 182 УИК, включили в состав комиссий только 37 кандидатов от общего числа заявленных представителей от КПРФ (то есть чуть более 20 %), в то время как остальные политические партии были максимально представлены (рис. 1).

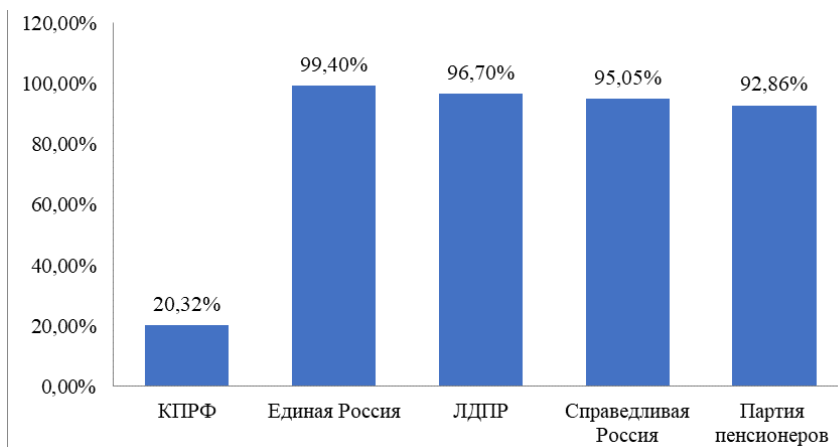

Рис. 1. Представители парламентских политических партий в составах УИК г. Владивостока (по состоянию на июль 2023 г.)

Таким образом, в представленных 182 УИК от политических партий было назначено 736 членов комиссий, из которых лишь 5 % были выдвинуты КПРФ, что свидетельствует о проблеме непропорционального представительства в самом крупном муниципальном образовании края (рис. 2).

В остальной части края аналогичная ситуация только в трех районах — Анучинском (представлены в 10 из 27 УИК), Партизанском (в 6 из 24) и Яковлевском (в 16 из 26). При этом следует отметить, что в тех территориях, где представителей КПРФ не включили в состав участковых комиссий, численный состав УИК был повсеместно уменьшен до 8 членов (в предыдущих составах комиссий было, как правило, 9).

Таким образом, норма закона о том, что в составе УИК должно быть не менее половины кандидатов, предложенных политическими партиями, была формально соблюдена.

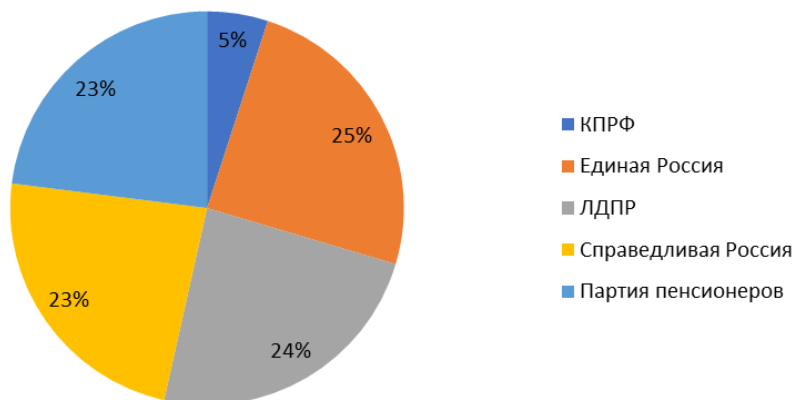

Рис. 2. Соотношение представителей отдельных парламентских политических партий в составе УИК г. Владивостока (по состоянию на июль 2023 г.)

Если из предложенных КПРФ по всей стране 77 488 кандидатур в 81 566 УИК включили (по данным ЦИК РФ) 72 274 чел. или 93,3 %, то процент представителей КПРФ в УИК Приморья составил 80,1 %, а Владивостока лишь 37,2 %⁴.

Аналогичная ситуация сложилась в Санкт-Петербурге с представительством партии «Яблоко» в участковых избирательных комиссиях, когда из 1073 кандидатур статус членов УИК с правом решающего голоса получили 643 человека⁵.

Представители данных политических партий призывают к изменению системы утверждения в состав участковых избирательных комиссий и требуют, чтобы представители всех политических партий имели возможность быть членами комиссий на уровне участков, что позволит обеспечить более справедливый и представительный процесс выборов в регионе.

Если обратиться к научным исследованиям по данной проблеме, то одни исследователи полагают, что Федеральный закон об основных гарантиях уже заложил гарантированные основы участия политических партий в формировании УИК, соответственно изменения в этой системе могут привести к политическому вмешательству и неправильным практикам в избирательном процессе [6, с. 76].

Другие исследователи полагают, что закрепленный в действующем законодательстве РФ механизм привлечения политических партий к формированию участковых избирательных комиссий не обеспечивает соблюдение принципа гарантии представительства в УИК всех партий, представленных в парламенте субъекта [7, с. 80].

В частности, выносится тезис о том, что существующий механизм не обеспечивает достаточного участия всех политических партий в формировании участковых избирательных комиссий, что противоречит принципу гарантированного представительства [8, с. 72].

Действительно, указанное обстоятельство может ограничить политическую конкуренцию и ослабить доверие к выборам, поскольку исключает некоторые партии из процесса принятия решений при проведении выборов.

⁴ Сведения о составе участковых избирательных комиссий // Избирательная комиссия Приморского края : офиц. сайт. URL: <http://www.primorsk.vybory.izbirkom.ru/region/primorsk?action=ik&vtn=4254005845499>. (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Рабочая группа ГИК отклонила жалобу «Яблока» на недопуск представителей партии в УИК // ЗАКС.РУ. 2023. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/241373>. (дата обращения: 01.11.2023).

Отдельные исследователи полагают, что проблему могло бы решить введением в закон об основных гарантиях избирательных прав «математической» корреляции решения о численности состава избиркома и числа «льготников» в регионе: «Если таких партий, например, шесть, то в 12 членов УИК попадают представители всех этих партий» [9; 10].

Для обеспечения более справедливого и представительного участия политических партий в УИК полагаем необходимым внесение изменений в действующее избирательное законодательство РФ, чтобы гарантировать участие всех парламентских партий. Однако, введение такой «математической» корреляции между численностью состава УИК и числом «льготников» в регионе имеет как преимущества, так и недостатки с точки зрения практической реализации нормы.

В качестве положительных моментов можно выделить следующее:

1. Повышение представительности: данный подход позволяет достичь более широкого представительства политических партий и социальных групп в избирательной комиссии, что приведет к более объективному и справедливому процессу принятия решений.

2. Повышение доверия к системе: гарантия, что в составе избирательной комиссии будут представители всех политических партий, помогает повысить доверие к избирательной системе.

3. Сокращение возможности для манипуляций: обеспечение присутствия представителей всех политических партий в избирательной комиссии может снизить возможность манипуляций и неправомерных действий, тем самым обеспечивая более прозрачный и честный избирательный процесс.

Следует согласиться с утверждением, что пропорциональное число представителей партий в УИК потенциально способно обеспечить реальное отражение политического плюрализма и предпочтений избирателей на отдельно взятом территориальном образовании [11, с. 34].

Недостатком данного механизма является сложность его реализации на практике, поскольку внесению соответствующих изменений в федеральное законодательство должны соответствовать реальные партийные структуры на местах, чтобы гарантировать наполнение состава участковой избирательной комиссии, соответственно числу партий в регионе, что в существующих условиях не всегда достижимо.

Как верно отмечает Р.Л. Рыкова, непропорциональность представительства политических партий при формировании УИК объясняется не только несовершенством действующего избирательного законодательства РФ, но и наличием здоровой политической конкуренции, при которой представители политических партий будут стремиться к формированию доминирующей силы на этапе формирования состава УИК [12, с. 386].

Аналогичные тезисы можно обнаружить и у других исследователей по проблематике настоящего исследования, объясняющие сложность нахождения оптимального и практичного способа законодательного решения обозначенной проблемы [13].

Возможным вариантом решения проблемы, на наш взгляд, было бы (в дополнение к существующей норме о включении в состав УИК не менее половины кандидатур, представленных парламентскими партиями) закрепление нормы о том, что территориальная избирательная комиссия, при формировании участковых избирательных комиссий на своей территории, обязана в состав не менее чем половины участковых избирательных комиссий назначить представителей каждой парламентской политической партии. Такая норма заставит территориальные избирательные комиссии даже при формировании УИК с небольшой численностью членов, расширить круг партий, чьи представители включаются в электоральный процесс в качестве членов комиссий.

Пропорциональное число представителей партий в УИК обеспечит реальное отражение политического плюрализма. Это справедливый механизм, который учитывает политическое многообразие в обществе, и предоставляет равные возможности разным политическим силам для защиты своих интересов. Однако, при этом, не порождая искусственного увеличения составов участковых комиссий, так как число членов УИК должно соответствовать функциональному назначению комиссии, а не количеству парламентских политических партий в стране.

Таким образом, в рамках настоящего исследования было предложено два варианта решения проблемы непропорционального представительства политических партий в участковых избирательных комиссиях в силу существующих ограничений Федерального закона об основных гарантиях.

Один из вариантов, выработанный в научной литературе, основывается на внедрение системы пропорционального представительства или использования квот для гарантированного участия представителей различных политических партий. Пропорциональные системы представительства стремятся отражать относительные доли голосов, отданных за каждую партию. Такие системы могут быть более справедливыми и эффективными в том смысле, что они учитывают широкий спектр политических взглядов в обществе.

В свою очередь, использование квот для гарантированного участия представителей различных политических партий или социокультурных групп может быть способом обеспечения инклюзивности и увеличения разнообразия политических мнений в органах власти.

Однако возможность законодательного закрепления и реализации данного механизма достаточно спорна, поскольку внесение соответствующих изменений в федеральное законодательство потребует укрепления партийных структур, чтобы гарантировать состав участковой избирательной комиссии, соответствующий числу партий в регионе, что в условиях политической конкуренции достаточно трудно реализовать.

В связи с этим предлагается авторский способ решения обозначенной проблемы, заключающийся в дополнении к существующей норме пункта 5 статьи 27 Федерального закона об основных гарантиях о включении в состав УИК не менее половины кандидатур, представленных парламентскими партиями, нормой о том, что территориальная избирательная комиссия, при формировании участковых избирательных комиссий на своей территории, обязана в состав не менее чем половины участковых избирательных комиссий назначить представителей каждой парламентской политической партии.

Такие изменения позволят содействовать демократическому развитию общества, укреплять политическую конкуренцию и предоставлять широкие возможности для диалога и представления различных взглядов, а также способствовать построению более открытой и репрезентативной избирательной системы, где граждане могут чувствовать, что их голос не только имеет вес, но и действительно правильно отражен в итоговых протоколах участковых избирательных комиссий.

Список использованной литературы

1. Мартынов В.В. Теоретические аспекты понимания понятий «политических партий» и «многопартийности» в правовом демократическом государстве / В.В. Мартынов. — EDN XZLIQP // Гуманитарный трактат. — 2018. — № 31. — С. 21–25.
2. Comellas J.M. Ideological Identity, Issue-Based Ideology and Bipolar Affective Polarization in Multiparty Systems: The Cases of Argentina, Chile, Italy, Portugal and Spain / J.M. Comellas, M. Torcal // Electoral Studies. — 2023. — Vol. 83. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261379423000379>.

3. Berdikulov S.N. Multiparty System and Development of its National Model in Uzbekistan / S.N. Berdikulov // *Theoretical & Applied Science*. — 2019. — No. 5(73). — P. 389–391.

4. Коровин Е.М. Участие политических партий в формировании избирательных комиссий / Е.М. Коровин // *Российские электоральные инновации. Законодательство. Технологии. Менеджмент : материалы второй региональной науч.-практ. конф., Владивосток, 27 апр. 2010 г.* — Владивосток, 2011. — С. 27–29.

5. Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? / П.П. Марченя. — DOI 10.17976/jrps/2017.01.05. — EDN XRJTWT // *Полис. Политические исследования*. — 2017. — № 1. — С. 41–52.

6. Луньков А.О. Многопартийность современной политической системы России: риски и способы их минимизации / А.О. Луньков. — DOI 10.24412/2227-7315-2021-2-70-77. — EDN SUANPE // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. — 2021. — № 2(139). — С. 70–77.

7. Семенова Е.В. Актуальные проблемы формирования участковых избирательных комиссий / Е.В. Семенова. — EDN YNWTXX // *Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 24 марта 2017 г.* / ред. С.И. Суслова, А.П. Ушакова. — Иркутск, 2017. — С. 77–81.

8. Алехнович Е.А. Проблемы формирования участковых избирательных комиссий / Е.А. Алехнович. — EDN WBAKOI // *Правовые исследования молодых ученых : материалы Ежегодной региональной науч.-практ. конф., Иркутск, 19 янв. 2021 г.* — Иркутск, 2021. — С. 69–73.

9. Демьянов Е.В. Конституционно-правовые аспекты совершенствования законодательства по вопросам функционирования избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации / Е.В. Демьянов. — EDN VWGBBI // *Конституционное и муниципальное право*. — 2019. — № 3. — С. 47–50.

10. Барков А.С. Организационно-правовые вопросы формирования участковых избирательных комиссий в Российской Федерации / А.С. Барков. — EDN VROGMO // *Конференция по вопросам теории и практики избирательного законодательства в связи с предстоящими выборами депутатов государственной думы федерального собрания Российской Федерации седьмого созыва : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 26 февр. 2016 г.* — Краснодар, 2016. — С. 135–143.

11. Хвалев С.А. Правовое положение участковых комиссий в Российской Федерации: критический анализ / С.А. Хвалев. — EDN ACSKMM // *Сибирский юридический вестник*. — 2020. — № 1 (88). — С. 28–37.

12. Рыкова Л.В. Порядок формирования состава участковых избирательных комиссий / Л.В. Рыкова. — EDN ULYLHV // *Вестник Орловского государственного университета*. — 2015. — № 2(43). — С. 383–388.

13. Реут Д.А. О некоторых вопросах правового статуса избирательных комиссий / Д.А. Реут. — EDN ZSHAXV // *Гражданин. Выборы. Власть*. — 2017. — № 3. — С. 69–80.

References

1. Martynov V.V. Theoretical Aspects of Understanding the Concepts of “Political Parties” and “Multi-Party System” in a Legal Democratic State. *Gumanitarnyi traktat = Humanitarian treatise*, 2018, no. 31, pp. 21–25. (In Russian). EDN: XZLIQP.

2. Comellas J.M., Torcal M. Ideological Identity, Issue-Based Ideology and Bipolar Affective Polarization in Multiparty Systems: The Cases of Argentina, Chile, Italy, Portugal and Spain. *Electoral Studies*, 2023 vol. 83. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261379423000379>.

3. Berdikulov S.N. Multiparty System and Development of its National Model in Uzbekistan. *Theoretical & Applied Science*, 2019, no. 5, pp. 389–391.

4. Korovin E.M. Participation of Political Parties in the Formation of Election Commissions. *Russian Electoral Innovations. Legislation. Technologies. Management. Materials of the II Regional Scientific Conference, Vladivostok, April 27, 2010*. Vladivostok, 2011, pp. 27–29. (In Russian).

5. Marchenya P.P. Russian Multiparty System: the Cradle of Civil Society or the Tomb of Imperial Statehood? *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studie*, 2017, no. 1, pp. 41–52. (In Russian). EDN: XRJTW. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05.

6. Lunkov A.O. Multiparty Nature of the Modern Russian Political System: Risks and Ways to Minimize Them. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2021, no. 2, pp. 70–77. (In Russian). EDN: SUANPE. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-2-70-77.

7. Semenova E.V. Current Problems in the Formation of Precinct Election Commissions. In Suslova S.I., Ushakova A.P. *Current Problems in the Formation of Precinct Election Commissions. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, March 24, 2017*. Irkutsk, 2017, pp. 77–81. (In Russian). EDN: YNWTXX.

8. Alekhovich E.A. Problems of Forming Precinct Election Commissions. *Legal Research of Young Scientists. Materials of the Annual Regional Scientific and Practical Conference, Irkutsk, January 19, 2021*. Irkutsk, 2021, pp. 69–73. (In Russian). EDN: WBAKOI.

9. Demyanov E.V. Constitutional Law Aspects of Improvement of Laws on Functioning of Electoral Commissions in Constituent Entities of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 3, pp. 47–50. (In Russian). EDN: VWGBBI.

10. Barkov A.S. Organizational and Legal Issues of the Formation of Precinct Election Commissions in the Russian Federation. *Conference on the Theory and Practice of Electoral Legislation in Connection with the Upcoming Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Seventh Convocation. Materials of International Scientific Conference, Krasnodar, February 26, 2016*. Krasnodar, 2016, pp. 135–143. (In Russian). EDN: VROGMO.

11. Khvalev S.A. Legal Status of Participating Commissions in the Russian Federation: Critical Analysis. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2020, no. 1, pp. 28–37. (In Russian). EDN: ACSKMM

12. Rykova L.V. The Procedure for Forming the Composition of Precinct Election Commissions. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Orlov state university*, 2015, no. 2, pp. 383–388. (In Russian). EDN: ULYLHV.

13. Reut D.A. About Some Questions of the Legal Status of Election Commissions. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Power*, 2017, no. 3, pp. 69–80. EDN: ZSHAXV. (In Russian).

Информация об авторах

Коровин Евгений Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация, korovin.em@dvfu.ru, SPIN-код: 1537-4766, AuthorID РИНЦ: 1067405.

Тихий Кирилл Вадимович — магистрант, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация, tikhii.kv@dvfu.ru.

Authors

Evgeny M. Korovin — PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, korovin.em@dvfu.ru, SPIN-Code: 1537-4766, AuthorID RSCI: 1067405.

Kirill V. Tikhii — Master's Degree Student, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, tikhii.kv@dvfu.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Коровин Е.М. О проблемах партийного представительства в составе участковых избирательных комиссий / Е.М. Коровин, К.В. Тихий. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1681-1690. — EDN WBVMJR // *Baikal Research Journal*. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1681–1690.

For Citation

Korovin E.M., Tikhii K.M. About the Problems of Party Representation in the Composition of Precinct Election Commissions. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1681–1690. (In Russian). EDN: WBVMJR. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1681-1690.

Научная статья

УДК 343.851.3

EDN TTVJOU

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1691-1700

А.О. Миронов *Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, aleksandrmir97@mail.ru*

РОЛЬ КРИПТОВАЛЮТ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

АННОТАЦИЯ. Противодействие проявлениям терроризма и экстремизма является актуальной и приоритетной задачей правоохранительных органов. Данные постулаты лежат в основе национальной безопасности государства, и борьба с проявлениями подобного рода преступности по праву заслуживает самого серьезного внимания. В статье представлены предпосылки использования криптовалют в преступных целях, основанные на особенностях ее функционирования и использования. Указана роль криптовалют в финансировании террористической и экстремистской деятельности в условиях международной финансово-экономической обстановки. Отражены основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться правоохранительным органам при выявлении и пресечении преступной деятельности, финансирование которой может быть организовано при помощи криптовалют. Представлены обоснованные точки зрения относительно опасности распространения криптовалют в преступлениях указанной направленности не только в отношении Российской Федерации, но и в целом для мирового сообщества. Автором представлены статистические данные указанных видов преступности и проведен их анализ. Также представлены и обобщены результаты исследований сторонних организаций, специализирующихся на исследованиях в области криптовалют. Отмечены примеры использования криптовалют в целях финансирования террористической и экстремистской деятельности. Предложены пути решения представленных проблем с учетом уже предложенных учеными механизмов предупреждения преступлений с использованием криптовалют. В частности, основной упор делается на необходимости модернизации имеющихся механизмов финансового контроля и разумного вовлечения в данную деятельность представителей крупных IT-компаний, так как основной массив информации, способный изобличить преступную деятельность, накапливается именно у них.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криптовалюта, криптопреступность, финансирование экстремизма, финансирование терроризма, международное сотрудничество.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 16 мая 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

А.О. Mironov *East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, aleksandrmir97@mail.ru*

THE ROLE OF CRYPTOCURRENCIES IN COMMITTING TERRORIST AND EXTREMIST CRIMES IN MODERN CONDITIONS

ABSTRACT. Countering and combating manifestations of terrorism and extremism is an urgent and priority task for law enforcement agencies. These provisions underlie the national security of the state, and the fight against manifestations of this kind of crime rightfully deserves the most serious attention. The article presents the prerequisites for the use of cryptocurrencies for criminal purposes, based on the features of

© Миронов А.О., 2023

its functioning and use. The role of cryptocurrencies in the financing of terrorist and extremist activities in the current international financial and economic environment is indicated. The main problems that law enforcement agencies have to face in identifying and suppressing criminal activity, the financing of which can be organized with the help of cryptocurrencies, are reflected. Substantiated points of view are presented regarding the danger of the spread of cryptocurrencies in crimes of this direction, not only in relation to the Russian Federation, but also to the world community as a whole. The author presents statistical data of the indicated areas of crime and analyzes it. The results of a study by third-party organizations specializing in research in the field of cryptocurrencies are also presented and summarized. Examples of the use of cryptocurrencies to finance terrorist and extremist activities are noted. The ways of solving the presented problems are proposed, taking into account the mechanisms already proposed by scientists for preventing crimes using cryptocurrencies. In particular, the main emphasis is placed on the need to modernize the existing mechanisms of financial control and the reasonable involvement of representatives of large IT companies in this activity, since the main flow of information capable of exposing criminal activity is accumulated by them.

KEYWORDS. Cryptocurrency, cryptocrime, financing of extremism, financing of terrorism, international cooperation.

ARTICLE INFO. Received May 16, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

Введение

Ряд политических, финансовых и экономических процессов, произошедших в 2022 г., изменили облик всемирной финансовой системы. Российская Федерация оказалась в сложном как внешнеполитическом, так и внешнеэкономическом положении. Разрыв экономических связей с прежними партнерами, преимущественно с европейскими и американскими, привел к таким экономическим процессам, которые впоследствии поспособствовали к переходу на национальные валюты в расчетах и частичному отказу от международных валют, таких как доллар США и Евро. Эти процессы негативным образом сказались на рынке криптовалют во всем мире. Несмотря на тенденцию по снижению стоимости самых популярных криптовалют в 2022 году, актуальность их использования в мире остается на высоком уровне.

Криптовалюты по-прежнему остаются децентрализованным, трансграничным экономическим инструментом, который трудно поддается контролю со стороны государств. К вышеперечисленным особенностям относится и высокая вероятность скрыть свою личность при использовании криптовалют в финансовых операциях. Мнения ученых относительно анонимности криптовалют разделяются. Так, ряд ученых считают криптовалюты полностью анонимными [1, с. 65], и их мнение разделяют финансовые регуляторы в лице ЦБ РФ. Другие считают криптовалюты относительно анонимным финансовым инструментом [2, с. 131], из чего следует, что криптовалюты обладают определенными свойствами по анонимизации личности в транзакциях, несмотря на то, что все операции с транзакциями хранятся в открытом доступе. Расшифровка транзакций и отождествление криптокошельков с конкретными личностями является очень трудной, но все же решаемой задачей. Зарубежный опыт правоохранительных органов подтверждает данный тезис. В докладе Центра по борьбе с киберпреступностью Европола, датированном апрелем 2020 г., особое внимание уделяется результатам работы по деанонимизации криптокошельков на примере компании Wasabi Wallet.¹ Однако особенности деанонимизации в докладе не раскрываются.

¹ Отчет Центра по борьбе с киберпреступностью Европола // European Cybercrime Centre, ECC : сайт. URL: <https://www.tbstat.com/wp/uploads/2020/06/Europol-Wasabi-Wallet-Report.pdf>.

Криптовалюты в финансировании экстремисткой деятельности

Вышеперечисленные свойства криптовалюты делают ее очень привлекательным инструментом в руках террористов и экстремистов. Учитывая, что имеющиеся финансовые институты переживают непростые времена, лица, потенциально заинтересованные в преступной деятельности, с высокой долей вероятности могут и будут использовать криптовалюту в преступных целях. О возможности использования криптовалют в целях финансирования экстремизма и терроризма также упоминается в ряде работ [3, с. 10; 4, с. 109; 5, с. 409; 6, с. 90; 7, с. 50].

Экстремизм как один из наиболее организованных и структурированных видов преступной деятельности не стал исключением. В первую очередь, особенности криптовалют открывают возможность для радикальных организаций осуществлять свою деятельность, используя ее в качестве одного из инструментов финансирования.

Понятие экстремисткой деятельности (экстремизма) достаточно широко изложено в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»² и включает в себя несколько деяний, которые считаются экстремистской деятельностью. Полный перечень таких действий изложен в ст. 1 указанного Закона. Выделим некоторые из них:

- насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

В рамках исследования же интересно заключительное из приведенных в Законе действий, а именно финансирование экстремизма. В Уголовном кодексе Российской Федерации³ предусмотрена уголовная ответственность за финансирование экстремисткой деятельности, и отражена данная норма в ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности». Объективная сторона данного деяния представлена несколькими альтернативными действиями, включающими в себя:

- действия по предоставлению или сбору средств;

- оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремисткой направленности;

- те же деяния для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Под финансированием понимается оказание финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме),

² О противодействии экстремистской деятельности : Федер. закон № 114-ФЗ от 27 июня 2002 г. // ИПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 04 авг. 2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=le23ihceqg609035276.

но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи)⁴. Опять же возникает справедливый вопрос, может ли криптовалюта считаться средством финансирования? Приведенный перечень финансовых инструментов нельзя назвать исчерпывающим, при этом вопрос об отнесении криптовалют к средствам финансирования остается открытым. Согласно с мнением М.М. Долгиевой относительно того, что криптовалюты являются частью финансовой системы государства, несмотря на неофициальный характер их участия [8, с. 73]. Данный факт нельзя отрицать, так как с каждым годом исследователями в разных областях науки, а также международным сообществом фиксируются факты все большего распространения криптовалют.

Криптовалюта, как ни один другой финансовый инструмент, может способствовать развитию экстремистских организаций и сообществ. Согласно с мнением Ю.А. Грачева и И.В. Степанова о том, что внедрение криптовалют положит начало длительному процессу усиленного развития финансирования терроризма и экстремизма [9, с. 76]. Данная проблема представляет опасность, и предпринятые меры, хоть и являются ощутимыми, все же недостаточны в стремительно развивающемся секторе использования криптовалют. Динамика преступлений экстремистской направленности, по данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, представлена на рис. 1⁵.

*Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений
экстремистской направленности в период с 2010 г. по ноябрь 2022 г.*

Исходя из приведенных данных, следует отметить, что с 2019 г. наблюдается значительный прирост числа преступлений экстремистской направленности, что само по себе вызывает опасения. Высокий показатель зарегистрированных преступлений отмечается в 2017 г. — это может быть связано с успешными действиями Российской Федерации на территории Сирии в борьбе с так называемым Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ — организация запрещена в России). Не исключено, что эти два показателя взаимосвязаны, и всплеск преступности является ответом экстремистских организаций на успешные действия

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 : (ред. 28 окт. 2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/.

⁵ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

в борьбе с ними. Аналогичным является 2022 г., в течение которого зарегистрировано 1 566 преступлений (максимальный показатель за исследуемый период) — прирост составляет 48,2 % по сравнению с 2021 г. Возможно, такая преступная активность связана с успешными действиями России на территории Украины в рамках проведения Специальной военной операции. Ни для кого не секрет, что экстремизм выступает в роли инструмента давления на государство в его внутреннем уложении, целью которого является дестабилизация общества, в чем активно заинтересованы наши внешнеполитические оппоненты. Внешнеполитическая обстановка здесь выступает катализатором проявления такого вида преступности ввиду невозможности иначе повлиять на принимаемые внутри страны решения.

Утверждение, что какая-либо часть данных преступлений профинансирована при помощи новых финансовых инструментов, в частности с использованием криптовалют, будет являться безосновательным, так как на сегодняшний день специальной статистики, отслеживающей и фиксирующей преступления с использованием криптовалют, не ведется. Данное обстоятельство значительным образом затрудняет исследование влияния криптовалют на состояние, структуру и динамику преступности как в целом, так и в случае преступлений экстремистской направленности. Также отметим, что к перечню преступлений экстремистской направленности⁶ относится порядка 49 составов, что само по себе может вводить в заблуждение. При этом нельзя утверждать, что финансирование подобным образом не ведется. В условиях, когда ограничены возможности финансировать экстремистскую деятельность извне привычными экономическими инструментами, криптовалюта может являться единственным доступным трансграничным средством в данном вопросе.

Криптовалюты в финансировании терроризма

Наиболее радикальной и опасной формой проявления экстремизма является терроризм. Опасность терроризма трудно переоценить, учитывая последствия его проявления. Терроризм — это идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий⁷. Терроризм как явление носит межгосударственный характер, и проблемы его распространения и финансирования обсуждаются на самом высоком уровне. В подтверждение этого выступает тезис, изложенный в преамбуле Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, о том, что терроризм является предметом серьезной озабоченности международного сообщества в целом⁸. Российская Федерация, являясь правопреемницей СССР (одного из основоположников ООН), наравне с международным сообществом предпринимает все возможные действия в борьбе с терроризмом. Проблема является весьма острой, так как за последние тридцать лет на нашей территории неоднократно совершались террористические

⁶ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности. Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности : Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 янв. 2020 : (ред. от 13 июля 2020) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-20-prestuplenii-ekstremistskoi/>.

⁷ О противодействии терроризму : Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : (ред от 10 июля 2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/.

⁸ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма : принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1999 г // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.

акты. Учитывая внешнеполитическую ситуацию, террористическая угрозакратно возрастает.

Так, в целях борьбы и предотвращения трагедий вопросы противодействия терроризму зафиксированы в основополагающих документах, определяющих стратегию национальной безопасности. На основании международных обязательств и в целях своей защиты в России установлена строжайшая уголовная ответственность за терроризм и различные его проявления. Ответственность предусмотрена ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206 УК РФ. Статистика преступлений террористической направленности в России выражена на рис. 2⁹.

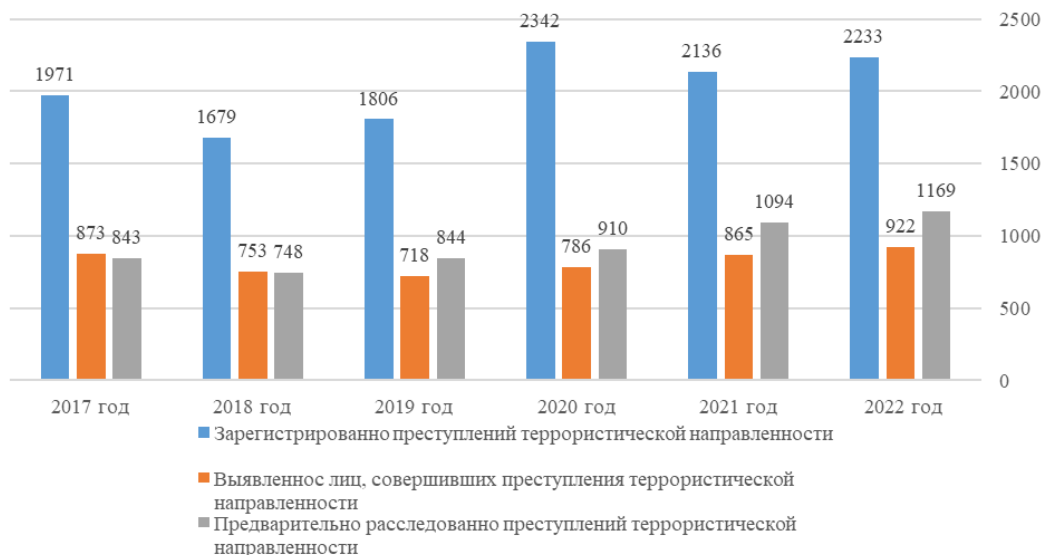

Рис. 2. Состояние преступности террористической направленности в России за период 2017–2022 гг.

Как и в случае с экстремизмом, представленные статистические данные не отражают количественные показатели преступлений террористической направленности, профинансированных при помощи криптовалют. В данном случае в рамках исследования приходится опираться на единичные случаи проявления криптовалют в данной сфере, отраженные в судебной практике и в данных независимых аналитических центров. Так, по данным Chainalysis, Аль-Каида, ИГИЛ и Хамас финансируют свою деятельность с помощью криптовалют¹⁰.

Целью всех терактов является дестабилизация работы органов власти и устрашение населения. Радикальные проявления достаточно давно приобрели серьезную структуру, практически представляющую собой субъект международной системы. Примером этого может служить образование непризнанного террористического государства «Исламское государство Ирака и Ливанта» (ИГИЛ). Такого мнения придерживаются и некоторые ученые [10, с. 2].

Террористический акт требует подготовки, организации и исполнителей. В свою очередь каждому из указанных действий необходимо финансирование. Не-

⁹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

¹⁰ Криптопреступность 2022. Часть 3. Подробный аналитический отчет о криптовалютной преступности // Chainalysis. URL: <https://go.chainalysis.com/2020-crypto-crime-report>.

смотря на то, что исполнитель может быть идеологически замотивирован, финансовая сторона вопроса весьма важна. Криптовалюта как финансовый инструмент в условиях ограниченности и прозрачности международной финансовой системы может служить источником финансирования подобных организаций.

Будет считаться ошибочным утверждение, что достижения научно-технического прогресса используются исключительно в мирном русле. Террористы осведомлены о современных финансовых отношениях и новеллах. Не исключено, что криптовалюты уже давно используются в финансировании данной преступной деятельности, оставаясь при этом скрытыми. Э.Л. Сидоренко указывает, что, по мнению экспертов, несколько преувеличенными являются опасения относительно использования криптовалюты в финансировании терроризма, и зафиксированы лишь единичные случаи [11, с. 152]. Несмотря на выявленные единичные случаи, сам факт использования криптовалют в организации терроризма вызывает опасения. В одном из отчетов сервиса Chainalysis отмечается, что правоохранные органы в 2020 г. выявили больше фактов финансирования терроризма криптовалютой, чем за все предыдущие годы¹¹. При проведении исследования, к сожалению, не были получены данные судебной практики по делам о финансировании терроризма в Российской Федерации, однако такие случаи зафиксированы в других странах. Так, в 2020 г. Министерство юстиции США (DOJ) объявило о крупнейшем в истории аресте криптовалютных счетов террористических организаций. В рамках указанного случая публиковалась информация Федерального бюро расследований (FBI), Отдела расследований национальной безопасности (HSI) и Отдела по борьбе с киберпреступлениями Налоговой службы США, в которой утверждалось, что "Аль-Каида" организовала сложную операцию по отмыванию денег через сеть Telegram-каналов, которые использовались для сбора пожертвований в биткоинах, предназначенных для финансирования террористической деятельности¹².

Рост интереса к криптовалютам со стороны террористических организаций вызван ее особенностями по обеспечению относительной анонимности, трансграничности переводов, большой стоимостью, доступностью и широким распространением в DarkNet (основной площадке теневого рынка оружия, наркотиков и запрещенной литературы). Все эти возможности делают криптовалюты привлекательным механизмом в финансировании террористической деятельности в современных условиях мировой экономики, усложняя правоохранным органам борьбу с терроризмом.

Финансирование терроризма и экстремизма посредством использования криптовалюты в значительной степени облегчает и ускоряет доступ преступников к оружию, технике, средствам передвижения, документам [12, с. 66]. Так как нынешняя финансовая система предполагает возможность отслеживать финансовые потоки до конечного бенефициара, финансирование терроризма становится непростой задачей в условиях, когда это может стоить серьезных репутационных и правовых издержек. Несмотря на это, преступники активно используют социальные сети и мессенджеры для привлечения денежных средств, в том числе и криптовалюты. Например, известны случаи, когда под видом благотворительной организации был осуществлен сбор средств¹³, которые впоследствии были использованы в террористической деятельности, данную деятельность удалось пресечь.

¹¹ The Chainalysis 2020 Crypto Crime Report // Chainalysis. URL: <https://go.chainalysis.com/2020-crypto-crime-report>.

¹² US Prosecutors Seize Bitcoin Allegedly Tied to Al Qaeda, ISIS, Hamas // Yahoo. URL: <https://www.yahoo.com/news/us-prosecutors-attempt-seize-bitcoin-154312105.html>.

¹³ Global Disruption of Three Terror Finance Cyber-Enabled Campaigns // Department of Justice Office of Public Affairs. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/global-disruption-three-terror-finance-cyber-enabled-campaigns>.

Опасность для России заключается в том, что в условиях давления санкций на финансовый сектор отключение от некоторых международных систем денежных переводов криптовалюты могут стать полноценным инструментом финансирования террористической деятельности. К этому необходимо добавить, что внешне-политическая обстановка серьезным образом может сказаться на сотрудничестве в правоохранительной сфере, что в свою очередь может привести к созданию дополнительных сложностей в сфере борьбы с терроризмом и его финансированием.

Опасность проявлений экстремизма и терроризма является куда более серьезной. Например, финансируя экстремизм и терроризм, можно довести общественную нестабильность до уровня «цветных революций» либо иной насильственной смены режима. В текущей обстановке это недопустимо. Данный вопрос лежит в плоскости национальной безопасности и затрагивает основополагающие принципы существования государства. Исходя из этого, считаем, что даже малейшая угроза должна быть воспринята всерьез и должным образом проработана. Требуется всестороннее изучение и обсуждение данного вопроса на разных научных и практических площадках, а также содействие органам государственной власти в разработке действенных механизмов выявления и пресечения финансирования экстремизма и терроризма при помощи криптовалют.

Заключение

Государству следует разрабатывать механизмы контроля за распространением криптовалюты, при этом полный запрет на ее использование только усугубит ситуацию. Стоит отметить меры, предложенные С. В. Мурадян в целях успешного предупреждения использования криптовалют для финансирования терроризма [13, с. 200]. Необходимо модернизировать имеющиеся механизмы в области финансового мониторинга с обязательным привлечением к данной работе частного бизнеса и гигантов ИТ-индустрии. Указанное предложение обуславливается тем, что у представителей крупных ИТ-компаний аккумулируется большой массив информации, который при детальном анализе в совокупности с модернизированной системой финансового мониторинга и консолидацией иностранных правоохранительных органов и международных правоохранительных организаций позволил бы более успешно бороться с финансированием экстремизма и терроризма. Также необходимо отражение в статистических данных государственных органов фактов использования криптовалют в преступных целях. Для этого предлагается дополнить соответствующими пунктами справочники, по которым происходит кодификация обстоятельств уголовных дел. Это необходимо для более детального исследования острых вопросов, связанных с применением криптовалют в преступных целях.

Список использованной литературы

1. Особенности цифровой валюты / Л.П. Климкина, О.В. Ментюкова, О.Н. Суханова [и др.]. — EDN SKEDSW // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, аудита и анализа в современных условиях / под общ. ред. Н.Н. Бондиной. — Пенза, 2021. — С. 64–78.
2. Долгиева М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства / М.М. Долгиева. — DOI 10.17803/1994-1471.2019.101.4.128-139. — EDN GNFMFL // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 4 (101). — С. 128–139.
3. Батоев В.Б. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия / В.Б. Батоев, В.В. Семенчук. — EDN YZLSXN // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 2 (42). — С. 9–15.
4. Рускевич Е.А. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации / Е.А. Рускевич, И.И. Малыгин. — DOI 10.17323/2072-8166.2021.3.106.125. — EDN SVTKLI // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 3. — С. 106–125.

5. Коренная А.А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А.А. Коренная, Н.В. Тыдыкова. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415. — EDN TRQLCS // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 408–415.
6. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников [и др.]. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).85-93. — EDN HRIXOZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 85–93.
7. Кузнецов А.Г. Криминальные риски использования блокчейн-технологий и криптовалюты на территории государств — участников СНГ / А.Г. Кузнецов. — DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-4-48-55. — EDN NADKBW // Вестник Поволжского института управления. — 2021. — № 1. — С. 48–55.
8. Долгиева М.М. Место криптовалюты в системе финансовых преступлений / М.М. Долгиева. — EDN HCYFAM // Юристъ-Правоведъ. — 2022. — № 4 (103). — С. 70–74.
9. Грачев Ю.А. Роль криптовалюты в вопросах финансирования терроризма и экстремизма / Ю.А. Грачев, И.В. Степанов. — EDN ZBZDIT // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы ежегод. междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 01–02 июня 2017 г. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 72–76.
10. Сальников Е.В. Криптовалюта как инновация экономики террора / Е.В. Сальников, И.Н. Сальникова. — EDN WIRJLH // Науковедение. — 2016. — № 3 (34). — С. 74.
11. Сидоренко Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты / Э.Л. Сидоренко. — EDN YMUAUP // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — Т. 10, № 6. — С. 147–154.
12. Репецкая А.Л. Криптопреступления как следствие цифровизации преступности / А.Л. Репецкая. — EDN RBNNCU // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции : материалы I Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27 янв. 2021 г. — Москва, 2021. — С. 61–67.
13. Мурадян С.В. Перспективы использования криптовалют для целей финансирования терроризма и меры по предупреждению указанной тенденции / С.В. Мурадян. — DOI 10.24412/2073-3313-2022-5-196-201. — EDN CYAJC // Закон и право. — 2022. — № 5. — С. 196–201.

References

1. Klimkina L.P., Mentyukova O.V., Sukhanova O.N., Volkova G.A., Badov V.D. Features of Digital Currency. In Bondina N.N. (ed.). *Current Problems of Accounting, Auditing and Analysis in Modern Condition*. Penza, 2021, pp. 64–78. (In Russian). EDN: SKEDSW.
2. Dolgieva M.M. Cryptocurrency Operations: Topical Issues of Theory and Practice of Criminal Law Application. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*. 2019, no. 4, pp. 128–139. (In Russian). EDN: GNFMFL. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.128-139.
3. Batoev, V.B., Semenchuk, V.V. How to Overcome Problems in Combating Criminal Use of Virtual Cryptocurrencies. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 2, pp. 9–15. (In Russian). EDN: YZLSXN.
4. Russkevich, E.A., Malygin I.I. Crimes Related to Cryptocurrencies: Features of Qualification. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 3, С. 106–125. (In Russian). EDN: SVTKLI. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.106.125.
5. Korennaya A.A., Tydykova N.V. Crypto Currency as an Object and Instrument of Committing Crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 408–415. (In Russian). EDN: TRQLCS. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415.
6. Ivantsov S.V., Sidorenko E.L., Spasennikov B.A., Berezkin Yu.M.5, Sukhodolov Ya.A. Cryptocurrency-related Crimes: Key Criminological Trends. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 85–93. (In Russian). EDN: HRIXOZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).85-93.
7. Kuznetsov A.G. Criminal Risks of Using Cryptocurrency and Blockchain Technology Use in the CIS Member States. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2021, no. 1, pp. 48–55. (In Russian). EDN: NADKBW. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-1-4-48-55.

8. Dolgieva M.M. The Place of Cryptocurrency in the System of Financial Crimes. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2022, no. 4, pp. 70–74. (In Russian). EDN: HCYFAM.
9. Grachev Yu.A., Stepanov I.V. The Role of Cryptocurrency in Matters of Financing Terrorism and Wxtremism. *Criminalistics and Forensic Examination: Past, Present and a Look into the Future. Materials of the Annual International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, June 01-02, 2017*. Saint Petersburg, 2017, pp. 72–76. (In Russian). EDN: ZBZDIT.
10. Salnikov E.V., Salnikova I.N. The Cryptocurrency as an Innovation of the Economy of Terror. *Naukovedenie = Science Studies*, 2016, no. 3, pp. 74. (In Russian). EDN: WIRJLH.
11. Sidorenko E.L. Criminological Risks of Crypto Currency Turnover. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 147–154. (In Russian). EDN: YMU-AUP.
12. Repetskaya A.L. Cybercrimes as a Consequence of the Digitalization of Crime. *DIGITAL Technologies in the Fight Against Crime: Problems, State, Tendencies. Materials of the 1st All-Russian Research Conference. Moscow, January 27, 2021*. Moscow, 2021, pp. 61–67. (In Russian). EDN: RBNNCU.
13. Muradyan S.V. Prospects for the Use of Cryptocurrencies for Terrorist Financing Purposes and Measures to Prevent this Trend. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2022, no. 5, pp. 196–201. (In Russian). EDN: CYYAJC. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-5-196-201.

Информация об авторе

Миронов Александр Олегович — адъюнкт, кафедра уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, aleksandrmir97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-0696>, SPIN-код: 8358-4012, AuthorID РИНЦ: 1125036.

Author

Alexander O. Mironov — PhD Student, Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, aleksandrmir97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-0696>, SPIN-Code: 8358-4012, AuthorID RSCI: 1125036.

Для цитирования

Миронов А.О. Роль криптовалют в совершении преступлений террористической и экстремистской направленности в современных условиях / А.О. Миронов. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1691-1700. — EDN TTBJOJ // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1691–1700.

For Citation

Mironov A.O. The Role of Cryptocurrencies in Committing Terrorist and Extremist Crimes in Modern Conditions. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1691–1700. (In Russian). EDN: TTBJOJ. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1691-1700.

Научная статья

УДК 343.98

EDN SGJDCW

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1701-1706

Д.С. Петров*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,**petrovu-88@mail.ru*

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННЫХ РУБОК ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ ЛЕСОМАТЕРИАЛОВ

АННОТАЦИЯ. В статье указывается проблематика отсылочных норм и иных норм, определяющих наличие состава преступления. Автор выводит актуальные проблемы отсылочных норм уголовного права при расследовании уголовных дел, связанных с незаконной рубкой. Статья содержит анализ Постановления Правительства от 29.12.2018 г. № 1730 в первоначальной редакции, Постановления Правительства РФ от 29.12.2018 г. № 1730 (ред. от 18.12.2020 г.) и Постановления Правительства РФ от 08.05.2007 г. № 273 (последняя редакция) и выводы, основанные на этом анализе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Незаконное перемещение лесоматериалов через таможенную границу, незаконная рубка, Постановление правительства РФ № 1730, Постановление Правительства РФ № 273, приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 27 октября 2023 г.; дата принятия к печати 07 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2023 г.

Original article

D.S. Petrov*Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, petrovu-88@mail.ru*

ACTUAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF REFERENCE STANDARDS IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF TIMBER SMUGGLING

ABSTRACT. The article points out the problems of reference norms and other norms that determine the presence of the corpus delicti. The author brings out the actual problems of reference norms of criminal law in the investigation of criminal cases related to illegal logging. The article contains an analysis of Government Decree No. 1730 of 29.12.2018 in the original version, Government Decree No. 1730 of 29.12.2018 (ed. of 18.12.2020) and Government Decree No. 273 of 08.05.2007 (latest edition) and conclusions based on this analysis.

KEYWORDS. Illegal movement of timber across the customs border, illegal logging, Decree of the Government of the Russian Federation No. 1730, Decree of the Government of the Russian Federation No. 273, acquisition, storage, transportation, processing for sale or sale of deliberately illegally harvested wood.

ARTICLE INFO. Received October 27, 2023; accepted December 07, 2023; available online December 29, 2023.

В подавляющем большинстве при расследовании уголовных дел, связанных с контрабандой лесоматериалов, способом совершения преступления является недостоверное декларирование. Под видом законно заготовленной древесины путем внесения в декларации на товары ложных сведений о производителе древесины через таможенную границу перемещаются лесоматериалы, заготовленные заведомо незаконно для лиц, совершающих преступление.

© Петров Д.С., 2023

В этой связи важное значение для расследования уголовных дел о контрабанде лесоматериалов, имеет установление факта незаконности заготовки древесины, то есть факта совершения незаконной рубки. Учитывая, что в настоящее время расследуются уголовные дела о контрабанде древесины, перемещенной через таможенную границу до 2020 г., принимая во внимание изменение законодательства в области установления вреда, причиненного незаконной рубкой в период 2018–2020 гг., требуется научное обоснование установления вреда, причиненного незаконной рубкой в указанные периоды.

В научной литературе, в целом освещены вопросы уголовно-правовых, криминалистических аспектов противодействия данным видам преступной деятельности. Прежде всего, заслуживают внимание работы Е.В. Роговой, С.В. Унжаковой, С.П. Грибунова, Р.А. Забавко, М.А. Васильевой.

Зачастую, при расследовании уголовных дел, связанных как с контрабандой лесоматериалов и незаконной рубкой, встречаются ошибки со стороны лиц, производящих расследование. Лицо производящее расследование должно в полной мере владеть терминологией, связанной с лесным законодательством, в полной мере знать нормативно — правовую базу, регулирующую правоотношения в лесной отрасли. [1, с. 157].

Примечание к ст. 260 УК РФ устанавливает, что ущерб, причиненный незаконной рубкой, исчисляется по таксам и методике, утвержденными Правительством Российской Федерации.¹ При расследовании уголовного дела необходимо установить обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, то есть вред причиненный преступлением. Стоит отметить, что такое преступление как незаконная рубка представляет большую общественную опасность и установление обстоятельств подлежащих доказыванию вызывает определенные трудности в правоприменительной деятельности. [2, с. 505].

Разделяя позиции А.В. Варданяна и М.Е. Иванова, высказанные ими при исследовании данной проблемы, отметим, что при расследовании уголовных дел, связанных с незаконными рубками, а также иными экологическими преступлениями, одним из обстоятельств подлежащих доказыванию является установление норм, нарушенных виновными лицами, регулирующих правоотношения в лесной отрасли, а также какие положения следует применять при установлении вреда, причиненного преступлением [3, с. 54].

28 декабря 2018 года отменено Постановление Правительства РФ от 08.05.2007 г. № 273 (ред. от 11.10.2014 г., с изм. от 02.06.2015 г.) «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства»². При расследовании уголовных дел о незаконных рубках и контрабанде лесоматериалов, у органов предварительного следствия возникает правовая неопределенность при расчете вреда, причиненного преступлением, в ситуациях, когда сама незаконная рубка совершена в период действия Постановления Правительства № 273, расследование уголовного дела происходило в период действия Постановления Правительства РФ от 29.12.2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»³ в пер-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ 1994. № 32. Ст. 3301

² Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства Постановлением Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273 (ред. от 11 окт. 2014, с изм. от 02 июня 2015) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 20. Ст. 2437

³ Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства РФ от 29 дек. 2018 г. № 1730 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 1. Ст. 25.

воначальной редакции, а в суд уголовное дело для рассмотрения поступило в период действия Постановления Правительства РФ от 29.12.2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»⁴ в редакции от 18.12.2020 г., в которое Постановлением Правительства РФ от 18.12.2020 г. № 2164 «О внесении изменений в приложение № 4 к особенностям возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»⁵ внесены изменения.

Встречающаяся при расследовании уголовных дел, связанных с незаконными рубками, неопределенность, возникает в спорах, какое в указанном случае надлежит применять Постановление Правительства РФ при определении ущерба. Для устранения неопределенности, требуется научно обоснованный подход в части применения обратной силы уголовного закона, а также анализа отсылочных норм, регламентирующих определение ущерба.

Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, при этом временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Однако статьей 10 УК РФ устанавливается исключение. Положения ст. 10 УК РФ устанавливает, что уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу.

Учитывая положения ст. 54 Конституции РФ, ст. 9, 10 УК РФ, принимая во внимание, что ст. 260 УК РФ не содержит положений, определяющих размер вреда, причиненного незаконной рубкой, то есть является отсылочной, можно прийти к выводу, что действие закона во времени распространяются не только на Уголовный закон, но и на Постановление Правительства РФ, регламентирующие определение ущерба.

Без определения вреда, причиненного незаконной рубкой, невозможно говорить о преступности деяния, что обязывает следственные органы, при расследовании уголовных дел о незаконных рубках, в целях выполнения требований ст. 73 УПК РФ, сопоставлять нормы, действовавшие как на момент принятия процессуального решения, так и на момент совершения преступления, а также в промежуточный период. Полагал бы, что для научного обоснования применения того или иного Постановления Правительства РФ, регламентирующего установление ущерба, основываясь на положениях ст. 54 Конституции РФ, ст. 10 УК РФ, требуется сравнение такс и методик, содержащихся в трех Постановлениях Правительства РФ. [4, с. 186].

Постановление Правительства № 1730 устанавливает таксы и методики, по которым возможно установить размер вреда, причиненного незаконной рубкой. Как уже указывалось выше, в Постановление Правительства № 1730 были внесены изменения 18 декабря 2020 г., которые установили, что при расчете суммы ущерба от незаконной рубки не нужно разделять незаконно заготовленную древесину

⁴ Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства РФ от 29 дек. 2018 г. № 1730 (ред. от 18 дек. 2020) // Собр. законодательства РФ. 2019. № 1. Ст. 25.

⁵ О внесении изменений в приложение № 4 к особенностям возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства: постановление Правительства РФ от 18 дек. 2020 г. № 2164 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 52 (Ч. I). Ст. 8847

на дровяную и деловую, а ее на мелкую, среднюю и крупную, как того требовала первоначальная редакция Постановления Правительства 1730.

Следует отметить, что отмененное Постановление Правительства № 273 так же не требовало разделения древесины дровяную и деловую. Если обратиться к ставкам платы, которые содержатся в Постановлении Правительства № 1730 в первоначальной редакции, то можно увидеть, что дровяная древесина по стоимости в разы ниже, чем деловая, что существенно снижает сумму ущерба при наличии незаконно заготовленной дровяной древесины. Разделение деловой древесины по категориям крупности так же приводит к снижению ущерба, поскольку каждая категория крупности имеет свою стоимость [5, с. 114].

Детальный анализ и сравнение всех трех Постановлений Правительства дает возможным сделать вывод, что Постановление Правительства № 1730 (действующая редакция) и Постановления Правительства № 273 устанавливают, что вся древесина считается как деловая средней крупности, следовательно сумма ущерба увеличивается по сравнению с Постановлением Правительства № 1730 в первоначальной редакции.

Не сложно установить, что при сложной следственной ситуации и правовой неопределенности при расчете вреда, причиненного преступлением, в ситуациях, когда сама незаконная рубка совершена в период действия Постановления Правительства № 273, расследование уголовного дела происходило в период действия Постановления Правительства № 1730 в первоначальной редакции, а в суд уголовное дело для рассмотрения поступило в период действия Постановления Правительства РФ от № 1730 в редакции от 18.12.2020 г., следует применять для расчета вреда Постановление Правительства № 1730 в первоначальной редакции. Такой вывод автора обоснован с учетом положений ст. 54 Конституции РФ, а также ст.ст. 9 и 10 УК РФ. Очевидно, что расчет ущерба от незаконной рубки с разделением незаконно заготовленной древесины на дровяную и деловую, а ее по категориям крупности будет иным образом улучшать положение виновного лица.

Указанная проблема была предметом исследования Р.А. Забавко, в ходе которого он так же пришел к выводу, что Постановление Правительства № 1730 в первоначальной редакции иным образом улучшать положение виновного лица, так как снижает сумму вреда, причиненного незаконной рубкой. [6, с. 70].

Как верно отметили С.В. Унжакова и С.П. Грибунов, незаконный экспорт древесины зачастую стимулирует совершение иных преступлений. Незаконная рубка лесных насаждений является лишь начальным этапом контрабанды древесины [7, с. 260], в связи с чем считаем, изложенный в настоящей статье научный подход может быть применен при расследовании уголовных дел. Формирование комплексных методик расследования, объединяющих не отдельные виды преступлений, а их взаимосвязанные группы, так как подобные методики охватывают совокупность совершаемых преступлений, исходя из механизма преступной деятельности, позволяет шире увидеть всю полноту и масштабность криминализации отрасли, а правильное применение законодательства, регламентирующего лесную отрасль, избежать ошибок при расследовании данной категории дел [8, с. 9].

Использование комплексных методик, охватывающих все виды преступлений, совершаемых при расследовании уголовных дел о контрабанде древесины необходимы поскольку незаконное перемещение древесины через таможенную границу путем недостоверного декларирования невозможно без совершения последовательных самостоятельных преступлений, таких как незаконная рубка лесных насаждений и приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины [9, с. 104].

Кроме того, правильное применения законодательства, регламентирующего определение вреда, способствует правильной квалификации действий виновных лиц, при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 191.1, 260, 226.1 УК РФ [10, с. 96].

Изложенный в настоящей статье анализ законодательства, имеет своей целью устранить возникающие противоречия при расследовании уголовных дел, по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, вызванных спорами о применении Постановления Правительства, регламентирующего расчет ущерба от незаконной рубки, который может быть применен для всестороннего и качественного расследования данной категории дел.

Список использованной литературы

1. Варданян А.В. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ / А.В. Варданян, С.В. Унжакова, С.П. Грибунов. — EDN YAAITJ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3 (86). — С. 155–160.
2. Васильева М.А. К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений / М.А. Васильева, Е.В. Зубенко. — DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.504-509. — EDN ARMBQ // Человек: преступление и наказание. — 2019. — Т. 27, № 4. — С. 504–509.
3. Варданян А.В. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, как элемент криминалистической методики расследования указанных деяний / А.В. Варданян, М.Е. Иванов // Юрист-Правовед. — 2014. — № 6 (67). — С. 53–55.
4. Забавко Р.А. Особенности квалификации преступлений в сфере лесопромышленного комплекса с учетом обратной силы закона / Р.А. Забавко. — EDN KYAZWQ // Байкальский природоохранный форум : сб. статей. — Иркутск, 2023. — С. 184–189.
5. Рогова Е.В. Вопросы возмещения вреда, причиненного окружающей среде / Е.В. Рогова, Р.А. Забавко. — DOI 10.18572/0134-2398-2023-5-110-122. — EDN MIPKRA // Хозяйство и право. — 2023. — № 5 (556). — С. 110–122.
6. Забавко Р.А. Некоторые вопросы определения размера незаконной рубки лесных насаждений / Р.А. Забавко. — DOI 10.26516/2071-8136.2023.2.69. — EDN DXILRM // Сибирский юридический вестник. — 2023. — № 2(101). — С. 69–73.
7. Унжакова С.В. Способ совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины / С.В. Унжакова, С.П. Грибунов. — DOI 10.24411/2312-3184-2019-10024. — EDN ONGYCH // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1(88). — С. 252–264.
8. Васильева М.А. Совершенствование методики расследования экологических преступлений как залог повышения качества расследования / М.А. Васильева. — DOI 10.18572/1812-3783-2020-4-8-11. — EDN MFNNDM // Российский следователь. — 2020. — № 4. — С. 8–11.
9. Унжакова С.В. Методика расследования незаконных рубок лесных насаждений: учеб. пособие / С.В. Унжакова. — Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2010. — 104 с.
10. Квалификация преступлений и административных правонарушений в сфере лесопользования / О.В. Ивушкина, С.П. Грибунов, С.В. Унжакова, А.А. Тирских. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. — 96 с. — EDN: PVAWJO.

References

1. Vardanyan A.V., Unzhakova S.V., Gribunov S.P. Inquisitorial Situations of the Primary Stage of Investigation of Crimes on the Article 191.1 of Criminal Code OF Russian Federation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 3, pp. 155–160. (In Russian). EDN: YAAITJ.

2. Vasil'eva M.A., Zubenko E.V. On The Question of Establishing the Circumstances To Be Proved In Criminal Cases On Illegal Extraction of Aquatic Biological Resources and Logging of Forest Plantations. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 504–509. (In Russian). EDN: ARRMBQ. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.504-509.

3. Vardanyan A.V., Ivanov M.E. A List of Circumstances to Be Proven During the Investigation of Illegal Extraction (Catch) of Aquatic Biological Resources, as an Element of the Forensic Methodology for Investigating These Acts. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2014, no. 6, pp. 53–55. (In Russian).

4. Zabavko R.A. Peculiarities of Qualification of Crimes in the Forestry Sector, Taking into Account the Retroactive Effect of the Law. *Baikal Environmental Forum. Collected Papers. Moscow*, 2023, pp. 184–189. (In Russian). EDN: KYAZWQ.

5. Rogova E.V., Zabavko R.A. Issues of Compensation of Environmental Damage. *Khozyaistvo i pravo = Business and Law*, 2023, no. 5, pp. 110–122. (In Russian). EDN: MIIKRA. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-5-110-122.

6. Zabavko R.A. Some Issues of Defining the Size of Illegal Logging of Forest Plantations. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2023, no. 2, pp. 69–73. (In Russian). EDN: DXILRM. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.2.69.

7. Unzhakova S.V., Gribunov S.P. The Way of Perfection of Crimes as a Key Element of the Criminalistic Characteristics of Acquisition, Storage, Transportation, Processing For the Sales or Trade Organized, or Protected, for Process in Order to Order To Organize a Criminal Criminality. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 252–264. (In Russian). EDN: ONGYCH. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10024.

8. Vasil'eva M.A. The Improvement of the Environmental Crime Investigation Methodology as the Key to Raising the Quality of Investigation. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 4, pp. 8–11. (In Russian). EDN: MFNNDM. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-4-8-11.

9. Unzhakova S.V. *Methodology for Investigating Illegal Logging of Forest Plantation*. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2010. 104 p.

10. Ivushkina O.V., Gribunov S.P., Unzhakova S.V., Tirsikh A.A. *Qualification of Crimes and Administrative Offenses in the Field of Forest Management*. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2020. 96 p. EDN: PVAWJO.

Информация об авторе

Петров Дмитрий Сергеевич — аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, petrovu-88@mail.ru.

Author

Dmitrii S. Petrov — PhD Student, Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, petrovu-88@mail.ru.

Для цитирования

Петров Д.С. Вопросы квалификации незаконных рубок при расследовании контрабанды лесоматериалов / Д.С. Петров. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1701-1706. — EDN SGJDCW // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1701–1706.

For Citation

Petrov D.S. Actual Problems of the Application of Reference Standards in the Investigation of Criminal Cases of Timber Smuggling. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1701–1706. (In Russian). EDN: SGJDCW. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1701-1706.